

Дневникъ *

Барона А. Будберга

1919 годъ.

3 Августа. Тяжело быть полнымъ мрачными мыслями, не вѣрить въ возможность благополучнаго исхода, и въ то же время по наружности и передъ подчиненными сохранять бодрость, разводить всѣмъ розовую воду, подбадривать всѣхъ сотрудниковъ и поднимать уровень и качество ихъ работы, дабы въ предѣлахъ своего вѣдѣнія выполнить максимумъ полезной и созидательной работы.

Обидно за невозможность высвободить адмирала изъ подъ власти окружившихъ его вліяній; я сдѣлать этого не могу, ибо я и мои доклады не нравятся адмиралу; я всегда могу вырвать у него нужное мнѣ рѣшеніе, но то же и одновременно могутъ сдѣлать лица совершенно противоположнаго направленія; нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что принятое рѣшеніе не будетъ отмѣнено или разбавлено и добавлено такъ, что лучше бы ничего не дѣлать.

Все зло въ полной безсистемности, въ калейдоскопической смѣнѣ настроеній и рѣшеній, въ метаніи безъ руля и вѣтриль подъ сомнительнымъ вліяніемъ разномастныхъ совѣтчиковъ, въ бесплодныхъ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ.

И чѣмъ искреннѣе, убѣжденнѣе и энергичнѣе эти совѣтчики, тѣмъ хуже, ибо самая посредственная система лучше той каши, которая получается отъ постоянной смѣны рѣшеній и отъ извилистаго болтанія нашего курса.

Сейчасъ адмиралъ крѣпко захваченъ казачьей коалиціей и примазавшимися къ ней омскими политиками и разными честолюбцами, родителями всевозможныхъ панацей по спасенію положенія.

Ночью арестованъ главный начальникъ военныхъ сообщеній Ставки и тыла генералъ Касаткинъ и нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ; послѣднимъ предъявлено обвиненіе во взяточничествѣ, а Касаткину въ бездѣйствіи власти.

Сенсація въ Омскѣ по этому поводу огромная, но нездоровая.

Говорятъ, что вина Касаткина состоитъ въ томъ, что ему было доложено, что комендантъ станціи Омскъ поручикъ Рудницкій беретъ взятки, но К. не принялъ по этому докладу соответственныхъ мѣръ.

Подробности неизвѣстны; какъ-то странно привлеченіе къ отвѣтственности одного изъ старшихъ чиновъ Ставки и предавать его военно-полевому суду за то, что пятистепенный агентъ бралъ взятки; вѣдь, между Касаткинымъ и Рудницкимъ имѣется цѣлый рядъ промежуточныхъ начальниковъ. Кромѣ того, вся дѣятельность Касаткина, его рѣдкая энергія, добросовѣстность и борьба со всякими злоупотребленіями рѣзко противорѣчатъ предъявленному ему обвиненіемъ; это одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ работниковъ Ставки.

Приходилъ Хрещатицкій; очень долго и нѣжно журчалъ о необходимости послать авторитетное и пользующееся довѣріемъ японцевъ лицо (читай его самого) въ Токио для веденія тамъ всѣхъ сношеній по отпуску намъ снабженій; доказывалъ, что веденіе

*) Окончаніе. См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV.

переговоровъ черезъ некомпетентныхъ лицъ уже привело къ тому, что Такаянаги вошелъ въ прямыя сношенія съ Моррисомъ и на нѣкоторые вопросы X-го, отвѣтилъ ему, что все будетъ рѣшено по соглашенію непосредственно съ представителемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Несомнѣнно, что вся эта интрига заведена самимъ Хрещатицкимъ, которому до за-рѣзу хочется попасть въ Токио на хорошее содержаніе и правдное ничегонедѣланіе; онъ бѣгаетъ по разнымъ лицамъ и миссіямъ, обхаживаетъ всячески адмирала и въ производимой мутѣ думаетъ ухватить завѣтную рыбку.

Ушелъ отъ меня очень недовольнымъ, такъ какъ я высказалъ полное несогласіе съ такимъ безцѣльнымъ назначеніемъ какого-то особаго представителя, разъ мы имѣемъ въ Японіи своихъ агентовъ, военного и министерства финансовъ, съ цѣлымъ штатомъ приѣмщиковъ.

Журчалъ про непригодность Розанова, про ошибочность политики Иванова-Ринова и видимо хотѣлъ попасть мнѣ въ тонъ; очевидно, онъ ведетъ какую-то махинацію по самоустройству и боится моего противодѣйствія. Едва ли сегодняшній визитъ окрылилъ его надежды.

На дорогѣ рядъ крушеній; каторжный трудъ личнаго состава желѣзнодорожниковъ, невѣроятно напряженный за время эвакуаціи, очевидно, всѣхъ вымоталъ и переутомилъ. Вѣдь, выполнена по истинѣ гигантская работа, такъ какъ въ теченіе одной недѣли, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, мы успѣли угнать по двумъ одноклейнымъ путямъ сорокъ семь тысячъ вагоновъ, составляющихъ двѣ ленты поѣздовъ въ триста семьдесятъ верстъ длины.

Особенно тяжела служба ночью, такъ какъ нѣтъ керосина для паровозныхъ фаръ и поѣздъ летитъ въ полной темнотѣ, на авось.

Съ нетерпѣніемъ жду приѣзда генерала Головина; съ личной точки зрѣнія это освобождаетъ меня отъ должности, на которой я не въ состояннн приносить пользу, а въ интересахъ общихъ дѣлъ, быть можетъ, Головину удастся приобрѣсти здоровое вліяніе на адмирала, освободить его изъ Омскаго и казачьяго плѣна, и сдѣлаться настоящимъ руководителемъ новаго курса. Я никогда не видалъ Головина, но отзывы о немъ слышалъ всегда самые благопріятные.

Чѣмъ скорѣе онъ приѣдетъ и чѣмъ скорѣе я уйду, тѣмъ будетъ лучше для дѣла, такъ какъ я совсѣмъ не подхожу къ характеру адмирала и всей Омской обстановкѣ, а тогда мое движеніе противъ общаго теченія бесполезно, а для общей системы, — вѣрнѣе безсистемья, даже вредно.

Я слишкомъ рѣзокъ для адмирала; его увѣрили, что я мрачный пессимистъ; что моя окраска всегда сгущена; что я вижу всегда только скверное; что я вздоренъ и неуживчивъ и т. п. Я вижу, что къ моимъ докладамъ онъ относится съ осторожкою, не умѣя никогда скрывать предубѣжденія; онъ уступаетъ силѣ доводовъ и искренности убѣжденія, порывисто переходитъ на мою сторону, но все это мимолетно, непрочно и только до чьего-нибудь доклада, который разобьетъ мои доводы и можетъ привести къ новому, совершенно иному рѣшенію.

Я знаю, что тѣ, кому я мѣшаю въ ихъ честолюбіи и личныхъ дѣлахъ и которые боятся моей рѣзкоюй критики и прямолинейности, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы показать, что я желчный и завистливый брюзга, которому хочется во все совать свой носъ и который по неуживчивости характера и неудовлетворенному честолюбію на все ворчить.

При умѣнннн потрафить адмиралу и при подтасовкѣ фактовъ доказать это не трудно, ибо моя дѣятельность идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ остальнымъ, причемъ въ оцѣнкахъ, критикѣ, выраженіяхъ, характеристикахъ, а иногда и распоряженіяхъ я дѣйствительно не стѣсняюсь, но дѣлаю это не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляются моими противниками, а потому, что иныхъ способовъ воздѣйствія нѣтъ, а иногда сугубой рѣзкостью хочется обратить вниманіе верховъ на совершающееся и ваставить ихъ призадуматься, присмотрѣться и покопаться.

Лично мнѣ безразлично, что мой, такъ называемый, пессимизмъ и мое отчаяніе отъ предвидѣнія будущаго вся ата темная компанія оцѣниваетъ, какъ озлобленность честолюбца и зависть; имъ, по ихъ существу, не дано понять, что могутъ быть иныя, болѣе чистыя чувства и побужденія, которыя вызываютъ эти пессимизмъ и отчаяніе.

Быть можетъ, мой крупный недостатокъ въ томъ и заключается, что во мнѣ мало честолюбія, мало заговорщической энергіи, мало желанія разметать всю эту кучку и самому пробраться на болѣе рѣшительныя амплуа.

4 *Августа*. Дѣло съ арестомъ Касаткина возмутительно по своей поспѣшности; все это проведено съ чернаго крыльца, съ очень темнымъ участіемъ контръ-развѣдки и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ адъютантской передней, использовавшей вспылчивость адмирала и его желаніе реально и круто показать свою силу въ борьбѣ со служебными злоупотребленіями. Быть можетъ, и искренно, но по мальчишески задорно и неумѣло, ближайшій антуражъ адмирала подбилъ его громово хватить по взяточничеству и казнокрадству; провели все очень секретно, при дѣятельномъ участіи контръ-развѣдки, постаравшейся потрафить начальству, на что ея дѣльцы большіе мастера.

Казалось бы, что при замятомъ дѣлѣ Зефирова съ его возмутительной покупкой чая за тройную цѣну, при лежащемъ безъ движенія дѣлѣ Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, при грабительскомъ режимѣ атамановъ и при темныхъ порядкахъ въ дѣятельности нѣкоторыхъ агентовъ Министерства Снабженія можно было давно найти десятки случаевъ, чтобы показать силу и грозность власти, готовой испепелить все зло и тѣхъ, кто его творить.

Вмѣсто этого, адъютантская передняя выслѣдила одну изъ мелкихъ компаній мѣстныхъ взяточниковъ и, не понимая, что творить, настроила адмирала грохнуть по всей этой воробьиной кучѣ сразу изъ Царь Пушки.

Касаткина примазали къ сенсаци, ради пущаго эффекта и показательности безпристрастія власти, не останавливающейся передъ положеніемъ виновныхъ; бѣднаго Касаткина заставили играть роль того украшенія изъ овощей, которое прибавляется въ плохихъ ресторанахъ къ разнымъ блюдамъ, чтобы скрасить порченный матерьялъ и плохое приготовленіе.

Всѣ, знающіе Касаткина, возмущены его арестомъ; Уструговъ ѣздилъ къ адмиралу по этому поводу; адмиралъ какъ-то сконфужень, но приказъ о преданіи суду уже отданъ и дѣло идетъ.

Написалъ Бурлину, какъ замѣстителю наштаверха, официальное письмо и, какъ старшій офицеръ Генеральнаго Штаба, прошу освѣдомить о причинахъ ареста генерала Генеральнаго Штаба и выражаю увѣренность, что это какое то очень печальное недоразумѣніе и что наштаверхъ приметъ необходимыя мѣры, чтобы впредь оградить нашъ корпусъ отъ такихъ неожиданныхъ, обидныхъ и печальныхъ недоразумѣній.

Въ отвѣтъ получилъ только приказъ Верховнаго Главнокомандующаго о преданіи Касаткина военно-полевому суду за бездѣйствіе власти, обычное умываніе рукъ и спасеніе за приказъ и за букву.

Сидѣли, зѣвали, мямлили, покрывали милліонныя хищенія Зефирова и Ко., военно-промышленниковъ и т. п. и, вдругъ, по наущенію адъютантской челяди изъ дворцовыхъ переднихъ, начинаютъ гвоздить безъ всякаго разбора. Ну, какъ же тутъ не быть пессимистомъ!

Пріѣхалъ съ фронта начальникъ 1 кавалерійской дивизіи Генераль Миловичъ (настоящій генераль, участникъ большой войны); рассказалъ про творящіяся на фронтѣ безобразія, про безграмотныя распоряженія юнцовъ командармовъ и комгруппъ, впереди всѣхъ удиравшихъ отъ возможныхъ неприяностей слишкомъ близкаго сосѣдства съ красными; по его словамъ, подъ Челябинскомъ уложили лучшую часть офицерской и инструкторской школы.

Смотрю на карту и наизлющимъ образомъ злюсь; если бы, вмѣсто преступной авантюры Лебедева, мы стояли бы теперь за укрѣпленной линіей Тобола, сохранивъ всѣ резервы, поднявъ матерьяльное и моральное состояніе отдохнувшихъ войскъ и представивъ краснымъ нападать, — какъ бы выгодно было наше положеніе. А сейчасъ наше

положеніе много хуже того, что было годъ тому назадъ, ибо свою армію мы уже ликвидировали, а противъ насъ, вмѣсто прошлогоднихъ совдеповъ и винегрета изъ красноармейской рвани, наступаетъ регулярная красная армія, не желающая, — вопреки всѣмъ донесеніямъ нашей развѣдки, — разваливаться; напротивъ того, она гонитъ насъ на востокъ, а мы потеряли способности сопротивляться и почти безъ боя катимся и катимся.

Весь ужасъ въ томъ, что гонитъ насъ не красная армія, не искусство ея вождей, а результаты профессиональной безграмотности нашего штаверха, его мальчишескаго задора и самолюбія; насъ гонитъ неумѣнье организовать настоящую армію, поставить на отвѣтственные мѣста опытныхъ и знающихъ исполнителей; насъ убиваетъ превалированіе честолюбія надъ подвигомъ, задора надъ опытомъ, авоськи надъ расчетомъ, усмотрѣнія надъ закономъ, безвластіе и общій нравственный развалъ.

Годъ тому назадъ населеніе видѣло въ насъ избавителей отъ тяжкаго комиссарскаго плѣна, а нынѣ оно насъ ненавидитъ такъ же, какъ ненавидѣло комиссаровъ, если не больше; и что еще хуже ненависти, оно намъ уже не вѣритъ, отъ насъ не ждетъ ничего добраго.

Весь тылъ въ пожарѣ мелкихъ и крупныхъ возстаній и большевистскихъ и чисто анархистскихъ (противъ всякой власти) и чисто разбойничьихъ, остановить которыя силой мы уже, очевидно, не въ состояніи. Вотъ годичные результаты работы Ставки на фронтѣ и Правительства въ странѣ; отъ такихъ итоговъ можно не то, что пессимистомъ сдѣлаться, а выть отъ отчаянія. Стоимъ опять передъ разбитымъ корытомъ, съ задачей начинать все снова, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Омскіе оптимисты кричатъ, что вотъ де поднимется Сибирское казачество и красные посыпятся, какъ чурки; очередные выкрики на тему, «шапками закидаемъ». Если бы это было правдой! вѣдь, вѣрить этому можетъ только тотъ, кто неспособенъ ни къ какому подсчету и учету всего происходящаго и способенъ жить въ атмосферѣ трескучихъ фразъ, пусканія мыльныхъ пузырей и построения маниловскихъ воздушныхъ замковъ.

Я считаю, что наше спасеніе въ Деникинѣ и въ томъ, чтобы намъ удалось продержаться до зимы, приступивъ немедленно къ самымъ кореннымъ и рѣшительнымъ реформамъ, какъ въ арміи, такъ и во всей системѣ государственной работы. Надѣюсь, что приѣздъ Головина и командованіе Дитерихса успѣютъ тогда внести систему въ организаціи, сократить усмотрѣніе, ликвидировать или сузить вліяніе атаманщины, поставить на верхи опытный командный составъ и упорядочить снабженіе; тогда къ веснѣ 1920 года можно будетъ имѣть небольшую, но надежную и хорошо управляемую армію и готовые резервы за ней, т. е. то, что нужно, чтобы быстро, какъ говорится, въ два счета, покончить съ красной арміей. Одновременно надо добиться занятія тыла союзными гарнизонами и введенія тамъ законности и здраваго порядка.

Развѣдка сообщаетъ, что нажимъ красныхъ долженъ ослабѣть, такъ какъ имѣются де данныя, что большевики собираются, въ случаѣ развитія успѣховъ Деникина, отходить на Туркестанъ, Индію, Персію и Китай, чтобы зажечь тамъ такой красный пожаръ, который спалитъ всѣхъ союзниковъ. Наши оптимисты готовы строить на этомъ самые радужные планы.

5 Августа. Отходъ фронта продолжается; остатки третьей арміи съ огромнымъ трудомъ выкарабкиваются изъ того катастрофическаго положенія, куда завело ихъ честолюбіе Лебедева и его желаніе спасти свою валящуюся репутацію. Все положеніе теперь зиждется на томъ, что сдѣлаетъ Дитерихсъ; пока, онъ отдалъ весьма дѣльные распоряженія самымъ спѣшнымъ порядкомъ отвести за Тоболь наиболѣе разстроенныя части армій и дать имъ отдышаться; не нравится мнѣ только то, что, какъ заявлено, это дѣлается для послѣдующаго перехода въ наступленіе, т. е. для того, на что мы совершенно сейчасъ неспособны. Эта нелѣпая привязанность къ наступленію во что бы то ни стало и боязнь «подлой» обороны составляютъ лейтъ-мотивъ нашей Ставки, гдѣ главныя мѣста по оперативной части заняты преподавателями нашей военной академіи, помѣшавшейся послѣ 1905 года на идеѣ наступленія; у насъ, вѣдь, даже уничтожили самое слово «оборона» и подвергали херему всякаго, кто осмѣливался даже мыслить, что на войнѣ бываютъ, — и нерѣдко, — такіе случаи, когда оборона является лучшимъ способомъ дѣйствія.

Бывая въ Ставкѣ, отдыхаю, глядя на работу Полевого Инспектора Артиллеріи генерала Прибыловича, выполнившего и продолжающаго выполнять огромную и планомерную работу по восстановленію нашей артиллеріи; самъ Прибыловичъ это рѣдкій талантъ по организаціи, подвижникъ идеи и долга, поразительный примѣръ для всѣхъ подчиненныхъ въ отношеніи добросовѣстности, работоспособности и выполненія идеала быть первымъ среди подчиненныхъ по работѣ и послѣднимъ на отдыхѣ; все у него систематизировано, налажено, находится у него въ рукахъ и даетъ блестящіе результаты.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ; передъ засѣданіемъ обычный въ такихъ случаяхъ докладъ о положеніи на фронтѣ, дѣлаемый, по вступленіи въ должность перваго генераль-квартирмейстера генерала Андогскаго, лично имъ самимъ; докладъ оставилъ на мнѣ самое непріятное впечатлѣніе своимъ оптимизмомъ и замазываніемъ очень тяжелаго положенія; вмѣсто того, чтобы сказать членамъ Правительства правду, Андогскій очень цвѣтисто, съ апломбомъ опытнаго лектора повѣствоваль объ «оздоровленіи армій», о возможности скоро опять перейти въ наступленіе и о томъ, что въ Челябинской операціи наши войска показали блестящія способности маневрировать; такія вещи можно докладывать только по незнанію и по неспособности понять положеніе армій или же съ завѣдомымъ намѣреніемъ скрыть правду и выгородить Ставку.

Быть можетъ, вполнѣ допустимо нѣсколько вуалировать подобные доклады, особенно въ деталяхъ, которыя, не будучи существенными, способны нанести ненужное уныніе на малопонимающихъ военное дѣло членовъ правительства, жены, друзья и подчиненные которыхъ немедленно растащатъ панику по всѣмъ стогнамъ столичнаго града Омска; но такая разумная осторожность безконечно далека отъ того благополучія, хвастовства и славословія, коими журчалъ сегодня сладкоглаголивый академистъ.

Вмѣсто чрезвычайно опаснаго гашиша такого лживаго оптимизма, представитель Ставки, уполномочиваемый освѣдомлять Правительство о состояніи фронта и ходѣ боевыхъ дѣйствій, обязанъ сказать членамъ Правительства правду, показать имъ опасность положенія, убѣдить ихъ въ необходимости сильныхъ рѣшеній, однимъ изъ коихъ долженъ быть немедленный отъѣздъ правительства и адмирала изъ Омска, что очень легко объяснить, включивъ Омскъ въ армейскій районъ, что дѣлаетъ пребываніе правительства въ немъ недопустимымъ и по логикѣ и по положенію о полевомъ управленіи войскъ.

Вѣдь, таково желаніе фронта, Дитерихса, командующаго войсками Омскаго округа и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя понимаютъ, что прочность правительственной власти не можетъ зависѣть отъ пребыванія ея въ Омскѣ; французское правительство не хотѣло оставлять Парижъ въ самыя тяжелыя минуты нѣмецкаго навала на фронтъ, но было бы по дѣтски глупо и смѣшно равнять нашу растрепанную казачью станицу и фактъ переѣзда изъ нея довольно безразличнаго для населенія правительства съ фактомъ переноса французской столицы куда-нибудь на югъ Франціи.

Третьяго дня, въ кабинетѣ предсѣдателя совѣта министровъ я очень осторожно началъ разговоръ о своевременности подумать о переѣздѣ на востокъ, но на меня накинулись такъ, какъ будто я говорю нѣчто недопустимое; особенно горячился искренній, рѣшительный и импульсивный Пепеляевъ; сегодня, послѣ доклада Андогскаго, наши оптимисты совсѣмъ расцвѣли и, подойдя ко мнѣ, говорили: «вотъ видите, какъ вы ошибались, говоря о положеніи фронта». Отвѣтилъ имъ, что остаюсь при старомъ мнѣніи, такъ какъ считаю, что лучше переѣхать заблаговременно, чѣмъ въ обстановкѣ общаго пожара; это будетъ только умная гарантія отъ всякихъ случайностей и объ этомъ нужно думать такъ же, какъ и о томъ, чтобы бросить бредни о наступленіи, а перейти къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ до тѣхъ поръ, пока не укрѣпимся настолько, чтобы имѣть дѣйствительное право на наступленіе.

Вечеромъ засѣданіе у адмирала съ приглашеніемъ всѣхъ старшихъ генераловъ; надѣялся, что наконецъ то все обсудимъ и примемъ сильныя рѣшенія, а вышло, что только поболтали и размѣнялись на самыя жалкія мелочи.

Очень много бубнилъ Ивановъ-Риновъ, настоящій митинговый ораторъ; адмиралъ слушалъ его съ удовольствіемъ, потому что тотъ подавалъ матерьяль, приходившійся по душѣ адмиралу.

Безконечно долго жевали вопросъ объ организаціи бѣлой гвардіи, ставшимъ очереднымъ, модной *puceauté*, въ которой видятъ спасеніе отъ всѣхъ золъ. Ивановъ-Риновъ съ наслажденіемъ старой полицейской ищейки смаковалъ вопросъ объ облавкахъ въ Омскѣ на офицеровъ и о постановкѣ по Иртышу постовъ для ловли дезертировъ съ немедленнымъ ихъ разстрѣломъ; казалось бы, что столь высокому и собранному для важной цѣли совѣщанію совершенно неумѣстно заниматься такой дрянью, но на ней проболтали больше часа.

Едва добился слова и высказалъ, что спасеніе не въ созданіи насильственно бѣлой гвардіи, не въ сугубыхъ карательныхъ мѣрахъ, а въ установленіи крѣпкой и реальной власти, приказы и распоряженія которой безпрекословно исполнялись бы ея агентами и были бы для населенія не только жупеломъ и писаной бумагой; надо покончить съ атаманщиной на фронтѣ и въ тылу и съ разными автономными организаціями; надо, чтобы власть была освобождена отъ тлетворнаго вліянія разныхъ кружковъ, партій, сословныхъ и классовыхъ организацій.

Немыслимо существованіе такой власти, которой приходится гадать на пальцахъ исполнять или нѣтъ отданное распоряженіе и при неисполненіи дѣлать видъ, что она это не замѣчаетъ.

Съ военной точки зрѣнія дряблая власть не мыслима и всѣ атаманствующие элементы должны быть сокрушены во что бы то ни стало, ибо это бѣлый большевизмъ, язва, гангрена, которая насъ слопааетъ.

Нужны героическія мѣры по сокращенію армій, по уничтоженію расплодившихся штабовъ и по расформированію дивизій въ 400 штыковъ при 6—7 тысячахъ нестроевыхъ и штабныхъ чиновъ. На командныя должности надо поставить настоящихъ начальниковъ, умѣющихъ распоряжаться боемъ и войсками; нужно, чтобы начальники и штабы всколыхнулись и своимъ примѣромъ показали, какъ надо служить родинѣ въ столь тяжкія времена. Надо открыто глядѣть въ лицо опасности отъ развала офицерства, потерявшаго тѣ кадры героевъ, которые простыми бойцами поднялись противъ господства красныхъ мучителей своей родины и своего народа.

Нужно все это сознать, оцѣнить всю его важность и грозность, поставить на очередь текущаго часа цѣлый рядъ неотложныхъ организаціонныхъ реформаціонныхъ вопросовъ и властно ихъ осуществить; полицейскія же мѣры, облавы и пр. предоставить усмотрѣнію командующаго войсками округа и его комендантамъ.

Затѣмъ, я коснулся вопроса о резервахъ, о несоотвѣтственныхъ способахъ ихъ подготовки и выразилъ сожалѣніе, что фронтъ израсходовалъ наши послѣдніе резервы, причемъ было нарушено обѣщаніе не трогать ихъ ранѣе середины Августа.

Адмиралъ былъ очень рассерженъ моимъ докладомъ, не далъ мнѣ кончить, а, когда я хотѣлъ впослѣдствіи возражать Иванову-Ринову, то сдѣлалъ видъ, что не слышитъ моей просьбы дать мнѣ слово.

Меня рѣшительно, но одиноко поддержалъ одинъ только генералъ Матковскій, заявившій, что вполне присоединяется къ словамъ управляющаго военнымъ Министерствомъ. Моя горячая рѣчь осталась только сотрясеніемъ воздуха; вмѣсто ея обсуждения, занялись вновь полицейскими измышленіями Иванова-Ринова. Только старая дисциплина удержала меня отъ того, чтобы встать, извиниться какимъ-нибудь предлогомъ и уйти изъ этого засѣданія.

Вернувшійся съ фронта Лебедевъ выглядит по прежнему важно, беззаботно и весело, его пустая голова и ничтожное сердце, очевидно, не понимаютъ, что его честолюбіе проложило арміи и родинѣ длинную тропу бѣдъ и испытаній; что, благодаря его профессиональной безграмотности, сведены на нѣтъ всѣ успѣхи прошлаго года и что сейчасъ наше спасеніе только въ томъ, чтобы немедленно выгнать изъ Ставки его и его никчemuшнихъ сотрудниковъ по погубленію сибирскихъ бѣлыхъ войскъ и начать все снова.

Лебедевъ со свойственной ему рѣзкостью и надменностью набросился на Матковскаго за то, что подчиненный послѣднему округъ не сумѣлъ приготовить во время 11, 12 и 13 дивизіи, сказавъ, что начальники дивизій и командиры полковъ оказались никуда не годны, такъ какъ управляли боемъ по телефону

Чѣмъ виноватъ Матковскій, все время докладывавшій, что дивизіи для боя не готовы, въ томъ, что эти дивизіи были жульническимъ образомъ уведены на фронтъ, гдѣ ихъ погнали въ бой, не считаясь съ тѣмъ, что онѣ не умѣли маневрировать и не кончили курсовъ стрѣльбы. При этомъ погнали въ бой чуть ли не изъ вагоновъ, поставили сложнѣйшія боевыя задачи; одна изъ дивизій была пущена въ бой послѣ 62 верстнаго перехода, причеиъ послѣднія 16 верствъ ее гнали форсированнымъ шагомъ; такихъ преступныхъ экспериментовъ не выдержали бы и многія дивизіи старой кадровой арміи.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ. Общая грозовая атмосфера развязала языки и начались взаимныя попреки и уязвленія. Преображенскій очень ядовито скавалъ, что доправительствовались до того, что даже грудныя дѣти насъ ругаютъ. Раздрайка выяснилась капитальная.

Хотѣли по примѣру всѣхъ запутанныхъ и катастрофическихъ временъ и положеній образовать совѣтъ обороны съ участіемъ въ немъ министровъ.

Какъ представитель военного вѣдомства, рѣшительно высказался противъ, заявивъ, что въ обычное время это было бы вполне целесообразно, но сейчасъ нужна сильная и единая на фронтѣ власть и одна довѣренная голова, и связывать ихъ разными совѣтами не время; пользы отъ этого никакой, а всякой проволоочки и возможнаго вреда сколько угодно.

Въ городѣ сплетничаютъ, что нѣкоторые дальновидные министры достали, на всякій случай, пролетарскіе костюмы.

Адмиралъ опять уѣхалъ на фронтъ, убѣждаемый близкими совѣтниками, что въ этомъ что-то магическое, способное выправить положеніе.

Тюмень наканунѣ перехода къ краснымъ. Дитерихсъ пытается произвести реорганизацию армій, но сейчасъ это почти неосуществимо въ обстановкѣ общей разрухи.

Иностранцы подъ разными благовидными предлогами начинаютъ отбывать на востокъ — зловѣщій признакъ того, что мы «взвѣшены» и найдены «легкими».

Вечеромъ потерялъ нѣсколько часовъ въ безнадежной теперь комиссіи по снабженію предметами первой необходимости населенія мѣстностей, освобождаемыхъ отъ большевизма; какъ это характерно для нашей правительственной работы внѣ времени и пространства; неужели же нѣтъ ничего болѣе срочнаго и реальнаго?

Въ довершеніе словеснаго потопа, на засѣданіе прибыли новые члены изъ состава Гос. Экон. Совѣщанія, пожелавшіе отличиться; они томительно заливали насъ потоками краснорѣчія на разныя темы о выѣденномъ яйцѣ.

7 Августа. Лебедевъ пытается проявлять кипучую дѣятельность; собралъ, какъ военный замѣститель адмирала, продолженіе послѣдняго совѣщанія. Просидѣли мы около шести часовъ, занимаясь невѣроятными пустяками. Началось съ созданія бѣлой гвардіи и первымъ ораторомъ выступилъ самъ наштаверхъ, понесшій какую-то дѣтскую околесицу. На этотъ разъ не выдержалъ, перебилъ его докладъ и коротко выявилъ всю его несостоятельность.

Важный наштаверхъ натопорщился и попробовалъ стать въ положеніе повелѣвающаго, но я закусилъ удила; единодушная поддержка большинства участниковъ засѣданія, мнѣ выявленная, сбила Лебедева съ гордой позиціи.

Вглядываясь все чаще во внутреннее содержаніе этой большой по наружности, но ничтожной по содержанію фигуры, завидуешь удачѣ большевиковъ и неблагосклонности къ намъ фортуны, выбросившей во главу распоряженія сибирскими войсками такую безнадежную ограниченность.

Бетонноголовой, но очень рѣшительный Сахаровъ пытался опять наступать, причеиъ окончательно расквасилъ послѣдніе сохранившіеся остатки своей арміи. При этомъ произошла какая-то частичная катастрофа, которую усердно скрываютъ.

Дитерихсъ занялся приведеніемъ въ порядокъ армейскихъ тыловъ; сейчасъ это легче сдѣлать, такъ какъ многочисленныя штабы, управленія и хозяйственные склады, спасая свои шкурки и достатки, въ паническомъ стремленіи удрать подальше отъ фронта, проскочили за Омскъ, лишились непосредственнаго заступничества своихъ командармовъ и ихъ сейчасъ не трудно ущемить и ликвидировать. Дитерихсъ послалъ нѣсколько полномочныхъ комиссій, чтобы все это разобрать.

Въ Барнаульскомъ районѣ начались крупныя возстанія — результатъ ховяйничанья разныхъ карательныхъ экспедицій и отрядовъ особаго назначенія; къ Вологодскому прїѣзжалъ изъ Славгорода какой-то крестьянинъ, изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, и жаловался, что въ ихъ округѣ нѣтъ деревни, въ которой по крайней мѣрѣ половина населенія не была перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидкими по части открытой борьбы съ возстаніями, но очень храбрыми по части измывательства надъ мирнымъ населеніемъ).

Предлагалъ Пепеляеву внести совмѣстно проектъ объ установленіи для чиновъ милиціи и особыхъ отрядовъ тройныхъ окладовъ пенсій и жалованья, дабы привлечь туда болѣе здоровые элементы.

Онъ мнѣ отвѣтилъ, что очень бы хотѣлъ улучшить ихъ матерьяльное положеніе, но боится переобременить средства государственнаго казначейства; я разозлился и сказалъ, что эта боязнь доведетъ до того, что и казначейства не будетъ, да и боящихся тоже.

8 Августа. Продолжительное засѣданіе Совѣта Министровъ съ вызовомъ туда Лебедева и всѣхъ генераль-квартирмейстеровъ. До начала засѣданія поднялъ вопросъ объ эвакуаціи Омска, указавъ, что таково общее желаніе фронта, Дитерихса, окружного начальства. Получилъ отвѣтъ, что зато категорически противъ самъ адмиралъ и всѣ союзники, которые де считаютъ, что отъѣздъ Правительства изъ Омска это его гибель, и что таково мнѣніе всѣхъ знающихъ настроеніе Сибири.

Что касается ссылки на населеніе, то это форменная ложь, ибо правительствомъ настолько не интересуются, что 90% не обратитъ даже вниманіе на такое перемѣщеніе; используетъ этотъ фактъ, конечно, большевистская пропаганда и антиправительственная агитація, но этой прелести на нашей шеѣ и за нашей спиной столько, что никакой новый добавокъ не ухудшитъ общаго положенія.

Тонъ совѣщанія былъ данъ Михайловымъ, который съ огромнымъ пафосомъ, звенящимъ голосомъ и въ очень красивыхъ фразахъ заявилъ, что отъѣздъ Правительства изъ Омска невозможенъ и что оно должно оставаться здѣсь до самаго конца.

Послѣ этого начала, многіе члены Совѣта, напоминавшіе до начала засѣданія мокрыхъ куриць, ввобрились и полились рѣчи въ духѣ Мининыхъ и Пожарскихъ, вплоть до выхода всѣхъ министровъ съ винтовками въ рукахъ, когда придется защищать Омскъ.

Слушалъ въ полномъ неодумѣніи; какой злой рокъ отнимаетъ у очень неглупыхъ и по своему дѣльныхъ людей здравый смыслъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ?

Лебедевъ и бывшіе съ нимъ генквары расписали полное благополучіе на фронтѣ и быстрое возрожденіе или, какъ выражается Андогскій, «оздоровленіе армій».

Я деликатно спросилъ, провѣрены ли Ставкой эти оптимистическія, а для меня лично очень сомнительныя свѣдѣнія, и получилъ отвѣтъ Лебедева, что были посланы генералы и чины развѣдки, которые подтвердили правдивость утѣшительныхъ донесеній штабмовъ и штабовъ группъ.

Такой опредѣленный отвѣтъ должею лечь на совѣсть его дающихъ. Я ему не вѣрю, такъ какъ я видѣлъ десятки прибывшихъ съ фронта настоящихъ, понимающихъ дѣло офицеровъ и большинство ихъ говоритъ другое и столь ярко и опредѣленно, что даже съ поправкой на неизбѣжный пессимизмъ, выводы получаются не только неутѣшительные, но почти что безнадежные. По заявленію фронтовыхъ офицеровъ, главная болѣзнь нашихъ скороспѣлыхъ формированій: «не хотятъ воевать, не хотятъ ходить, не хотятъ терпѣть», ну, а съ этимъ ничѣмъ, кромѣ чисто комиссарскихъ и намъ неподходящихъ средствъ, уже не справиться.

Какъ ни какъ, а Лебедевъ очень твердо заявилъ Совѣту Министровъ, что арміи черезъ двѣ недѣли перейдутъ въ новое рѣшительное наступленіе; къ этому блюду былъ преподнесенъ соусъ изъ сфабрикованныхъ, несомнѣнно, въ развѣдкѣ свѣдѣній о полнѣйшемъ разложеніи красной арміи. Какъ это мало вяжется съ тѣмъ, что было подъ Челябинскомъ, когда мы, употребляя выраженія Андогскаго, великолѣпно маневрировали и войска проявили высокія боевыя качества, и все же ушли съ разбитыми носами, не будучи въ состояніи разбить «разлагающіяся красныя войска». Хотѣлось спросить

Лебедева, кто же вретъ, онъ самъ или квартирмейстеръ, завѣдывающій операціями, или квартирмейстеръ, вѣдающій развѣдкой.

Въ концѣ засѣданія получена телеграмма Верховнаго Правительства о немедленной эвакуаціи изъ Омска всѣхъ министерствъ; я облегченно вздохнулъ и мысленно поблагодарилъ Дитерихса, подъ вліяніемъ котораго было принято это благое и умное рѣшеніе.

Это было полной неожиданностью, такъ какъ только что Совѣтъ Министровъ, успокоенный заявленіемъ Лебедева, рѣшилъ изъ Омска не уходить и Омска не эвакуировать.

Начались новые дебаты, въ результатѣ которыхъ превозоблададо рѣшеніе Михайловскаго большинства, всецѣло поддержаннаго представителями Ставки, и Совѣтъ Министровъ, не обращая вниманіе на телеграмму Адмирала, постановилъ изъ Омска не уѣзжать, а только свернуть министерства до послѣдней возможности съ тѣмъ, чтобы ихъ легче было потомъ эвакуировать.

Вмѣсто дѣла, рѣшили заняться вызвательной и рекламной шумихой и «показать странѣ и населенію, что Правительство бодро смотритъ на будущее, что оно сильно, рѣшительно и перешло къ властной, энергичной работѣ на устройство страны и на ея защиту. Что можетъ быть пустопорожниѣ этихъ трескучихъ фразъ послѣ годовой дѣятельности, реально показавшей, что сумѣло дать странѣ это самое правительство во время расцвѣта своей силы и кульминаціоннаго положенія. Кто повѣритъ теперь трескучкѣ, которой завтра оклеятъ всѣ Омскіе заборы и плакатныя доски на большихъ станціяхъ. Вѣдь, населеніе цѣнитъ насъ не по величинѣ плакатовъ и не по звучности вызвательныхъ фразъ, а по дѣламъ нашимъ.

Вообще, къ концу засѣданія паръ поднялся очень высоко, но я видѣлъ, какимъ онъ былъ въ началѣ засѣданія, а то, что такъ быстро поднимается, падаетъ въ минуты испытаній еще быстрѣе.

Сначала хотѣлъ подать особое мнѣніе, но видя, что михайловское правительство побѣдило, и что рѣшенія объ эвакуаціи Омска не измѣнить, махнулъ рукой; вышло кстати, такъ какъ при голосованіи оказалось, что при присутствіи Лебедева я права голоса не имѣю.

Вторая часть засѣданія ушла на обсужденіе вопроса о созданіи Комитета обороны; Тельбергъ, ярый сторонникъ этой идеи поднесъ ее подъ умѣло составленнымъ соусомъ и получилъ одобреніе Лебедева и Ко. Рѣшеніе запоздалое; существуй комитетъ раньше, быть можетъ, при его помощи можно было парализовать неумѣлую дѣятельность Ставки и справиться съ беспорядками по Министерству Снабженія; сейчасъ же — уже не до комитетовъ.

Получилъ непріятное извѣстіе, что вагоны, отправленные мной для южной арміи, туда не проскочили; произошло это потому, что офицеры приѣмщики не поѣхали вмѣстѣ съ эшелонами и послѣдніе, никѣмъ не опекаемые, болтались по станціямъ и попали въ Челябинскъ уже ко времени его очищенія и ихъ погнали назадъ въ Курганъ. Сообщилъ объ этомъ командарму южной съ просьбой разстрѣлять немедленно этихъ приѣмщиковъ, если тѣ къ нему явятся.

Положеніе южной арміи трагическое; она всегда была какимъ-то пасынкомъ — сначала у западной арміи, а потомъ у фронта; у ней не было собственной этапной линіи и ей перепало только то, что благоволила пропустить западная армія. Между тѣмъ, судя по всѣмъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ, у командующаго этой арміей генерала Бѣлова хорошо сдѣланная голова, правильно поставленное мышленіе, хорошее знаніе дѣла, пониманіе значенія тыла и заботливость о войскахъ.

При наличіи въ нашихъ операціяхъ здраваго смысла, южной арміи должно было принадлежать преобладающее значеніе, какъ ближайшей къ Деникину, но этого (причины, Господи, Ты вѣси) не произошло.

Сейчасъ наши ставочные стратеги сначала привели эту армію на край гибели, обезпечивая ей Челябинскую авантюру съ юга и задерживая ея своевременный отходъ, а потомъ валять на нее, такія несосвѣтимиыя по своему идиотству задачи — «обязательнаго прикрытія дороги на Ташкентъ, для чего ей разрѣшается постепенно отходить, скользя лѣвымъ флангомъ вдоль Ташкентской желѣзной дороги». Только протухшіе мозги могутъ

родить такую задачу, очень эффектную въ академической аудиторіи или въ диссертаціи, но нелѣпую въ современномъ положеніи южной арміи.

Безпокоюсь очень за Уральцевъ и ихъ снабженіе; то, что слышу про этихъ этическихъ борцовъ противъ красныхъ, сдѣлало ихъ моей слабостью, и я готовъ на все, чтобы имъ помочь. Самъ теперь уже безсиленъ продолжать что-нибудь имъ посылать и усердно просилъ Нокса взять ихъ снабженіе на себя подачей всего необходимаго по Каспійскому морю на Гурьевъ. Отзывчивый, какъ всегда, Ноксъ обѣщаль сдѣлать все возможное.

9 Августа. Маленькій проблескъ пріятнаго въ видѣ надежды наладить собственную выдѣлку хирургическихъ инструментовъ, гигроскопической ваты и лигнина; нашелъ машины и знающихъ дѣло людей; во всемъ этомъ огромная нужда и возможность стать на собственные ноги очень пріятна.

Вернулся домой въ три часа утра; такъ долго тянулось засѣданіе совѣта министровъ, въ которомъ большинствомъ семи голосовъ противъ шести одобренъ проектъ совѣта обороны, для фронта совершенно не пріемлемый. Я долго боролся противъ этого рѣшенія, но видя свое безсиліе, написалъ записку-протестъ и передалъ ее Бурлину съ просьбой доложить адмиралу мое мнѣніе.

Вотъ, если удержимся до зимы, то тогда надо обязательно создать такой совѣтъ, но не въ Тельберговской или совѣтской редакціи, а какъ помощь адмиралу въ его работѣ и какъ коррективъ Ставки и Снабженій. У Тельберга получается очень скверная копія гофкригсрата, да еще изъ штатскихъ людей.

Вчера состоялась публичная лекція полковника Котомина, бѣжавшаго изъ Красной Арміи; присутствующіе не поняли горечи лектора, указавшаго на то, что въ комиссарской арміи много больше порядка и дисциплины, чѣмъ у насъ, и произвели грандіозный скандалъ, съ попыткой избить лектора, одного изъ идейнѣйшихъ работниковъ нашего національнаго Центра; особенно обидѣлись, когда К. отмѣтилъ, что въ красной арміи пьяный офицеръ невозможенъ, ибо его сейчасъ же застрѣлитъ любой комиссаръ или коммунистъ; у насъ же въ Петропавловскѣ идетъ такое пьянство, что совѣстно за русскую армію.

10 Августа. Новая серія картинъ Омскаго кинематографа. Лебедева рѣшили убрать, а на его мѣсто по должности Наштаверха и Военнаго Министра назначается Дитерихсъ, остающійся вмѣстѣ съ тѣмъ и Главнокомандующимъ Восточнымъ фронтомъ; сначала вдваивали должности, а теперь начинаютъ ихъ встраивать; неужели же думаютъ, что единство и стройность управленія достигаются сваливаніемъ въ одну кучу трехъ совершенно несомѣстимыхъ должностей — командной, штабной-оперативной и административной-тыловой. Нѣтъ людей, чтобы хорошо справиться съ каждой изъ этихъ трехъ должностей въ отдѣльности, и въ то же время валять на одного человѣка всѣ ихъ три вмѣстѣ.

Лебедева назначили командующимъ южной степной группой, выдумавъ это абсолютно ненужное новое соединеніе только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшаго уже невтерпежъ всѣмъ наштаверха. Намъ надо уничтожить десятки ненужныхъ штабовъ и управленій; мы комичны съ нашими безчисленными штабами, и, несмотря на это, создаемъ новый штабъ арміи, т. е. цѣлое грандіозное по личному составу учрежденіе только ради того, чтобы устроить золотой мостъ выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству.

Ивановъ-Риновъ развѣртывается все шире и шире, гребетъ деньги и матерьялы обѣими лапами, грозно машетъ руками и сулитъ не только все выручить, но и неукоснительно покорить подъ новѣ всѣхъ противящихся.

Былъ вызванъ къ новому Военному Министру Дитерихсу; видѣлъ его впервые; впечатлѣніе унесъ смѣшанное; есть какое-то «но», въ которомъ еще не разобрался. Первые распоряженія до нельзя странныя, такъ какъ упраздняются только-что сформированные штабы фронта и управленія главнаго начальника снабженій фронта и снабженіе армій возлагается непосредственно на Главныя Управленія Военнаго Министра, то есть что-то весьма импровизированное и противорѣчащее всему духу положенія о полевомъ управленіи войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ заявляется, что вся эта реформа только на 4—6

недѣль, а когда начнется уже рѣшенное наступленіе и фронтъ пойдетъ впередъ, то управленія главнаго начальника снабженій будутъ опять возстановлены.

Изъ этихъ распоряженій лѣзетъ какое-то непонятное мнѣ легкомысліе и подозрѣніе, что новое трехглавое начальство совершенно не представляетъ себѣ, какъ производится и что значать такія преобразованія и реформы. Это напоминаетъ горизонтъ очень мелкаго радіуса; даже странно, что бывшій генераль-квартирмейстеръ настоящаго фронта не понимаетъ, что такое значить сформировать и расформировать десятокъ очень сложныхъ отдѣловъ, составляющихъ управленіе снабженій.

По сообщенному же плану выходитъ, что для Дитерихса эти сложныя, требующія многихъ недѣль времени передѣлки, представляются тѣмъ-же, что переложить поводья изъ одной руки въ другую.

Вѣдь, даже при отлично налаженной общей организаціи, всѣ такія реформы очень болѣзненно отзываются на войскахъ, перебиваютъ обычный укладъ ихъ существованія, вызываютъ раздраженность снабженія и всевозможныя задержки.

Едва войсковые штабы и управленія къ чемунибудь привыкнуть, мы все ломаемъ и подносимъ имъ новое; все это вызываетъ въ нашей скрипучей системѣ такіе мертвые ходы, что у насъ вверху идетъ вторая или третья перестройка, а низы продолжаютъ жить по позавчерашней первой.

Ислѣдованіе удравшихъ въ районъ Новониколаевска и даже Красноярска армейскихъ и войсковыхъ тыловыхъ учрежденій дало ничуть меня не удивившія открытія въ видѣ 30 тысячъ паръ сапогъ въ одномъ эшелонѣ, 20 тысячъ паръ суконныхъ шароваръ въ другомъ, 29 тысячъ паръ бѣлья въ третьемъ и пр. и пр.; нашли вагоны съ револьверами, биноклями и разнымъ снаряженіемъ, надъ которымъ мы распластывались, стараясь возможно скорѣе подать его войскамъ; все это попадало въ руки разныхъ начхозовъ, не въ мѣру заботливыхъ о будущихъ нуждахъ своихъ частей, и складывалось ими про запасъ на будущее время. А фронтъ и арміи вопили, что у нихъ ничего нѣтъ, не пытаясь даже заглянуть въ хранилища своихъ же частей и учрежденій.

Случай на почтѣ далъ мнѣ возможность познакомиться съ какой-то таинственной бухгалтеріей между чехами и Жаненомъ; ко мнѣ попалъ конвертъ, шедшій отъ какой-то чешской комиссіи къ Жанену съ требовательной вѣдомостью текущихъ ассигнованій. Дежурный офицеръ вскрылъ конвертъ и положилъ мнѣ въ очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мнѣ попала, но, пробѣгая ради любопытства вѣдомость, узрѣлъ что, вслѣдъ за разными рубриками на разные виды довольствія, указывается къ зачету круглая сумма въ девять милліоновъ франковъ «за спасеніе для русскаго народа Каслинскаго завода».

Выходитъ, что чехи не только нагребли у насъ сотни вагоновъ нашего имущества и разбогатѣли на нашемъ несчастіи, но и ставятъ на какой-то таинственный счетъ разныя «спасенія», связанныя съ ихъ вооруженнымъ выступленіемъ противъ большевиковъ.

Отправилъ эти вѣдомости по назначенію, штабъ Жанена поднялъ цѣлую бурю, требовалъ суроваго наказанія начальника полевой почтовой конторы; очевидно, эта бухгалтерія составляетъ пока секретъ ходкихъ на разныя пріобрѣтенія чеховъ и ихъ покладливаго шефа и не подлежитъ оглашенію до тѣхъ поръ, пока не будетъ предьявленъ при надлежащей обстановкѣ общій счетъ за чешскія услуги.

11 Августа. Родилась новая организація Ставки: Дитерихсъ въ тройной коронѣ своихъ должностей съ тремя помощниками Андогскимъ, Бурлинымъ и мною, причемъ опять заявлено, что это только на нѣсколько недѣль, до начала наступленія, которое назначено въ началѣ Сентября.

Затѣмъ, все будетъ такъ, какъ рѣшить ѣдущій сюда генералъ Головинъ, назначаемый начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Наступленіе будутъ вести Сахаровъ и Лебедевъ, причемъ послѣднему дадутъ всѣхъ казаковъ. Совершенно не понимаю, какое наступленіе возможно съ остатками нашихъ развалившихся армій и при полномъ отсутствіи какихъ-либо резервовъ.

Имѣлъ двухчасовой разговоръ съ Дитерихсомъ; онъ понимаетъ недостатки существующей организаціи фронта, но недостаточно рѣшителенъ въ вопросѣ сокращенія

старших штабовъ; къ сожалѣнію, онъ усвоилъ себѣ сибирскую точку зрѣнія на то, что гражданская война требуетъ старшихъ начальниковъ, ходящихъ въ атаку съ винтовкой въ рукѣ. Положеніе армій онъ учитываетъ неправильно, но считаетъ себя непогрѣшимымъ авторитетомъ, подчеркивая, что все послѣднее время онъ провелъ въ самой гущѣ войскъ и отлично знаетъ ихъ состояніе и настроенія.

Такое неправильное знаніе хуже незнанія, ибо, при увѣренности въ правильности взгляда, поведетъ Дитерихса на рѣшительные шаги по части наступленія. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ мое мнѣніе, что арміи уже неспособны къ наступленію и рассказалъ мнѣ идею предстоящей операціи; наступленіе рѣшено вести въ пространствѣ между Тоболомъ и Ишимомъ, нанося главный ударъ своимъ лѣвымъ флангомъ, на которомъ предположено сосредоточить всѣ конныя части. По идеѣ планъ совсѣмъ хорошій, но по состоянію войскъ и неимѣнію резервовъ для развитія длительной и напряженной операціи, неосуществимый.

На мое замѣчаніе о томъ, что по моимъ свѣдѣніямъ солдаты, да и часть офицеровъ не хотятъ воевать, Дитерихсъ очень сухо замѣтилъ, что все это очень преувеличено и искажено разными болтунами, и затѣмъ все время держалъ меня въ рамкахъ разговора о снабженіи; выходило на манеръ «сапожникъ, знай свои сапоги».

Тѣмъ не менѣе я спросилъ Дитерихса, какіе же у него планы на случай неудачнаго наступленія, на что онъ отвѣтилъ: «равобьемся на партизанскіе отряды и, какъ въ 1918 году, начнемъ снова». Это уже полный абсурдъ, ибо трудно представить себѣ обстановку, болѣе отличную отъ 1918 года, чѣмъ настоящая; тогда мы боролись съ разрозненными толпами мѣстной красноармейщины, а сейчасъ противъ насъ регулярная армія, руководимая военными спецами изъ нашего же брата; тогда населеніе было за насъ, а теперь оно противъ насъ; все это дѣлаетъ партизанскую войну для насъ почти невозможной.

Приходилъ сіяющей и торжествующей Ивановъ-Риновъ, плавающей въ блаженствѣ разведенной имъ шумихи, торжествъ, рѣчей и похвалы разгрома красныхъ поднимаемой имъ казачьей силой.

Идетъ печальное повтореніе поднять настроеніе надрывомъ и угаромъ трескучихъ фразъ; пользы отъ этого никакой, а вреда очень много, ибо туманитъ глаза, застилаетъ правду, смягчаетъ остроту положенія и настраиваетъ на неумѣстный оптимизмъ.

Поднимать настроеніе не мѣшаетъ, но это надо дѣлать умѣло и не словами, а дѣлами; когда же туманъ застилаетъ дорогу «консуламъ, которымъ надо зорко смотрѣть далеко впередъ», то немудрено свалиться въ яму.

Въ нашей гнилой атмосферѣ очень успѣшно зарождаются разныя песьи мухи: прибывшій съ юга генералъ Лебедевъ 2-й, принявъ, вмѣсто Касаткина, должность главнаго начальника военныхъ сообщеній, выговорилъ себѣ право немедленнаго возвращенія обратно въ Екатеринодаръ для выбора себѣ тамъ помощниковъ и состава служащихъ, ибо мѣстные, по его заключенію, никуда не годны.

Ну, что все это онъ написалъ въ докладѣ, это еще понятно, ибо со временъ революціи всѣ обнаглѣли; но то, что Дитерихсъ далъ свое согласіе на эти условія, прямо умопомрачительно; трудно сказать, что больше: наглость просившаго или абсурдность давшаго.

Выходитъ, что явился изъ за морей нѣкій гусь, отказался ѣхать на фронтъ, ухватилъ кстати подвернувшееся и подходящее по цене мѣсто, призналъ всѣхъ неучами, повертѣлъ носомъ, и, вмѣсто того, чтобы работать и учить насъ неучей, отбываетъ опять на югъ примѣрно на 5—6 мѣсяцевъ, предоставляя неучамъ за него работать.

Написалъ письмо наштаверху съ протестомъ противъ такого нелѣпаго назначенія; въ былыя времена въ генеральномъ штабѣ такіе случаи были органически невозможны.

Приходилъ ко мнѣ порядочно выпившій Ивановъ-Риновъ и въ пьяной болтливости высказалъ нѣсколько весьма характерныхъ мыслей изъ своей системы управленія: 1) предать суду и публично разстрѣлять нѣкоторое количество спекулянтовъ (конечно, жена Его казачьяго Превосходительства, привозившая съ Дальняго Востока товары вагонами, ничего не платя за провозъ, а потомъ публично продававшая ихъ въ Омскѣ по кубическимъ цѣнамъ, къ числу спекулянтовъ не относится).

2) Устраивать постоянныя облавы на офицеровъ и чиновниковъ, причемъ извѣстный процентъ захваченныхъ тутъ же разстрѣливать.

3) Объявить поголовную мобилизацію, ловить уклоняющихся и тоже разстрѣливать.

Симпатичная идеологія, непредвидѣнная даже Щедринымъ, изобразившимъ въ «исторіи одного города» самые разномастные типы російскихъ помпадуровъ; несомнѣнно, что въ лицѣ этого отставного Держиморды совнаркомъ потерялъ замѣчательнаго председателя чрезвычайной комиссіи, который затмилъ бы славу Дзержинскаго и Ко.

И, однако, этотъ городской вылъзъ на ампула общаго спасителя и на него съ надеждой и упованіемъ взираетъ вся посѣрѣвшая отъ страха буржуазная слякоть, и ждетъ, что сей рыкающій левъ навѣрняка избавитъ ее отъ краснаго кулака.

12 Августа. Лѣнтяи и трусы заволновались, засустились; всѣ стали проявлять суматошливую, хаотическую дѣятельность, особливо по части совѣтовъ и спасительныхъ рецептовъ; по діагнозу болѣзней государственно-общественныхъ организмовъ это очень скверные признаки

Сейчасъ омскія канцеляріи и пріемныя напоминаютъ потерявшія регулировку машины или кинематографическія ленты, летящія съ двойной быстротой; обычная картина работы лѣннихъ рабовъ, трясущихся передъ надвигающейся грозой и пытающихся въ минуты навестать то, что потеряно въ часы и дни.

Поздно крѣпить паруса, когда отъ лѣни и недосмотра треснули мачты, а вся корабельная снасть сгнила.

Вся эта суматоха только усугубляетъ общій сумбуръ и отражается на обычной текущей работѣ; въ одно русло сливаются часто самыя противорѣчивыя распоряженія, сталкиваются другъ съ другомъ, отмѣняютъ другъ друга.

Масса охотниковъ быть спасителями; появились прожекторы съ первосортными и безотказными по части спасенія рецептами; какъ и полагается всегда въ такое время, появились изобрѣтатели оособоистребительныхъ пушекъ, чудодѣйственныхъ аэроплановъ, бомбъ и пр. и пр., — неизбежное явленіе — спутникъ случайнаго нервнаго подъема толпы, сопровождающаго всегда критическіе періоды военнаго счастья.

Аппетитъ Иванова-Ринова по части денегъ и матерьяловъ не знаетъ предѣла; онъ чувствуетъ себя полновластнымъ хозяиномъ положенія и не стѣсняется; хватка у него по этой части настоящая казачья. Сначала говорилось, что казакамъ нужны только однѣ винтовки, но это было повтореніемъ разсказа о приготовленіи щей изъ топора; за винтовками посыпались требованія, подкрѣпляемые весьма недвусмысленными угрозами на случай неисполненія, и ко вчерашнему дню сибирскому войску выдано: 102 миліона рублей; все снабженіе лѣтнее и зимнее на 20 тысячъ человекъ, сѣдла, упряжь, значительная часть обоза и обозныхъ лошадей.

Все наличіе идетъ казакамъ; снабженіе полураздѣтой и потерявшей свои запасы арміи фактически пріостановлено; на мои заявленія получаю приказанія прежде всего удовлетворить казаковъ.

Исполняю приказы, и вспоминаю разсказы свидѣтелей такого же поголовнаго выхода Оренбургскихъ казаковъ, получившихъ всякое пособіе и снабженіе, а потомъ расплывшихся по своимъ станицамъ.

Кромѣ казны, Ивановъ-Риновъ не забылъ и буржуевъ; биржевымъ комитетамъ Сибири почти что приказано дать деньги для вспомошествованія казакамъ.

Смотря на Ринова, думаю, что онъ временами даже искрененъ во всей дѣятельности и воображаетъ что дѣйствительно изъ его шумихи что нибудь выйдетъ; онъ одурманенъ честолюбіемъ, головокружительнымъ успѣхомъ своей затѣи и увлеченіемъ вѣры въ возможность повести людей на лишенія и подвигъ, взвинтивъ ихъ минутное настроеніе шипучими словами.

13 Августа. Вернулся домой въ 4 ч. утра; въ 11 часовъ ночи началось знаменательное закрытое засѣданіе Совѣта Министровъ; грозность положенія смысла сразу весь глянецъ искусственно дружескихъ отношеній и началась грызня, обвиненія и уязвленія.

Гинсъ обрушился на замѣстителя председателя Совѣта Министровъ Тельберга и на Совѣтъ Верховнаго Правителя съ яркими обвиненіями въ олигархіи, въ проведеніи

указовъ заднимъ числомъ и т. п. Это развязало языки. 10 мѣсяцевъ совѣтъ министровъ былъ только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и Ко., всѣ насущные вопросы государственной жизни рѣшались въ секретныхъ засѣданіяхъ пятерки министровъ-переворотчиковъ, членовъ Совѣта Верховнаго Правителя, причемъ остальные члены Совѣта Министровъ совершенно не знали, что дѣлается въ этомъ тайномъ Совѣтѣ и какія рѣшенія тамъ принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, плѣнившая представителя верховной власти, помыкавшая имъ по своему желанію и управлявшая его именемъ.

Въ своемъ нападеніи Гинсъ воспользовался тѣмъ, что Тельбергъ, недовольный, что Совѣтъ Министровъ не принялъ его редакціи проекта Совѣта обороны, а утвердилъ его въ иной, негодной Тельбергу, редакціи, добился подписанія адмираломъ указа, утверждающаго Совѣтъ въ Тельбергговской редакціи, причемъ для полученія права первенства и преимущества надъ оставшеюся, такимъ образомъ, за флагомъ редакціей Совѣта Министровъ, указъ Верховнаго Правителя былъ помѣченъ заднимъ числомъ (7 Августа) по сравненію съ днемъ соотвѣтственнаго засѣданія Совѣта Министровъ.

Трудно найти названіе этому поступку, совершенному замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министромъ Юстиціи и Генералъ Прокуроромъ ради удовлетворенія своего самолюбія и ради того, чтобы настоять на своемъ; (при этомъ очень характерно, что по Тельбергговской редакціи права Совѣта обороны передавались Совѣту Верховнаго Правителя, т. е. той же олигархической пятеркѣ).

Я вполне раздѣлилъ мнѣніе Преображенскаго и другихъ уважающихъ себя министровъ о необходимости всему составу Совѣта Министровъ немедленно же подать въ отставку, ибо происшедшимъ Совѣтъ Министровъ доведенъ до послѣдней степени униженія и дальше идти некуда.

Тельбергъ всячески вывертывался, но фактъ настолько ясенъ, что было неловко слушать эти жалкія оправданія.

Гинсъ поставилъ на голосованіе, довѣряетъ ли Совѣтъ Министровъ Совѣту Верховнаго Правителя, который ведетъ свою собственную политику, не считаясь совершенно со всѣмъ Правительствомъ; это предложеніе, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловымъ всегда стоитъ квалифицированное большинство въ нашемъ Совѣтѣ.

Предложеніе Преображенскаго о выходѣ правительства въ отставку было также смазано подъ предлогомъ, что это отразится на настроеніи страны и фронта; думаю, что и та, и другой встрѣтили бы нашъ уходъ съ ликованіемъ, хотя бы потому, что въ этомъ крылась бы надежда на перемѣну неудачнаго курса и на улучшенія.

Государственный Контролеръ внесъ предложеніе обратиться непосредственно къ Верховному Правителю съ запросомъ по поводу участвовавшихъ за послѣднее время единоличныхъ указовъ, выпускаемыхъ по такимъ случаямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего спѣшнаго, чрезвычайнаго, и что можетъ быть проведено нормальнымъ порядкомъ черезъ Совѣтъ Министровъ; предложеніе это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорѣлись, свалились всѣ фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость Правительства, пестрота его членовъ, искусственность состава, ничтожество предсѣдателя . . .

Начались безчисленныя голосованія разныхъ резолюцій и предложеній; результаты 7 противъ пяти, шесть противъ шести и т. п. На голосованіи, не помню, какой по счету революціи, я наотрѣвъ отказался голосовать (не воздержался, а отказался), заявивъ, что все сегодняшнее засѣданіе слишкомъ ярко показываетъ, что никакого объединеннаго Кабинета у насъ нѣтъ, а при такомъ положеніи я считаю недопустимой профанаціей голосованіе серьезнѣйшихъ и животрепещущихъ вопросовъ государственнаго бытія и судьбы нашей родины. Не стоитъ тратить времени, чтобы голосованіемъ доказывать нашу пестроту и нашу разноголосицу по основнымъ вопросамъ нашей общей дѣятельности. Сегодняшнее засѣданіе открыло мнѣ глаза, поставило точки надъ всѣми і; сегодня я потерялъ право болѣе сомнѣваться и поэтому я официально отказываюсь голосовать.

Вологодскій совершенно растерялся, прекратилъ голосованіе и закрылъ засѣданіе, заявивъ, что иного исхода у него нѣтъ.

Вообще, засѣданіе было на рѣдкость колючее: въ началѣ его Уструговъ заявилъ, предъявивъ документальныя доказательства, что Сукинъ передалъ союзнымъ комиссарамъ, какъ уже подписанныя всѣми русскими представителями официальныя копія имъ самимъ Сукинымъ составленнаго протокола совѣщанія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, въ которомъ, — вопреки нашимъ интересамъ и вопреки извѣстнаго ему несогласія тѣхъ лицъ, подписи которыхъ онъ помѣстилъ, — союзному комитету предоставлялось полное право распоряженія всѣми нашими желѣзными дорогами.

Сукинъ нагло въвертывался, но видя, что противъ очевидности идти дальше нельзя и, даже не покраснѣвъ, самымъ нахальнымъ образомъ заявилъ, что протоколъ уже въ рукахъ союзниковъ, измѣнить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выходъ.

Хорошо правительство, въ которомъ возможно наличие милостиваго государя, способнаго въ угоду иностранцамъ совершить такой проступокъ, пожертвовать основными нашими интересами, и дойти до такой наглости, чтобы рѣшиться на разсылку союзникамъ не подписаннаго нашими представителями протокола подъ видомъ подписаннаго и нами принятаго, поставивъ передъ нами дилемму: или согласиться на завѣдомо невозможный для насъ договоръ, или же объявить, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ способно на такія удивительныя ошибки, какъ внесеніе подписи своихъ коллегъ на документы, кои эти коллеги, какъ ему извѣстно, не подпишутъ.

Я сталъ бы, конечно, за второе, ибо разъ обнаруживаются такіе факты, то съ ними надо расправляться беспощадно, къ чему бы это ни привело; разъ внутри ракъ, его надо вырѣзывать.

Заявленіе Устругова замяли, молча выслушали наглое заявленіе Сукина и ничѣмъ дальше на него не реагировали.

Я отказался голосовать, когда поставили на голосованіе запросъ Гинса, отражаетъ ли Совѣтъ Верховнаго взгляды Правительства; предварительно отказа я высказалъ, что мнѣ совершенно не извѣстно, что творится въ этомъ Совѣтѣ, а затѣмъ я не знаю совершенно взглядовъ Правительства, несмотря на то, что почти два мѣсяца имѣю честь засѣдать въ совѣщаніяхъ того учрежденія, которое фиктивно считается почему то Правительствомъ.

Тельбергъ очень усердно защищалъ заслуги Совѣта Верховнаго Правителя, какъ органа, «умѣряющаго экспансивность адмирала», и завѣрялъ, что Совѣтъ смягчилъ и аннулировалъ много вреднаго изъ того, что могло произойти отъ этой «экспансивности».

Зачѣмъ было говорить эту безтактность по отношенію къ лицу, представляющему Верховную власть, и эту неправду? Адмиралъ вспылчивъ, экспансивенъ, мало уравновѣшенъ, но не самъ по себѣ, а въ зависимости отъ того матерьяла, который доставляется ему докладчиками, совѣтчиками и приближенными; при умномъ и честномъ информированіи адмиралъ будетъ способенъ только на хорошую экспансивность.

Всѣ мы знаемъ хорошія и дурныя стороны характера нашего Верховнаго Правителя, но никто не осмѣливался до сихъ поръ бросить какого либо упрека по его адресу, ибо не равсосалось еще чувство порядочности и сознаніе, что нашъ долгъ аннулировать по мѣрѣ силъ и возможности недостатки носителя Верховной власти.

Сегодняшнее засѣданіе это апопееозъ всей дѣятельности нашего совѣта, — упали всѣ ризы и стали видны всѣ кости, всѣ изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся отъ негодованія, а мой спутникъ Преображенскій меня успокаивалъ и повѣствовалъ о томъ, что все у насъ управлялось организованной компаніей изъ восьми министровъ, возглавляемыхъ Михайловымъ, дѣлавшихъ все, что нужно было имъ самимъ, ихъ честолюбію и поддерживавшимъ ихъ кругамъ, кружкамъ, союзамъ и организаціямъ. Дикими въ Совѣтѣ, оказывается, считались я, Уструговъ, Шумиловскій и Преображенскій.

Пошелъ въ министерство, не ложась даже спать; послѣ такого засѣданія не до сна; меня, какъ съ головой окунули въ помойную яму. Несчастный, слѣпой, безвольный адмиралъ, жаждущій добра и подвига и изображающій куклу власти, которой распоряжается вся та компанія, съ внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

Въ арміи развалъ; въ Ставкѣ безграмотность и безголовье; въ Правительствѣ нравственная гниль, разладъ и засиліе честолюбцевъ и эгоистовъ; въ странѣ возстанія и анархія; въ обществѣ паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плаваютъ и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придемъ съ такимъ багажемъ!

14 Августа. Дѣло Касаткина пріостановили и обратили къ дослѣдованію; на второмъ засѣданіи военно-полевого суда одинъ изъ свидѣтелей (служащій въ контръ-развѣдкѣ) покался передъ Касаткинымъ въ томъ, что все имъ показанное по обвиненію жены К. въ дружескихъ отношеніяхъ съ женой коменданта Рудницкаго, къ ней не относится, такъ какъ онъ принималъ за жену Касаткина какую-то госпожу Александрову.

Выяснилось также, что все бездѣйствіе Касаткина заключалось въ томъ, что одинъ изъ мелкихъ служащихъ его управленія доложилъ ему, что комендантъ станціи Омскъ беретъ съ грузоотправителей взятки; Касаткинъ приказалъ подать ему объ этомъ рапортъ, но сообщавшій эти свѣдѣнія отказался, заявивъ, что онъ знаетъ это, какъ негласный агентъ контръ-развѣдки, и можетъ докладывать только приватно-конфиденціально.

Затѣмъ выяснилось, что Касаткина даже не опрашивали, какъ то слѣдуетъ по закону; вмѣсто этого къ нему пріѣхалъ въ гости полевой военный прокуроръ и за чашкой чая спросилъ, не докладывалъ ли ему кто-нибудь о взяточничествѣ коменданта станціи, на что К. отвѣтилъ, что докладывали, но что онъ не имѣетъ права начинать слѣдствіе по заявленію, являющемуся, собственно говоря, анонимнымъ доносомъ.

Этотъ разговоръ гостя съ хозяиномъ засчитали, какъ актъ по производству дознанія, — яркій фактъ для характеристики всего этого сквернаго дѣла. Хотѣли хлопнуть по преступникамъ, показать грозность и безпристрастность, а въ дѣйствительности ничего кромѣ срама и конфуза для власти не вышло.

Былъ въ Ставкѣ; видѣлъ много офицеровъ, прибывшихъ съ фронта съ разными порученіями, преимущественно по части снабженій; встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ по нѣмецкому фронту и послушалъ ихъ рассказы о состояніи армій; общее заключеніе, что присылаемыя укомплектованія могутъ при умѣломъ обращеніи дать весьма сносныхъ солдатъ, но зато большинство присылаемыхъ офицеровъ ниже всякой критики; наряду съ небольшимъ числомъ настоящихъ дѣльныхъ офицеровъ прибываютъ цѣлыя толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распущенной молодежи, очень кичащейся своими погонями и правами, но совершенно не пріученной къ труду и къ повиновенію долгу; умѣющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводомъ и ротой въ бою, на походѣ и въ обычномъ обиходѣ. Очень много уже пріучившихся къ алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствіе душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться паникѣ и унынію; свидѣтельствуютъ, — что мнѣ говорили и раньше и что отмѣчено въ донесеніяхъ посылаемыхъ мной на фронтъ офицеровъ, — что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеровъ являются причинами ухода частей съ ихъ боевыхъ участковъ и паническаго бѣгства. Мнѣ показывали донесеніе начальника Ижевскаго гарнизона, въ коемъ отмѣчалось, что задолго до прихода на Ижевскій заводъ отходившихъ черезъ него войскъ, онъ наполнился десятками бросившихъ свои части офицеровъ, которые верхомъ и на повозкахъ удирали въ тылъ.

Сообщающіе эти свѣдѣнія совершенно справедливо говорятъ, что скоропалительность въ выпускѣ офицеровъ изъ школы и отсутствіе повѣрки ихъ нравственныхъ и военныхъ качествъ приносятъ арміи великое зло, ибо сводитъ на нѣтъ всю гигантскую и геройскую работу настоящихъ офицеровъ. Дитерихсъ добился, наконецъ, что арміи доставили свѣдѣнія о дѣйствительной ихъ численности; оказывается, что у насъ около пятидесяти тысячъ строевыхъ чиновъ, при трехстахъ тысячахъ ртовъ; въ арміяхъ боевого элемента не больше 12—15 тысячъ человѣкъ въ каждой, т. е. примѣрно около дивизіи хорошаго состава.

Я очень удивленъ малой рѣшительности Дитерихса по части уничтоженія ненужныхъ высшихъ войсковыхъ соединеній; нелѣпо имѣть на 50 тысячъ бойцовъ нѣсколько десятковъ штабовъ армій, группъ, дивизій, бригадъ; реорганизацію армій надо было

начать съ безпощаднаго уничтоженія излишнихъ штабовъ. Говорятъ, что это, однако, невозможно, ибо подлежащее оправданію начальство этого не хочетъ и не допустить.

Много надеждъ возлагается на формируемый кавачій корпусъ; считаютъ, что вскорѣ намъ удастся собрать конную массу до десяти тысячъ шашекъ, т. е. такую силу, которая въ рукахъ талантливаго и энергичнаго кавалерійскаго начальника можетъ совершить большія дѣла. Прорвать красную паутину очень не трудно, а дальше идти степи, богатыя продовольствіемъ и фуражемъ, представляющія раздолье для широкаго коннаго рейда съ разгромомъ всего краснаго тыла.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подходящаго для выполненія такой задачи кавалерійскаго начальника; фронтовые офицеры, съ которыми я говорилъ на эту тему, считаютъ, что наиболѣе подходитъ къ такой роли генералъ Каппель, обладающій всѣми необходимыми для этого качествами.

Но горе въ томъ, что возглавленіе этого корпуса уже предрѣшено внѣконкурсной кандидатурой генерала Иванова-Ринова, давно уже мечтающаго о побѣдныхъ лаврахъ и о выдвигеніи въ мѣстные Бонапарты, не безъ дальнѣйшихъ надеждъ и на болѣе высокое будущее.

Это аннулируетъ совершенно боевое значеніе коннаго корпуса, ибо нигдѣ, какъ въ кавалеріи, успѣхъ не зависитъ такъ отъ боевыхъ качествъ ея начальника, его таланта, знаній, беззавѣтной храбрости, глазомѣра, настойчивости, разумной, а иногда и безумной рѣшительности и умѣнья схватить, оцѣнить и использовать обстановку.

Какой же кавалерійскій начальникъ можетъ получиться изъ этого полицейскаго выскочки, очень компетентнаго по части пресѣченій и нагаечно-зубодробительныхъ усмирений, но полнаго нуля во всемъ, что касается боевого руководства вообще, а специально-кавалерійскаго сугубо.

Мы достаточно уже насмотрѣлись въ большую войну, какъ наши никчemuшніе кавалерійскіе генералы сводили на нѣтъ всю силу нашей конницы и отличныя боевыя качества ея личнаго состава; но и тѣ никчemuшники были орлы сравнительно съ этимъ, такъ жадно тянущимся къ побѣднымъ лаврамъ, честолюбивымъ Держимордой.

15 Августа. Съ появленіемъ въ званіи Военнаго Министра генерала Дитерихса, моя работа очень усложнилась и получила очень уродливый характеръ.

Дитерихсъ путается во всѣ мелочи снабженія, отдаетъ распоряженія моимъ подчиненнымъ мимо меня, самъ распредѣляетъ приходящіе запасы и сводитъ меня къ роли какого-то регистратора — дѣлопроизводителя. Я думалъ, что онъ умнѣе, дѣльнѣе и способнѣе распредѣлять работу; казалось бы, что онъ могъ узнать, что я представляю собою въ служебномъ и рабочемъ отношеніи и что мнѣ можно довѣрить; ну, а если я, по его мнѣнію, не подхожу, то мои рапорты и доклады объ увольненіи уже давно ждутъ положительной резолюціи, а я самъ жду избавленія отъ той нравственной каторги, въ которой держитъ меня эта мной не прошенная должность.

Послѣ обѣда засѣданіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, въ которомъ я дѣлалъ докладъ по основнымъ вопросамъ снабженія арміи; желаніе принести общую пользу и арміи, и самому совѣщанію сильно приподняло мое настроеніе и я самъ остался доволенъ своимъ докладомъ: говорилъ коротко, ясно, ничего не скрывая и откровенными разъясненіями, повидимому, удовлетворилъ членовъ Совѣщанія. Благодаря этому докладу, опоздалъ къ началу экстреннаго засѣданія Совѣта Министровъ, на которомъ разсматривался вопросъ объ отставкѣ Михайлова и Сукина.

Насколько удалось выяснить, въ началѣ засѣданія Вологодскій заявилъ, что послѣднее засѣданіе Совѣта Министровъ и многочисленныя заявленія серьезныхъ общественныхъ группъ убѣдили его въ невозможности оставленія въ составѣ Правительства Михайлова и Сукина; поэтому онъ проситъ членовъ Совѣта высказать свое мнѣніе по этому вопросу; онъ добавилъ, что имѣетъ основаніе ожидать, что со стороны Верховнаго Правителя послѣдуетъ предложеніе кандидатуры на должность министра финансовъ бывшаго государственнаго контролера Феодосьева, а на мѣсто главноуправляющаго дѣлами Правительства — Самойлова, но онъ, Вологодскій, считаетъ для себя эти кандидатуры непріемлемыми, особенно въ отношеніи Феодосьева, политическая и нравственная

фізіономіи котораго совершенно не подходят къ составу Правительства и который принималъ участіе въ подачѣ Верховному Правителю записки съ осужденіемъ состава и дѣятельности членовъ Правительства.

Преображенскій, Шумиловскій и Уструговъ энергично поддержали Вологодскаго, заявивъ, что, если Верховный Правитель не согласится съ тѣми кандидатами, которыхъ избересть предсѣдатель Совѣта Министровъ, то все Правительство должно подать въ отставку.

Вологодскій заявилъ, что имъ рѣшено предложить мѣсто министра финансовъ дальневосточному финансовому дѣятелю Гойеру, много лѣтъ стоявшему во главѣ дальневосточныхъ отдѣленій Русско-Авіатскаго Банка; на должность министра Иностраннхъ дѣлъ у него кандидата нѣтъ, а поэтому онъ снесся съ Савоновымъ и вновь просить его пріѣхать въ Омскъ и взять въ свои руки управленіе этимъ министерствомъ.

Защитникомъ Сукина выступилъ его личный пріятель, морской министръ Смирновъ, заявившій, что невозможно мѣнять руководителя нашей иностранной политики въ самый разгаръ важныхъ дипломатическихъ переговоровъ съ союзниками. На это послѣдовали острия реплики со стороны Устругова и Неклютина, причемъ послѣдній заявилъ, что онъ отказывается засѣдать вмѣстѣ съ Сукинымъ, такъ какъ считаетъ невозможнымъ довѣрять послѣднему наши секретныя и важныя государственныя дѣла.

Казалось бы, послѣ того, что сдѣлалъ нашъ дипломатическій вундеркиндъ и въ чемъ онъ былъ уличенъ Уструговымъ, не слѣдовало бы и разговаривать объ оставленіи такого члена въ составѣ уважающаго себя Правительства. Не понимаю совершенно Вологодскаго, не способнаго использовать все создавшееся положеніе, чтобы круто повернуть курсъ, выбрать новыхъ сотрудниковъ и этимъ удовлетворить и фронтъ, и общественные круги, и общее ожиданіе.

Разъ онъ жертвуетъ главными китами всемогущей пятерки — Михайловымъ и Сукинымъ, наиболѣе ненавистными для всѣхъ персонажами, то все остальное является пустяками. Перемѣна состава Правительства сейчасъ не только не опасна, но даже благотѣльна, ибо покажетъ всѣмъ, что Правительство осудило свой прежній курсъ и желаетъ сдѣлать что-то новое.

Уже это нѣсколько освѣжитъ атмосферу, породитъ надежды на что-то лучшее и несомнѣнно облегчитъ дѣятельность новаго Составы Правительства, которому надо будетъ рядомъ сильныхъ и благотѣльныхъ мѣръ закрѣпить эти зачатки надеждъ и постараться обратить ихъ въ увѣренность.

Лучше всего, чтобы ушелъ, конечно, и самъ Вологодскій, но если это не подходитъ, то надо смѣнить весь составъ министровъ и назначить свѣжихъ, дѣловыхъ и внушающихъ довѣріе людей, способныхъ оживить надежды всей страны.

Въ серединѣ засѣданіе было прервано, такъ какъ Вологодскому надо было ѣхать на вокзалъ, чтобы встрѣтить прибывающаго съ фронта Верховнаго Правителя и доложить ему рѣшеніе Совѣта по отношенію къ удаленію Михайлова и Сукина, и намѣченныя новыя кандидатуры; одновременно съ Вологодскимъ отправился и Смирновъ.

Пепеляевъ сдѣлалъ докладъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки на фронтъ, — обычныя впечатлѣнія любопытнаго и впечатлительнаго штатскаго человѣка, неспособнаго разобратся въ подаваемомъ ему матерьялѣ, и фаршируемаго сопровождающими его лицами такъ, какъ это имъ выгодно.

Для меня цѣнно только его рѣшительное заключеніе о полной безрезультатности агитаціонной работы многочисленныхъ освѣдомительныхъ органовъ; онъ воочію убѣдился, что эта дѣятельность держится ближе къ Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населенія; онъ пришелъ къ заключенію, что распространяемая газеты, брошюры и листовки написаны не для крестьянъ и временами редактированы настолько неудачно, что приводятъ населеніе къ заключенію, что у большевиковъ лучше, чѣмъ у насъ.

Онъ сознался, что, наконецъ, убѣдился въ томъ, что нашимъ крестьянамъ нужны не воззванія и освѣдомительскій хламъ, а реальные результаты полезной для нихъ правительственной дѣятельности и такія слова, отъ которыхъ пахло бы пользой или по крайней мѣрѣ надеждой на нее.

Искренній, свѣжій и ищущій правды Пепеляевъ одинъ изъ глубоко симпатичныхъ членовъ Правительства; у него твердые взгляды, чистые идеалы и стремленіе къ большому подвигу; крупные его недостатки это малое знаніе жизни и ея реальныхъ, практическихъ коэффициентовъ и отсутствіе опредѣленной политики по отношенію къ нашимъ лѣвымъ партіямъ; послѣднее, быть можетъ, зависитъ не столько отъ него самого, а отъ общей хлипкости и извилистости нашего курса. По этой части ему слѣдовало бы настоять на одномъ какомъ-нибудь рѣшеніи; точно также слѣдовало бы быть рѣшительнѣе и въ серьезномъ вопросѣ объ организаціи настоящей милиціи и внутренней стражи.

16 Августа. Въ три часа дня экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ. Вологодскій объявилъ, что его предложенія приняты Верховнымъ Правителемъ, за исключеніемъ увольненія Сукина; адмиралъ рѣшительно отказался дать свое согласіе на это увольненіе и приказалъ Сукину взять обратно уже поданное тѣмъ прошеніе объ отставкѣ (Преображенскій усматриваетъ въ семъ несомнѣнное вліяніе кувшиннаго рыла морского пріятеля нашего Талейрана).

Ввиду непреклонности адмирала Вологодскому пришлось уступить и согласиться на временное оставленіе Сукина до того, какъ удастся сношеніями съ Сазоновымъ подыскать для него подходящаго замѣстителя.

Въ общемъ всѣ надежды на обновленіе Правительства не оправдались, такъ какъ отставка одного Михайлова не имѣетъ сейчасъ большого значенія; оставленіе же въ составѣ кабинета Сукина и Тельберга послѣ всего происшедшаго показываетъ, что мы не способны на то единственное рѣшеніе, которое было законнымъ и приличнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Я предложилъ обсудить кандидатуру въ министры иностранныхъ дѣлъ генерала Хорвата, наиболѣе подходящаго къ этой должности по свойству своего характера, по умѣнью обращаться съ иностранцами и по тому авторитету, которымъ его имя пользуется въ средѣ союзныхъ представителей. Пепеляевъ и Преображенскій меня поддержали, но Вологодскій призналъ эту кандидатуру для себя неприемлемой, добавивъ, что все равно Хорватъ такого предложенія не приметъ.

Внѣ авторскаго самолюбія думаю, что такое рѣшеніе большая ошибка; наличіе въ кабинетѣ крупной и специфически дипломатической фигуры Хорвата придало бы ему крупный вѣсъ.

Ивановъ-Риновъ обобралъ всѣ наши склады и я безсиленъ помочь фронту; я дѣлаю наряды для отправки на фронтъ, но о нихъ узнаетъ этотъ пронырливый казакъ и все попадаетъ въ его обширныя лапы; малѣйшая задержка вызываетъ жалобы адмиралу съ угрозой, что это отражается на выходѣ сибирскихъ казаковъ на испепеленіе красныхъ; въ результатѣ на каждаго выходящаго казака взято по пять и по шесть комплектовъ и лѣтняго и зимняго обмундированія, а на фронтѣ войска голы и босы.

Въ организацію снабженія казаковъ пущена полная автономія съ демократическимъ соусомъ въ видѣ дружбы и совмѣстной работы съ общественными организаціями; въ извѣстныя времена наши полицейскіе администраторы всегда любили таніе демократическіе соусы, какъ средство сдобрить непрезентабельный вкусъ ихъ привычныхъ, основныхъ блюдъ.

Ушелъ изъ Совѣта Министровъ совершенно разочарованнымъ; упущенъ превосходный случай обновить все импотентное правительство и постараться начать новую политику, освобожденную отъ всѣхъ тайныхъ послѣдствій ноябрьскаго переворота и иныхъ специфически омскихъ міазмовъ. Я мало знакомъ съ составомъ сибирскихъ дѣятелей, но думаю что и въ средѣ Гос. Экон. Совѣщанія и между сибирскими купцами, кооператорами и общественными дѣятелями можно было найти десятокъ дѣловыхъ людей съ прочными, извѣстными и уважаемыми именами, которые согласились бы взять на себя подвигъ спасенія сначала родной Сибири, а за ней и Россіи, смѣнивъ ту случайную кучку, которую ноябрьскій переворотъ вышвырнулъ къ власти.

Ошибки истекшаго года правительственной дѣятельности настолько ясны, что свѣжимъ людямъ очень легко намѣтить новый курсъ однимъ только отреченіемъ отъ этихъ ошибокъ.

То, что рѣшено сегодня Совѣтомъ, равносильно починкѣ трубъ и печей въ домѣ, въ которомъ горятъ потолки и стѣны. Петровское «потеря времени — смерти безвозвратной подобна» со всѣхъ сторонъ уже предъявляетъ свои грозные счета и требуетъ возмездія отъ спящихъ дѣвъ и лукавыхъ рабовъ.

На экзаменѣ на силу и государственность Омскъ провалился безнадежно, и единственнымъ средствомъ измѣнить отношеніе населенія къ власти была полная смѣна ея руководителей и главныхъ исполнителей; не сдѣлавъ этого, потеряли еще одинъ шансъ, — дай Богъ, чтобы онъ не былъ послѣднимъ, — когда можно было еще остановить тотъ полетъ внизъ, котораго не видятъ только заоблачные оптимисты.

17 Августа. Махнулъ на все рукой и приказалъ начальникамъ главныхъ управленій исполнять всѣ требованія Иванова-Ринова. Просилъ Дитерихса остановить это казачье хапанье; Дитерихсъ обѣщаль самъ контролировать всѣ запросы Ринова, но все это свелось къ однимъ обѣщаніямъ, ликвидированнымъ новымъ распоряженіемъ — никоимъ образомъ не задержать снабженія казачьяго корпуса.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ, на которое былъ внесенъ вопросъ объ упраздненіи Совѣта Верховнаго Правительства; много говорилось за необходимость этой мѣры, жизненно необходимой для возстановленія законной силы и значенія Совѣта Министровъ, но ватѣмъ какъ то обмякли и кончили дряблымъ постановленіемъ, что члены тайнаго совѣта обязаны докладывать Совѣту Министровъ то, что дѣлается въ ихъ засѣданіяхъ.

Въ силу этого рѣшенія, вновь появившійся въ Совѣтѣ Министровъ Сукинъ сдѣлалъ первый докладъ о дѣятельности своего министерства. Между прочимъ, докладъ подтвердилъ то, о чемъ я мелькомъ слышалъ раньше отъ Преображенскаго, и что оказалось ужаснымъ по своимъ послѣдствіямъ; это было самодовольное, съ подчеркиваніемъ его величія и значенія, заявленіе нашего дипломатическаго руководителя о томъ, что два мѣсяца тому назадъ генераль Маннергеймъ предлагаль Верховному Правителю двинуть на Петроградъ стотысячную финскую армію и просилъ за это заявить объ официальномъ признаніи нами независимости Финляндіи.

Съ сіяющимъ и гордымъ видомъ Сукинъ заявилъ, что Маннергейму былъ посланъ такой отвѣтъ, который отучилъ его впредь обращаться къ намъ съ такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной Россіи предложеніями; по сіяющей физіономіи и по всему тону сообщенія было видно, что главную роль въ этомъ смертельно-гибельномъ для насъ отвѣтѣ сыгралъ нашъ дипломатическій вундеркиндъ. Я не выдержалъ и громко сказалъ: «какой ужасъ и какой идиотизмъ», чѣмъ вызвалъ изумленные взгляды своихъ сосѣдей.

Теперь для меня стала ясна та неразбериха, которая была въ началѣ лѣта съ вмѣшательствомъ Финляндіи и съ занятіемъ Петрограда, и о которой я смутно слышалъ въ оперативномъ отдѣлѣ Ставки. Вѣдь, если бы не кучка безграмотныхъ совѣтниковъ, вырвавшихъ у адмирала то рѣшеніе, коимъ гордо хвастался сегодня Сукинъ, то теперь Россія была бы свободна отъ большевиковъ, не было бы Уральскаго погрома и надъ нами не висѣли тѣ грозныя тучи, которыя временами застилаютъ послѣднюю надежду на благоприятный исходъ.

Подъ бряканье пустозвонныхъ словъ о великой, недѣлимой Россіи отказались отъ незамѣнимой тогда услуги по спасенію этой самой Россіи и обрекли ее на длительную кровь, на длительныя мученія и на измыванія подъ пятой красныхъ деспотовъ и палачей.

Вѣдь, для людей, способныхъ здраво мыслить и разбираться безпристрастно въ широкихъ государственныхъ отношеніяхъ, было давно понятно, что подчиненіе Финляндіи только внѣшнее, и что все равно она будетъ такой же самостоятельной, какъ и Польша, если только впоследствии обстоятельства не принудятъ ее присоединиться на извѣстныхъ условіяхъ къ сильной и новой Россіи.

Казалось, что для здравыхъ политиковъ и думающихъ государственныхъ людей не могло быть и минутнаго колебанія въ томъ, чтобы немедленно отвѣтить полнымъ согласіемъ на предложеніе Маннергейма и всячески содѣйствовать скорѣйшему успѣшнѣйшему его осуществленію.

Только атмосфера Омска могла затуманить мозги настолько, чтобы сознательно отказаться от помощи в таких разборах и на таком смертельно опасном для большевиков направлении. Если Ленин и Троцкий узнают когда-нибудь об этом факте, то они обязаны прислать Сукину и его помощникам в этом ужасном для России деле, все свои красные знаки отличия, портреты всех интернациональных идиотов и прочие знаки своего красного благоволения.

Ужасно подумать, что за отказ от туманного и давно уже фактически потерянного права считать Великое Княжество Финляндское частью Российской Империи, мы получали помощь невроятно огромного значения; ужасно подумать, что когда мы, Омск, собственно говоря, лягушки раздувались во Всероссийского Вола, позволяли себе играть судьбами нашей родины и толкали Верховную власть на такое гибельное для нее решение, мы в то же время были игрушкой в руках союзной интервенции, искали всюду помощи, базировались на чехах, радовались возможности получить помощь японцев и американцев, были бессильны справиться с читинским Гришкой и хабаровским Ванькой, и вообще находились в том положении, которое я называю персидским.

И все это отпадало при принятии предлагаемой нам финской помощи, и всего этого мы лишились только потому, что судьбы и России, и наши попали в руки пяти случайных людей, захвативших в свои руки голову и волю представителя Верховной власти, и неспособных видеть чего-нибудь дальше своего сибирского носа.

Ярко характерно то, что такое решение принято даже без осведомления о нем Совета Министров, то есть того, что по букве закона считается Правительством и несет на себе всю ответственность; видно, до чего доходила наглость этой пятерки, захватившей власть и не считавшей даже необходимым соблюдать хотя бы внешнее приличие по отношению ко всему совету Министров.

Ужас, злоба и негодование охватывают по мере того, как раскрываются внутренние язвы того, что является нашим Правительством, и что позволяет себе брать в свои руки управление страной в такие тяжкие времена.

Смешно говорить о каких-то законах истории, когда всю эту историю может свернуть такое жалкое ничтожество, как какой-то очень юркий и краснобайный секретарь Вашингтонского Посольства, как на зло швырнутый судьбой в Омск, быстро пришедшийся ко двору при Омском Градоначальстве и феерично выбравшийся в руководители всей нашей иностранной политики.

Конечно, Лебедев и Ставка не могли не знать об этом решении, когда оно состоялось; вероятно же всего, что адмирал принял это решение только после совещания со своим наштаверхом, а тогда вся ответственность за это решение, принесшее России столько лишней крови и ужаса, должна быть разделена между военными и дипломатическими советниками Верховного Правителя.

Винить в этом самого Адмирала было бы также несправедливо, как и винить покойного Императора в том, что делалось его именем и по совету тех, кому Он вверил и кто были Ему близки.

Под соусом громких фраз о благе России, сохранении ее территориальной неприкосновенности и великодержавных прав, Адмирала можно было подвинуть на любое решение в том духе, как ему докладывали овладевшие его доверием и волей лица.

Как ни как, а Сукин остался управлять министерством иностранных дел, и все громы двух последних заседаний Совета Министров остались только сотрясением воздуха, общая отставка кабинета, предлагаемая Преображенским, Неклютиным и Уструговым не прошла, а частные отставки недовольных принятым решением были признаны вредными для всего положения и в данной обстановке недопустимыми.

Слишком мы отходчивы, а главное, дряблы и мягкотелы; в обыкновенной жизни это плохо и непрактично, а в государственной деятельности, да еще в наши тяжкие времена, — преступно.

18 Августа. Получил предложение Адмирала проехать вместе с ним на фронт; страшно этим обрадован, ибо получаю возможность самому увидеть то, о чем знаю только по разговорам, докладам, донесениям и слухам

Бѣдный Адмиралъ вѣрить докладамъ и разговорамъ о томъ, что своими поѣздками на фронтъ онъ поднимаетъ настроеніе войскъ и приноситъ большую пользу; онъ возить съ собой цѣлыя горы подарковъ для солдатъ и офицеровъ, волнуется передъ отъѣздомъ, чтобы достать всего побольше и готовъ даже выпрашивать то, что ему хочется повезти и чего у него нѣтъ.

Настроеніе Ставки очень твердое; Андогскій продолжаетъ увѣрять, что оздоровленіе арміи идетъ очень успѣшно; оздоровленіе — это очень широкій терминъ и совсѣмъ не то, что понимаетъ подъ нимъ Ставка и ея даленіе отъ фронта дѣятели.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ части войскъ, которыя удалось увести въ тылъ, отдохнули, отоспались и нѣсколько очнулись отъ одури непрерывнаго отхода въ очень тяжелыхъ условіяхъ и въ атмосферѣ потери вѣры въ себя и въ сосѣдей.

Но это очень далеко отъ оздоровленія духа, которое въ такихъ молодыхъ войскахъ приходитъ очень медленно и требуетъ исключительно благопріятной для себя обстановки. Оздоровленіе духа — это реакція — подъемъ въ сторону подвига, героизма, служенія идеѣ и готовности жертвовать для этой идеи всѣмъ и даже жизнью. Откуда явится этому подъему въ тѣхъ остаткахъ прежнихъ частей, которые мы называемъ арміями?

По моему — неоткуда, и тѣ, которые столь увѣренно говорятъ объ оздоровленіи фронта, глубоко въ этомъ ошибаются; слишкомъ они далеки отъ войскъ, отъ знанія, пониманія и способности учитывать ихъ качества; считать «оздоровленіемъ» естественные результаты краткосрочнаго физическаго отдыха людей — это большая и опасная ошибка.

Тѣ ужасныя слова, которыя были мнѣ сказаны недавно виднымъ представителемъ фронта: «солдаты не хотятъ воевать; офицеры въ большинствѣ неспособны уже на жертвенный подвигъ; арміи выдохлись . . .» — не выходятъ изъ моей памяти, и я знаю и чувствую, что это правда.

Армія, въ ея настоящемъ положеніи, это сломанная во многихъ мѣстахъ палка; по наружному виду ее еще можно, хотя и съ большимъ трудомъ, склеить, но она разлетится вдребезги при первой попыткѣ ею опять ударить.

Моя надежды, — правда, очень микроскопичныя, — на переходъ атаманщины въ тылу на легальное существованіе, съ сдачей въ архивъ прежней идеологии и пріемовъ, оказались несбыточными; очевидно, гіенъ не пріучишь довольствоваться сладкой травкой. Ядъ атаманщины и сладость беззаконнаго существованія слишкомъ глубоко всюду проникли и намъ не суждено справиться съ этимъ зломъ; насъ оно, вѣроятно, съѣстъ, но и само должно погибнуть среди смрада, имъ производимаго.

Сейчасъ Адмиралъ уже неспособенъ ни на что въ отношеніи ликвидаціи атаманщины, ибо она связана съ казачествомъ, а послѣднее — *in cogroge* — сейчасъ является хозяиномъ положенія и, въ силу солидарности интересовъ, не позволитъ уже бессильной Омской власти посягнуть на кого-либо изъ своихъ сочленовъ,

Адмиралъ завороженъ радужными обѣщаніями казачьей конференціи и Иванова-Ринова, и, какъ ребенокъ, носится съ порожденными ими надеждами.

Сегодня всѣ караулы Омска заняты на половину командами изъ благонадежныхъ городскихъ обывателей; энергичный Матковскій преодолѣлъ всѣ чинимыя ему по этой части затрудненія и добился реального осуществленія этой крайне полезной для насъ мѣры.

19 Августа. По обыкновенію заготовилъ своимъ сотрудникамъ записки, что надо сдѣлать за время моего отъѣзда — надо всѣмъ поставить вѣхи, чтобы не сбивались и чтобы мое отсутствіе не отразилось на ходѣ работы всего Министерства.

Получилъ очень любопытную справку, что, при эвакуаціи управленія снабженій Сибирской арміи, изъ Екатеринбурга было вывезено: женщинъ 502, дѣтей 162, составлявшихъ семейный багажъ офицеровъ и чиновниковъ этого Управленія; очевидно, что, при такомъ дополненіи, большинству служащихъ было не до войны и не до заботъ о своихъ частяхъ, особенно при катастрофической обстановкѣ всей эвакуаціи.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ юстиціи шлютъ мнѣ многочисленныя жалобы на безобразія, насилія и грабежи, учиняемые дальневосточными атаманами. Меня особенно изводятъ препроводительныя надписи, въ коихъ просится все сіе устранить,

виновныхъ наказать и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ увѣдомить; вѣдь, и Вологодскій, и Тельбергъ знаютъ, что всѣ мы безсильны противъ этого вла.

Я въ свою очередь перегоняю все это помощнику Военнаго Министра по казачьей части генералу Хорошину — онъ же членъ казачьей конференціи — тоже «на зависящее распоряженіе». Какая жалкая картина безсилія и паралича власти!

Искренно хотѣлъ помочь Семенову стать на дорогу законности и покрыть всѣ старые грѣхи; просилъ прислать требовательныя вѣдомости на всѣ виды довольствія его войскъ за прежнее время и откровенно подсчитать, сколько надо ассигновать, чтобы покрыть всѣ его «семенизаціи» и оплатить теперь же всѣ причиненные его агентами убытки; заручился согласіемъ контроля пропустить все это безъ возраженій для ассигнованія необходимыхъ суммъ; послалъ всѣ необходимыя указанія, справки и инструкціи, какъ и что надо сдѣлать . . . и вотъ уже два мѣсяца жду исполненія, не получая даже отвѣта на запросы — послѣдуетъ ли и когда это исполненіе.

20 Августа. Ночью выѣхали на фронтъ третьей арміи. На станціи Петропавловскъ встрѣтилъ бывшаго своего подчиненнаго, тогда начальника штаба 14 корпуса, а теперь командующаго войсками мѣстнаго военнаго округа генерала Георгіевскаго; на немъ лежитъ тяжелая обязанность держать въ порядкѣ весь тылъ арміи, и онъ жалуется на великія безобразія, чинимыя разными нештатными и штатными командами; особенно же безобразничаютъ и насильничаютъ анненковскіе гусары и уланы (какія-то экзотическія части, вытщенные недавно на фронтъ и, судя по всѣмъ донесеніямъ, самага башибузукскаго состава и поведенія). Только что по приговору суда разстрѣляно 16 человекъ изъ этого отряда и вновь предано полемому суду 2 офицера, но это не производитъ никакого впечатлѣнія, до того всѣ распустились.

На станціяхъ всюду очень грязно; эшелоны послѣднихъ хвостовъ Челябинско-Курганской эвакуаціи идутъ въ большомъ безпорядкѣ и напоминаютъ скорѣе таборы бѣженцевъ, чѣмъ воинскіе эшелоны.

Особенно распушены разныя автомобильныя, авіаціонныя, техническія и инныя команды, которыя въ великомъ множествѣ имѣются при всѣхъ войсковыхъ соединеніяхъ.

Использованіе подвижнаго состава самое расточительное, и цѣлыя поѣзда завалены хламомъ, который давно надо было сбросить подъ откосъ,

Среди этого безпардоннаго потока промелькнули два эшелона, — одинъ съ конной командой и одинъ артиллерійскій, — рѣзко выдѣлившіеся своимъ порядкомъ и прочной подтянутостью; въ вагонахъ и на платформахъ ничего лишняго, солдаты оборваны, но ведутъ себя настоящими солдатами; по офицерскому составу видно, что это настоящія части.

Штабъ Третьей арміи стоитъ на станціи Лебежьей, выдвинувшись почти на фронтъ передовыхъ дивизій. Чины штаба очень обижены на Ставку за переводъ арміи изъ категоріи отдѣльныхъ въ неотдѣльныя, и увѣряютъ, что всѣ текуція неудачи произошли исключительно отъ этой реорганизаціи, лишившей ихъ необходимой самостоятельности.

Смѣшно подумать, что арміи въ 20 тысячъ штыковъ хочется быть на правахъ отдѣльной арміи со всѣми управленіями и тылами, одинаковыми съ управленіемъ и тылами фронта, т. е. тѣмъ, что вѣдало прежде милліонами штыковъ.

Адмиралъ за послѣднее время нѣсколько разъ былъ въ третьей арміи, и это очень усилило положеніе Сахарова, который очень импонируетъ Адмиралу своей рѣшительностью, категоричностью, наступательными тенденціями и оптимизмомъ; это обстоятельство мѣшаетъ работѣ Дитерихса, который довольно рѣшительно реорганизуеь остальные армія, но какъ-то избѣгаетъ касаться третьей арміи, продолжающей до сихъ поръ состоять изъ десяти дивизій; часть этихъ дивизій не насчитываетъ и 500 штыковъ, но при всѣхъ неукоснительно состоятъ обозы по 4 и 4½ тысячи повозокъ и при 6—8 тысячахъ нестроевыхъ.

Подѣзжая къ Лебежьей, видѣли вереницы этихъ обозовъ, отходившихъ на востокъ; на повозкахъ бабы, дѣти, масса домашняго скарба; масса тарантасовъ съ дамами и дѣтьми. Все это тщательно вывезено, а артиллерія, пулеметы и средства связи потеряны; по даннымъ начальника инженеровъ при отступленіи брошены десятки тысячъ верстъ телеграфъ-

наго и телефоннаго кабеля; обычная картина безудержнаго отступленія, когда бросается все, предназначенное для боя, и сохраняется все цѣнное для брюха и для кармана; вѣдь и на большой войнѣ мы видѣли, какъ сначала бросалась лопата, потомъ патроны и винтовки, но бережно сохранялся вещевой мѣшокъ.

Потеря пулеметовъ меня не удивила, такъ какъ все послѣднее время мы снабжали фронтъ спущенными намъ за очевидной негодностью пулеметами Санъ Этьена, образца 1907 года; это пулеметы траншейнаго типа, очень тяжелые, громовкїе и по высотѣ установки непригодные для полевой войны; поэтому ихъ бросали не только безъ сожалѣнїя, но даже съ удовольствїемъ.

Другихъ же у насъ не было; подумалъ, какъ бы пригодились эти пулеметы (ихъ были тысячи) при пассивной оборонѣ линїи рр. Тобола и Ишима.

Недалеко отъ штаба арміи расположенъ полевой госпиталь, находящїйся въ самомъ ужасномъ состоянїи; больные и раненые валяются въ пакгаузахъ, стоящихъ среди лужъ зеленой жижи, которая все время пополняется производимыми тутъ же естественными надобностями больныхъ, половина которыхъ тифозны.

Раненые валяются на грязныхъ и колючихъ доскахъ безъ всякой подстилки; единственный на весь госпиталь докторъ и двѣ сестры сбились съ ногъ отъ непосильной работы; вмѣсто чая даютъ какую-то жидкую грязь, хлѣбъ черствый.

Зато рядомъ въ Штабѣ помѣщается Санитарный Инспекторъ арміи съ порядочнымъ штатомъ докторовъ и фельдшеровъ, пишущихъ на машинкахъ.

Сообщилъ эти печальныя замѣчанїя начальнику Штаба арміи, добавивъ, что для меня неудивительны нападки на санитарное положенїе фронта, равъ подъ бокомъ штаба арміи возможно такъ держать госпиталь; достаточно было хоть немного осмотрѣться и тогда увидали бы, что недалеко чистое помѣщенїе элеватора; что на станціи масса соломы и сѣна; что въ штабнѣ сидятъ доктора, которые могли бы помочь своему ошалѣвшему отъ непосильной работы коллегѣ; что въ штабныхъ вагонахъ имѣется нѣкоторое число сестеръ милосердія, женъ равнаго начальства, которыя могли бы помочь въ уходѣ за ранеными и хоть этимъ оправдать то званїе, которымъ онѣ пользуются, чтобы избѣжать дѣйствїя приказа Дитерихса, воспретившаго имѣть при себѣ семьи.

Армейское начальство сугубо надулось и послало кого-то провѣрять сообщенныя мною свѣдѣнїя (до госпиталя всего 100—150 шаговъ).

Сахаровъ долго сидѣлъ у Адмирала съ докладомъ, черезъ вагонъ сидѣлъ я, старый и достаточно опытный генералъ генеральнаго штаба, бывшїй начальникъ штаба настоящей арміи и командиръ настоящаго корпуса, но меня не только не пригласили присутствовать при докладѣ, но, когда мнѣ нужно было получить разрѣшенїе Адмирала по вопросу объ эвакуаціи ст. Пѣтухова и я хотѣлъ его видѣть, то получилъ отвѣтъ, что у Верховнаго докладываетъ командующїй арміей и меня просятъ подождать.

Обѣхалъ ближайшія тыловыя учрежденїя двухъ дивизїй; внѣшняго порядка больше, чѣмъ я думалъ, но зато настроенїе самое небоеое и всѣ стремленїя на востокъ, подальше отъ красныхъ.

21 Августа. Съ утра собирались ѣхать въ Ижевскую дивизїю, но Адмиралъ чувствуетъ себя простуженнымъ и поѣздку отложилъ. Ижевская дивизїя рѣзко выдѣляется на всемъ фронтѣ по своему составу; она образовалась исключительно изъ ижевскихъ рабочихъ, семьи которыхъ звѣрски истреблены большевиками; такой составъ придаетъ ей рѣдкую однородность и надежность.

Хотѣлъ проѣхать въ ближайшіе штабы корпусовъ или, какъ ихъ теперь называютъ, группъ, но оказалось, что они находятся въ движенїи, продолжая отходъ на востокъ; понимая, что въ такое время прїѣздъ тыловаго посѣтителя болѣе чѣмъ некстати, измѣнилъ свое намѣренїе и объѣхалъ ближайшіе къ станціи районы, гдѣ стоятъ обозы и куда отходятъ нѣкоторые резервы.

Впечатлѣнїе то же, что и вчера; по внѣшности сѣро и неказисто, но внѣшняго порядка болѣе, чѣмъ можно было ожидать послѣ трехмѣсячнаго отступленїя; количество нестроевого элемента поражаетъ своими размѣрами; бросается въ глаза очень приличное снабженїе обозныхъ и всей штабной челяди.

Внутренней дисциплины мало; больше всего заботы о личных удобствах; обязанности же постольку, поскольку сіе необременительно и не неприятно.

Быль въ штабѣ арміи и въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ; всюду усердно пишутъ и получается впечатлѣніе кипучей работы.

Познакомился съ состояніемъ снабженій; полтора мѣсяца тому навадъ Неклютинъ увѣрялъ, что организація особой агентуры по приобрѣтенію и исползованію мѣстныхъ средствъ выдачей ихъ сразу въ войсковыя части идетъ очень успѣшно; я повѣрилъ и радовался, ибо видѣлъ въ этомъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ по облегченію подвоза и по прекращенію грабежей; по выработанной нами схемѣ, по всему фронту должны быть учреждены уполномоченные министерства продовольствія и снабженія съ большими правами и кредитами, идущіе вмѣстѣ съ войсками, покупающіе у жителей все для войскъ необходимое и передающіе все приобрѣтенное сразу же на войсковое довольствіе.

Въ дѣйствительности оказалось, что нигдѣ до сихъ поръ такихъ уполномоченныхъ нѣтъ и они гдѣ то въ тылу собираются приступитъ къ этимъ обязанностямъ. Таковы оказываются результаты повѣрки дѣятельности этого черепашьяго министерства.

Связь войскъ съ ихъ довольствующимъ тыломъ налажена очень слабо, несмотря на благопріятныя условія отхода на свой тылъ; при такихъ условіяхъ и при должной заботливости можно было отлично наладить довольствіе и не обижать населенія, но этого, къ сожалѣнію, не сдѣлано.

Войска убѣждены, что въ тылу ничего нѣтъ и что бесполезно даже надѣяться что либо оттуда получить; поэтому все базируется на собственный промыслъ и добываніе.

Даже штабъ арміи не знаетъ своихъ армейскихъ средствъ; офицеры жаловались мнѣ, что ихъ заѣдаютъ вши, а въ отдѣленіи полевой аптеки штарма столько дезинсекціонныхъ средствъ, что ими можно вымазать нѣсколько разъ всю армію.

Трудно представить, до чего доходитъ беззаботность армейскихъ верховъ; сейчасъ вся армія жметъ къ желѣзной дорогѣ и въ отношеніи довольствія находится отъ нея въ полной зависимости; однако, управление военныхъ сообщений до сихъ поръ не догадалось, что надо установить движеніе правильно ходящихъ этапныхъ поѣздовъ, обслуживающихъ войсковыя нужды; тѣе поѣзда имѣютъ серьезное значеніе для упорядоченія снабженія и всей тыловой службы, вносятъ систему, связываютъ фронтъ и тылъ и становятся обычно крупнымъ факторомъ въ хозяйственной и обыденной жизни войскъ; ихъ приходъ и уходъ дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ событій дня для всѣхъ тяготящихся къ извѣстной станціи войскъ и учреждений.

Когда я выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи такихъ поѣздовъ, то мнѣ отвѣтили, что они давно въ ходу и даже дали расписаніе, которое при повѣркѣ оказалось никѣмъ неисполняемой бумагой; когда-то хотѣли установить такое сообщеніе, отдали всѣ распоряженія, да забыли провѣрить исполненіе.

Все такъ и осталось писаной бумагой; къ сожалѣнію, такихъ случаевъ десятки, — подтвержденіе тому, что не все, что пишется въ штабахъ, выговаривается въ низахъ.

За завтракомъ у Адмирала видѣлъ весьма юнаго генерала Космина, изъ недавнихъ поручиковъ, убѣжденнаго сторонника того, чтобы всѣ старшіе начальники сами ходили съ винтовками въ штыковыя атаки или прикрывали отступленіе.

Этотъ абсурдъ самымъ прочнымъ образомъ укрѣпился на фронтѣ и имъ такъ нафаршировали Адмирала, что онъ самъ готовъ взять винтовку и драться наравнѣ съ солдатами; я увѣренъ, что онъ прокликаетъ Омскую работу, которая мѣшаетъ ему устремиться на фронтъ и показать тотъ идеалъ начальника, который ему рисовали и рисуютъ; это объясняетъ его частыя поѣздки на фронтъ, ибо онъ боится, чтобы его не упрекнули въ отсиживаніи въ тылу.

Вечеромъ Адмиралъ разговорился на политическія темы и выказалъ свою дѣтскую искренность, полное непониманіе жизни и исторической обстановки и чистое увлеченіе мечтой о возстановленіи великой и единой Россіи; онъ смотритъ на свое положеніе, какъ на посланный небомъ подвигъ и непоколебимо убѣжденъ, что ему или тому, кто его замѣнитъ, удастся вернуть Россіи все ея величіе и славу и возвратитъ всѣ отпавшія и отторженныя отъ насъ земли.

Онъ съ восторгомъ разсказалъ случай съ отказомъ принять предложеніе помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндіи; когда же я ему высказалъ, что не было-ли такое рѣшеніе крупной военной и государственной ошибкой, то онъ весь вспыхнулъ, страшно огорчился и отвѣтилъ, что идеею великой, недѣлимой Россіи онъ не поступится никогда и ни за какія минутныя выгоды. Несомнѣнно, что это его credo.

Слушая его, думалъ, сколько хорошаго можно сдѣлать изъ этого вспльчиваго идеалиста, полярнаго мечтателя и жизненнаго младенца, если бы слабой волей руководилъ кто-нибудь сильный и талантливый и руководилъ такъ же искренно и идейно, какъ искреневъ и преданъ идеѣ служенія Россіи самъ Адмиралъ.

22 Августа. Утромъ нашъ выѣздъ въ Ижевскую дивизію былъ отложенъ по случаю дождя; только около полудня выѣхали по довольно рискованному, идущему близко къ отходящему фронту, маршруту.

Весь прилежащій районъ представляетъ огромныя удобства для дѣйствія конницы, броневиковъ и танковъ; какъ обидно, что обѣщанные намъ французами танки гдѣ-то застряли и никакъ не могутъ до насъ добраться!

Но для пѣхоты, въ особенности молодой и нестойкой, районъ для дѣйствій очень трудный, благодаря массѣ перелѣсковъ, закрывающихъ кругозоръ и облегчающихъ обходы и охваты; опять подумалъ о преимуществахъ обороны за Тоболомъ, гдѣ на 3—4 версты передъ фронтомъ открытая, мѣстами болотистая, долина рѣки.

Впечатлѣніе отъ Ижевской дивизіи весьма оригинальное, но благопріятное; жаль только, что хорошій по численности полкъ раздули въ цѣлую дивизію, ибо реальной силы это не прибавило, но перегрузило зато по части штабовъ и обозовъ.

Всѣ говорятъ, что это исключительная по боевому достоинству дивизія, и, между тѣмъ, не принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы снабдить ее, какъ слѣдуетъ; при всей нашей бѣдности мы могли бы снабдить, какъ подобаетъ, такую отборную воинскую часть, хотя бы уменьшивъ то, что такъ жадно и безцеремонно заграбасталъ у насъ казачій Омскій хапуга.

По дорогѣ встрѣтили массы отходившихъ обозовъ, шедшихъ въ большемъ внѣшнемъ порядкѣ; на каждой повозкѣ по 1—2 здоровенныхъ солдата съ винтовками — это многочисленные обозные и нестроевые; фізіономіи у всѣхъ весьма пухлые и никакихъ военныхъ тяготъ и лишеній на нихъ не видно, въ этомъ рѣзкая разница съ подтянутыми, сухими и обожженными лицами Ижевскихъ стрѣлковъ и офицеровъ; точно также большинство обозныхъ одѣто щеголями сравнительно съ Ижевцами.

Войсковыя части тоже злоупотребляютъ подводами, требуя ихъ отъ населенія; это очень раздражаетъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ ихъ отрываютъ отъ полезныхъ работъ по уборкѣ сѣна и хлѣбовъ, уродившихся въ этомъ году такъ, какъ не бывало уже много лѣтъ; лошади и повозки остро нужны самимъ крестьянамъ, такъ какъ обычная здѣсь уборка машинами сейчасъ невозможна вслѣдствіе неполученія запасныхъ частей, шпагата и машиннаго масла.

Убѣдился, что свѣдѣнія о гомерическихъ размѣрахъ войсковыхъ обозовъ не преувеличены; есть полки съ обозомъ свыше тысячи повозокъ, и армейское начальство безсильно бороться съ этимъ зломъ; можно по этой части отдавать любяя распоряженія о сокращеніи, но никто ихъ не исполнить.

Всѣ обозныя и тыловыя должности переполнены сверхъ штата, что самымъ тяжкимъ образомъ отражается на довольствіи и снабженіи строевого состава.

Все это результатъ дѣятельности 25 и 28 лѣтнихъ генераловъ, умѣющихъ ходить въ атаку съ винтовкой въ рукѣ, но совершенно не умѣющихъ управлять своими войсками, придавать имъ правильную организацію и не позволять имъ обращаться въ сплошныя обозы.

То, что увидѣлъ и узналъ за эти три дня вполне подтвердило тѣ выводы, къ которымъ пришелъ еще въ Омскѣ по отношенію къ невозможности для насъ наступленія. Нельзя наступать, не имѣя пѣхоты, ибо въ такъ называемыхъ дивизіяхъ по 400—700—900 штыковъ, а въ полкахъ по 100—200 штыковъ; нельзя забывать, что надо занимать широкіе

фронты, а наши дивизіи равны по численности батальонамъ. Нельзя наступать съ ратерянной артиллеріей, почти безъ пулеметовъ и съ остатками техническихъ средствъ связи.

Сюда надо добавить совершенно разстроенный армейскій тылъ, не способный правильно довольствоваться войска, даже при отходѣ ихъ, на свои запасы; какъ же мы будемъ довольствоваться при наступленіи, когда вступимъ въ районъ разрушенныхъ желѣзныхъ дорогъ и истощенныхъ и нами, и красными мѣстныхъ средствъ, т. е. попадемъ въ такую обстановку, въ которой правильная и налаженная работа тыла пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе. Тѣ обозы, которые я видѣлъ въ эти дни, не могутъ работать правильно по кругообороту правильнаго подвоза, ибо это не военные обозы, а кочующіе таборы; они нагружены разнымъ добромъ, продовольственнаго груза принять не могутъ и, кромѣ того, такъ непомѣрно велики по сравненію съ боевыми частями, что сами слопаютъ все подвозимое.

Для Валяй-Сахаровыхъ и имъ подобныхъ полководцевъ все это пустяки; у нихъ горизонты и масштабы не выше ротнаго командира и имъ все это кажется такъ просто. Такіе типы не новость для нашей арміи; сколько мы видѣли ихъ и въ японскую, и въ нѣмецкую войну; для нихъ тылъ, снабженія и зависимость военныхъ операцій массовыхъ армій отъ вопросовъ подвоза и снабженія не существуютъ; они считаютъ, что ихъ дѣло приказывать и командовать, а объ остальномъ обязаны заботиться интенданты и всякая тыловая шушера.

При посѣщеніи Ижевцевъ впервые видѣлъ Адмирала передъ войсками; впечатлѣнія большаго начальника онъ произвести не можетъ; говорить съ солдатами онъ не умѣетъ, стѣсняется, голосъ глухой, не отчетливый, фразы слишкомъ ученныя, интеллигентныя, плохо понятныя даже для современнаго офицерства. Говорилъ онъ на тему, что онъ такой же солдатъ, какъ и всѣ остальные, и что лично для себя онъ ничего не ищетъ, а старается выполнить свой долгъ передъ Россіей. Онъ роздалъ много наградъ, произвелъ десятки офицеровъ и солдатъ въ слѣдующіе и офицерскіе чины, привезъ цѣлый транспортъ разныхъ подарковъ, но сильнаго впечатлѣнія не произвелъ.

Онъ не созданъ для такихъ парадныхъ встрѣчъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я увѣренъ, что, если бы онъ объѣхалъ стоянки частей, посидѣлъ съ солдатами, запросто пообѣдалъ, удовлетворилъ бы несложные запросы и просьбы, то впечатлѣніе осталось бы глубокое и полезное.

23 Августа. Поздно вечеромъ вернулись въ свой поѣздъ, а рано утромъ отправились въ Штабъ 2 арміи; опять понеслись четыре автомобиля по пустыннымъ полямъ и перелѣскамъ, руководствуясь старой и плохой картой; Адмиралъ очень рискуетъ, пускаясь въ такія поѣздки, но никто не рѣшается ему объ этомъ сказать, ибо пользы не будетъ, но за то штормованіе будетъ самое генераль-адмиральское.

Распрощались съ Сахаровымъ, усердно настраивавшимъ Адмирала на убѣжденіе, что все наше спасеніе въ наступленіи и что постоянный отходъ разваливаетъ арміи; повторялись напѣтые въ академіи разговоры о «подлой оборонѣ» и о томъ, что побѣждаетъ всегда наступающій; все это давно извѣстно, но слѣдуетъ знать также, что всякому овощу свое время, и что бываютъ такія обстоятельства, когда все спасеніе въ своевременномъ и разумно руководимомъ отступленіи и въ искусномъ примѣненіи всѣхъ выгодъ оборонительной войны.

Сейчасъ вся обстановка такова, что мы должны отходить, должны обороняться и выигрывать всячески время, нужное для приведенія въ порядокъ нашихъ частей.

Наступленіе же съ остатками армій, безъ резервовъ и укомплектованій — это полное безуміе, послѣдняя ставка зарвавшагося игрока.

Что Сахаровъ бубнитъ о наступленіи, это вполне понятно, ибо ему надо поправить свое положеніе, подорванное челябинской неудачей; по своей военной ограниченности онъ не въ состояніи даже разобраться, какъ слѣдуетъ, въ данномъ вопросѣ и оцѣнить возможность наступленія во всей его совокупности. У него, какъ у большинства нашихъ честолюбивыхъ выскочекъ, главную роль играетъ желаніе и собственное усмотрѣніе, а все остальное ломается и пригибается такъ, чтобы соответствовать требованіямъ

и хотѣніямъ воли, самодурства и фантазіи. Въ общемъ гибельное засиліе маниака, надъ которымъ нѣтъ контроля и удержа.

Пересѣли длинныя колонны обозовъ, двигающихся на востокъ; характеръ все тотъ-же, только кое гдѣ на повозкахъ очень много женщинъ и дѣтей.

Штабъ 2-й арміи расположенъ въ большомъ торговомъ селѣ Мокроусово; командующій 2-й арміей генералъ Лохвицкій произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе своимъ обстоятельнымъ и правдивымъ докладомъ о состояніи арміи.

Адмиралъ сразу же перешелъ на необходимость въ концѣ августа начать наступленіе. Лохвицкій очень тактично, съ разными подходами, безъ острыхъ угловъ, но обстоятельно и доказательно доложилъ, что недавно принятая имъ армія находится въ такомъ состояніи, что наступать не можетъ, хотя бы даже потому, что части войскъ во время отхода растеряли всѣ средства связи; ватѣмъ всѣ отдѣлы снабженія находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, усугубляемомъ тѣмъ, что 2 армія не базируется на желѣзную дорогу и принуждена жить подвозомъ по грунтовымъ дорогамъ, не имѣя организованныхъ колесныхъ транспортовъ.

Также умѣло доложилъ Лохвицкій и о подорванномъ нравственномъ состояніи арміи; вообще, это былъ правдивый докладъ настоящаго начальника, разобравшагося во всей обстановкѣ и не боящагося докладывать правду и собственное мнѣніе.

Состояніе тыла арміи дѣйствительно хаотично; при образованіи фронта самостоятельное снабженіе арміи было сначала уничтожено, а потомъ приказали его опять возстановить, и все это внесло неопишемую путаницу въ это сложное и скрипучее дѣло.

Старые кормильцы, хозяйственные хвосты дивизій и полковъ разорвались на кучки и находятся неизвѣстно гдѣ; многое улетѣло въ общемъ эвакуаціонномъ потокѣ въ Ново-Николаевскъ и Красноярскъ; правильная система снабженія изъ магазиновъ регулярнымъ кругооборотомъ обозовъ и транспортовъ не существуетъ.

Вечеромъ воспользовался благопріятной обстановкой, созданной докладомъ Лохвицкаго, и, стараясь всячески сдерживаться, началъ доказывать Адмиралу, что арміи еще не окрѣпли настолько, чтобы съ ними можно было рисковать на рѣшительное и длительное наступленіе.

Пришлось слѣдовать примѣру Лохвицкаго и идти послѣдовательными подступами, чтобы не дать Адмиралу сразу закинуться и прекратить разговоръ. Очень трудно говорить по такому деликатному и сложному вопросу съ морякомъ и касаться тонкостей и деталей сухопутной войны, да еще въ завѣдомо непріятномъ для собесѣдника направленіи.

Адмиралъ сразу закинулся и нервно сталъ выбрасывать доводы о необходимости наступленія, какъ спасенія отъ развала арміи, о невозможности обороны и пр. и пр.

Когда онъ выкипятился, я доложилъ ему свои подробныя соображенія о зависимости всякой операціи, — а тѣмъ болѣе наступательной, — отъ устройства тыла и обеспеченности снабженій; обрисовалъ маневренную, нравственную и техническую неготовность частей и выразилъ увѣренность, что части смогутъ начать наступленіе, но окажутся неспособными его развивать.

Закончилъ докладомъ, что временно надлежитъ отказаться отъ идеи наступленія и перейти временно къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ на Ишимѣ и даже на Иртышѣ.

На это Адмиралъ довольно холодно отвѣтилъ мнѣ, что Главнокомандующій фронтомъ и Командующій 3 арміей, отлично освѣдомленные о состояніи подчиненныхъ имъ арміи, настроены совершенно иначе и удостовѣряютъ, что къ сроку задуманнаго наступленія все будетъ готово въ исполнѣ удовлетворительной степени.

Опять выходило «сапожникъ, знай свои сапоги»; тѣмъ не менѣе, я повторилъ свои доводы о недопустимости при нашемъ положеніи риска и о томъ, что лучше потерять пространство, чѣмъ нашу послѣднюю живую силу.

24 Августа. Утромъ узнали, что вчера вечеромъ красные внезапнымъ налетомъ коннаго отряда захватили станцію Лебежью, съ которой только что убрали въ тылъ поѣзда Адмирала и Сахарова; очевидно, что красные узнали, что на станціи стоитъ штабъ арміи и рѣшили попробовать захватить столь цѣнный призъ.

Выяснилось также, что все 23 Августа лѣвый флангъ 3 арміи и ея штаба были совершенно обнажены, такъ какъ самая лѣвофланговая группа генерала Каппеля, слабая числомъ и вымотанная боями и переходами, потеряла способность удерживать фронтъ и, угрожаемая прорывомъ надвинувшихся красныхъ, откатилась на 30 верстъ на востокъ, оставивъ штабъ арміи ничѣмъ не прикрытымъ.

Съ занятіемъ Лебежьей штабъ 2 арміи и находящійся въ немъ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій очутились внѣ всякой связи съ сосѣдними штабами армій и со Ставкой.

Съ изумленіемъ пришлось узнать, что вся связь штаба 2 арміи шла черезъ станцію Лебежью, т. е. не назадъ, а вбокъ и даже немного впередъ.

Связи назадъ не было и всѣ просьбы начальника штаба арміи объ устройствѣ таковой разбивались объ упрямство начальника общаго отдѣла Ставки, который убивалъ всѣ техническія средства связи на подготовку какой-то весьма нелѣпой сѣти на случай наступленія.

Хорошо еще, что въ теченіе всей ночи красные не догадались перерѣзать желѣзнодорожные провода, въ которые были включены армейскія станціи и намъ удалось кое-что узнать и кое-что передать.

Не безъ труда удалось убѣдить Адмирала, что ему нельзя продолжать развѣзжать по частямъ 2 арміи, не имѣя никакой связи съ Омскомъ, и что надо переѣхать въ такой пунктъ, гдѣ бы онъ былъ связанъ и съ Омскомъ и со всѣми штабами армій.

Адмиралъ крайне разсерженъ на то, что неожиданный откатъ лѣваго фланга 3 арміи нарушилъ всѣ расчеты и всю идею «его» наступленія, и что теперь придется отнести назадъ линію развертыванія назначенныхъ для наступленія дивизій.

Я еще разъ воспользовался случаемъ и опять доложилъ Адмиралу, что надо повременить съ «его» идеей наступленія, такъ какъ случай съ группой Каппеля предупреждаетъ еще разъ, что всѣ предѣлы сопротивляемости частей перейдены, что нервы у нихъ перетянуты и что съ такими больными войсками невозможны никакія наступательныя операціи.

Наступленіе требуетъ спокойствія и большой выдержки войскъ; оно требуетъ большой нравственной устойчивости, ибо надо прорывать красные фронты и временами самимъ быть въ положеніи окруженныхъ. На все это надо смотрѣть съ точки зрѣнія взводовъ и ротъ, которые не видятъ и не учитываютъ того, что видятъ и учитываютъ штабы, и которые реагируютъ только на то, что видно ихъ глазамъ и слышно ихъ ушамъ.

Мнѣ было нелегко бороться съ сомнѣніями Адмирала; я для него тыловой человекъ, что то въ родѣ интенданта, и притомъ извѣстный брюзга, критикъ и пессимистъ. Онъ не можетъ учесть того, что за мной стоитъ опытъ на много большій, чѣмъ у Дитерихса, Сахарова и кучи фронтовыхъ генераловъ, взятыхъ вмѣстѣ; для него доклады Дитерихса и Сахарова непоколебимая правда, такъ подходящая къ его бурной натурѣ, возстающей противъ дождя неудачъ и жаждущей все это перевернуть на путь успѣха.

Послѣ часового разговора очень разстроенный Адмиралъ спросилъ меня, что же дѣлать, если не наступать; я доложилъ опять, что надо всѣ разстроенныя дивизіи отвести за Ишимъ, спѣшно отрекогносцировать и укрѣпить восточные берега и на укрѣпленныхъ позиціяхъ задержать красныхъ до тѣхъ поръ, пока мы не произведемъ необходимыя организаціонныя реформы, выправимъ настроеніе и снабженіе армій, наладимъ резервы и укомплектованія и, вообще, подготовимся къ настоящей наступательной операціи съ полной надеждой на успѣхъ. Я не хотѣлъ пугать Адмирала, высказывая свое мнѣніе, что эта готовность будетъ не ранѣе слѣдующей весны; мнѣ было необходимо только попытаться сломать, и прочно сломать, навязанную ему вѣру въ необходимость скорого наступленія.

Одновременно съ укрѣпленіемъ линіи Ишима надо продолжать отходъ фронтовыхъ дивизій къ этой линіи, избѣгая ежедневныхъ, изматывающихъ войска стычекъ, подъ прикрытіемъ арьергардовъ изъ болѣе стойкихъ частей.

По отходѣ за Ишимъ, занятый къ этому времени отдохнувшими частями, передовыя дивизіи составятъ резервы оборонительныхъ участковъ, что позволитъ имъ также от-

дохнуть. Одновременно надо использовать конницу, бросивъ ее глубокимъ набѣгомъ въ тылъ и на сообщенія красныхъ (очень жалко, что Каппель заболѣлъ дизентеріей, что снимаетъ его кандидатуру на командованіе конницей).

Въ концѣ бесѣды очень взволнованный Адмиралъ сказалъ мнѣ, что многое изъ сказаннаго мной кажется ему убѣдительнымъ, и онъ еще поговоритъ съ Сахаровымъ и пересмотритъ уже принятое рѣшеніе по поводу наступленія.

Переговоры съ Сахаровымъ грозятъ свести на нѣтъ всѣ мои усилія.

Первый ударъ успѣху моего доклада былъ нанесенъ пріѣхавшимъ къ Адмиралу начальникомъ конной группы генераломъ Волковымъ, настроеннымъ очень воинственно и сразу поднявшимъ наступательныя тенденціи Адмирала. Уже тутъ я понялъ, что моя борьба проиграна и что наступленія мнѣ не остановить.

Послѣ обѣда понеслись на станцію Макушино, но нашего поѣзда тамъ не нашли, т. к. ввиду угрожаемаго положенія этой станціи его отправили на станцію Пѣтухово; тутъ же узнали, что группа Каппеля продолжаетъ катиться назадъ и вмѣсто нея экстренно выдвинута на лѣвый флангъ Ижевская дивизія.

На станцію Пѣтухово къ Адмиралу явился Сахаровъ; сначала онъ былъ очень смущенъ, докладывая объ откатѣ своего лѣваго фланга, но скоро оправился и сдѣлался хозяиномъ положенія. Въ частности доложилъ, что изъ подслушаннаго на линіи разговора между красными штабами, стало извѣстнымъ, что налетъ на Лебежью былъ произведенъ отрядомъ извѣстнаго Уральскаго партизана Катирина, хотѣвшаго захватить штабъ 3-й арміи; какъ человѣка — я пожалѣлъ бы Сахарова, если бы его захватили красные, но былъ бы доволенъ, если бы этотъ горе-полководецъ исчезъ съ нашего стратегическаго горизонта.

Подъ вліяніемъ Сахарова и общаго шторма, вызваннаго переводомъ поѣзда на станцію Пѣтухово, Адмиралъ быстро вернулся къ своему наступательному настроенію и продолжалъ злиться на красныхъ и на группу Каппеля за то, что нажимъ первыхъ и отказъ второй сорвалъ весь его планъ наступленія и все надо наново передѣлывать.

Рѣшено вернуться въ Омскъ; моя поѣздка съ адмираломъ кончилась довольно быстро; оптимистическихъ впечатлѣній изъ нея я не вынесъ; зато убѣдился, что эти поѣздки совершенно бесполезны для дѣла; потревоженные въ своемъ обиходѣ штабы и войска смотрятъ на нихъ косо и даже недружелюбно, искренности намѣреній Адмирала и его стремленія раздѣлить общія тяготы и всячески помочь никто не знаетъ и не оцѣниваетъ; подарки и награды, имъ разсыпаемые, потеряли силу и скоро забываются; но зато крѣпко учитываются и не забываются случайные штормы, разносы, задержка желѣзно-дорожнаго движенія, мотаніе частей на смотры и т. п.

У Царской власти эти минусы кое какъ покрывались традиціями, ну а новой апплике все это ставится въ счетъ.

25 Августа. Свита Адмирала позволяетъ себѣ дѣлать очень печальныя для авторитета власти распоряженія; сегодня утромъ остановили оба эшелона адмиральскаго поѣзда на забитомъ развѣздѣ только потому, что иначе Адмиралъ не успѣетъ побриться до прихода поѣзда на станцію Петропавловскъ.

Адмиралъ этого и не подозревалъ, а между тѣмъ это на 1½ часа задержало всю эвакуацію заваленнаго эшелонами и грузами Макутинскаго узла.

На станціи Петропавловскъ встрѣтилъ помощника начальника снабженій Южной Арміи полковника Михайлова, присланнаго сюда наладить подвозъ снабженія для этой арміи.

Былъ пораженъ присылкой столь вялаго и глупаго агента, неспособнаго разобраться въ самыхъ простыхъ вещахъ; онъ умудрился, на примѣръ, заполнить весь первый, съ великимъ трудомъ налаженный нами колесный транспортъ 48-линейными бомбами и не послалъ медикаменты, перевязки, дезинфекціонныя средства и теплое бѣлье, т. е. то, что нужно арміи въ первую голову; 48-линейныхъ гаубицъ въ арміи всего пять, и навѣрное ихъ уже бросили во время отступленія.

Въ Петропавловскѣ Адмиралъ выслушалъ доклады начальника резервной группы генерала Косьмина о состояніи пяти дивизій (по численности равныхъ батальонамъ)

третьей армии, стоящихъ здѣсь на отдыхѣ. Юный генералъ несомнѣнно желалъ угодить въ тонъ Адмиралу и бойко докладывалъ, что, если ему дадутъ то-то и то-то, то къ началу Сентября или «немножко позже» всѣ его части будутъ готовы къ наступленію.

Въ своемъ молодомъ задорѣ и увѣренности Косьминъ былъ, по всей вѣроятности, даже искрененъ и вѣрилъ въ осуществимость того, что докладывалъ; въ его служебномъ багажѣ такъ мало опыта, да и то, что есть — самага мелкаго масштаба; онъ не представляетъ себѣ даже, что такое значить полная готовность части для продолжительнаго и напряженнаго наступленія; онъ считаетъ, что достаточно приказать наступать и самому идти впереди, а остальное приложится; онъ не учитываетъ — и въ своемъ задорѣ и не желаетъ даже учитывать, что сейчасъ совсѣмъ уже не тѣ времена и не та обстановка, при которыхъ онъ и его соратники годъ тому назадъ гнали неустроенныя красныя орды.

Я задалъ ему и бывшимъ съ нимъ командирамъ рядъ вопросовъ о состояніи подчиненныхъ частей и изъ полученныхъ отвѣтовъ убѣдился, что онѣ въ такомъ же состояніи какъ и то, что находится въ боевой линіи, и вся разница только въ томъ, что онѣ немного отдохнули. Оказалось, что пополненія только что прибыли или еще ожидаются; что со снабженіемъ еще не разобрались и солдаты по прежнему раздѣты и разуты; что къ полевымъ занятіямъ еще не приступили, такъ какъ все время занимались устройствомъ на временныхъ стоянкахъ и отдыхали; что часть прибывающихъ пополненій еще не стрѣляла изъ винтовокъ; что обозы — это такіе же подвижные таборы-склады, какіе я видѣлъ при объѣздѣ фронта; что колесныхъ транспортовъ для организациі подвоза не имѣется; что техническія средства связи, шанцевый инструментъ, значительная часть пулеметовъ погеряны при отходѣ и только что получаютъ, но не въ такомъ размѣрѣ, чтобы обезпечить длительное наступленіе (ослабленіе контроля и служебной добросовѣстности привело теперь къ тому, что размотанный на линіи телефонный кабель очень часто бросается, а телефоны, инструментъ и пр. не ремонтируются, снашиваются и выбрасываются).

Я убѣдился, что то, что Косьминъ считаетъ воинскими частями, представляетъ собой совершенно сырыя кучи людей, имѣющихъ внѣшній обликъ солдатъ, но лишенныхъ внутренней спайки и спеціальной подготовки. Да иначе и быть не могло; наши вундеркинды никакъ не могутъ учесть той разницы, которая внесена въ нашъ обиходъ отсутствіемъ у насъ старыхъ и опытныхъ кадровъ; они живутъ прежними привычками, когда эти кадры въ нѣсколько недѣль переваривали приходящія къ нимъ укомплектованія и своими боевыми и моральными качествами руководили и вели за собой остальной молодой составъ части.

Теперь все это отошло въ область прошлаго и съ этимъ надо считаться, особенно же, если вы желаете предъявить къ войскамъ (нынѣ уже спеціфически милиціоннаго характера, да еще съ прибавкой насильственныхъ мобилизацій) требованіе длительного и напряженнаго наступленія. Вѣдь, послѣднее требуетъ опытнаго командованія, знающихъ и втянутыхъ въ войну кадровъ, обученнаго состава, прочности моральнаго состоянія, удовлетворительнаго, хотя бы, снабженія и сносной подготовки войскового и армейскаго тыла.

Ничего этого у насъ нѣтъ, а мы пыжимся начинать рѣшительное наступленіе. Мы базируемся на числѣ «штыковъ», а ихъ то у насъ, въ настоящемъ боевомъ значеніи этого слова, — и нѣтъ.

Ставка гонитъ сюда все, что только можно собрать въ тылу по части пополненій; нѣсколько такихъ эшелоновъ стояло здѣсь на станціи и я ихъ обошелъ; народъ все здоровый и по внѣшнему облику довольно симпатичный; одѣты въ новое обмундированіе, но не имѣютъ снабженія, необходимаго для похода (его нѣтъ и въ частяхъ); срокъ обученія въ тыловыхъ частяхъ колеблется между 2 и 11 днями, причемъ занятія сводились, главнымъ образомъ, къ словесности, отданію чести, гимнастикѣ и маршировкѣ; многіе не видали еще винтовки, а стрѣляли только одиночные люди изъ застрявшихъ почему-либо въ этихъ частяхъ на болѣе долгіе сроки.

Судя по внѣшнему виду, изъ этихъ укомплектованій можно сдѣлать хорошихъ солдатъ, но для этого надо нѣсколько недѣль усердной работы опытныхъ и добросовѣстныхъ руководителей; примѣръ этому можно видѣть въ Омскѣ по результатамъ работы нашего владивостокца Волкова и его офицеровъ.

Адмиралъ опять полонъ наступательными тенденціями и приказываетъ всячески торопить снабженіе; доложилъ, что все, что было, отдано на фронтъ или захвачено Ивановымъ-Риновымъ, но что того, что выслано и сдано войсковымъ пріемщикамъ, достаточно для снабженія нашихъ армій; надо только расшевелить армейскія снабженія, такъ какъ изъ доклада коменданта станціи я знаю что вещевые эшелоны стоятъ по недѣлямъ безъ разгрузки.

Изъ бесѣды съ командирами частей убѣдился, что, несмотря на многочисленныя штабы и безчисленныя освѣдомленія, войска сидятъ въ полной темнотѣ по части всего, что дѣлается въ тылу, въ странѣ, въ Правительствѣ и т. п. (Только отъ меня узнали, на-примѣръ, о новыхъ окладахъ пенсій). Настроеніе къ союзникамъ довольно недружелюбное, такъ какъ извѣрились въ ихъ реальную помощь, болѣзненно желательную, потому что всѣ истомились, истрепались, сознаютъ всю трудность положенія и жаждутъ облегченія и помощи.

Петропавловскъ и станціи къ востоку отъ него загромаждены хвостами Челябинской эвакуаціи; преобладаютъ штабныя и тыловыя команды и учрежденія; особенно много разныхъ спеціальныхъ командъ, обильно расплодившихся у насъ на нѣмецкомъ фронтѣ, и очень усердно возстанавливаемыхъ нашими штабами по мѣрѣ ихъ распуханія.

Ставка не сумѣла ввести это во время въ организаціонныя рамки и сдержать появленіе этихъ командъ явочнымъ порядкомъ; въ результатъ то, что полагалось только въ армейскихъ организаціяхъ, появилось въ дивизіяхъ и даже ниже; для войскъ это было очень удобно, такъ какъ прибавило имъ независимость техническую и снабжательную; это и объясняло, почему у насъ были въ Сибирской арміи штабы дивизій, въ которыхъ числилось 120—125 офицеровъ и чиновниковъ (т. е. десятерной штатъ противъ нормального).

Въ обгоняемыхъ эшелонахъ мало воинскаго, но много обывательскаго, изъ вагоновъ выглядываютъ коровы; подъ вагонами особыя приспособленія для домашней птицы; всюду обиліе женскаго пола и дѣтей.

Вотъ, куда надо прислать весьма энергичную комиссію, которая немедленно бы отправилась въ глубокій тылъ все небоевое и ликвидировала всѣ экзотическія тыловыя команды, обративъ ихъ на укомплектованіе спеціальныхъ фронтовыхъ командъ.

26 Августа. Вернулись въ Омскъ; настроеніе скверное, ибо узналъ и увидѣлъ, что предполагаемое и извѣстное изъ разсказовъ и донесеній оказалось реальнымъ и угрожающимъ; исчезла послѣдняя иллюзія, что я до сихъ поръ ошибался въ своихъ мрачныхъ мысляхъ и что общее положеніе еще не такъ плохо, какъ мнѣ казалось изъ моего Омскаго далека.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ состоялся очередной докладъ генерала Андогскаго о положеніи фронта; опять самыя розовыя краски, утвержденіе въ полномъ «оздоровленіи» армій (наши академики всегда любятъ муслить и всюду налѣплять какое-нибудь модное выраженіе) и обѣщанія скорого наступленія.

Послѣ доклада Пепеляевъ спросилъ мое впечатлѣніе отъ поѣздки на фронтъ; отвѣтилъ, что діаметрально противоположное взглядамъ генерала Андогскаго.

Былъ вызванъ къ Адмиралу, гдѣ засталъ Дитерихса и только что прибывшаго изъ Франціи генерала Головина. Адмиралъ предложилъ мнѣ вступить въ исполненіе обязанностей Наштаверха и Военнаго Министра до тѣхъ поръ, пока Головинъ не ознакомится съ положеніемъ дѣлъ и сможетъ принять эти должности.

Предложеніе было очень неожиданное; отвѣтилъ, что по моему убѣжденію нѣтъ такого человѣка, который могъ бы одновременно нести такія разнородныя по сущности и колоссальныя по объему работы и ея значенію должности; поэтому, прежде всего, надо ихъ разъединить и возстановить нормальную и здоровую систему высшаго военнаго Управленія.

Головинъ меня поддержалъ, напомнивъ Адмиралу, что таковъ же былъ и его докладъ по этому вопросу. Затѣмъ, я доложилъ Адмиралу, что мои взгляды на положеніе фронта и веденіе операцій настолько расходятся съ существующими, твердо установившимися и проводимыми въ жизнь всѣми старшими начальниками (понимая его, Сахарова, Иванова-

Ринова и, повидимому, Дитерихса), что я не считаю себя въ правѣ принять исполненіе обязанностей наштаверха, безсильнаго все это измѣнить. Если же моя работа нужна, то прошу оставить меня при Управленіи Военнымъ Министерствомъ при условіи непосредственнаго подчиненія Адмиралу, какъ Верховному Правителю, и предоставленія мнѣ самостоятельности въ проведеніи программы, которую я ему представляю.

Порывистый Адмиралъ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу недавней реформы Ставки и Министерства и приказалъ все вернуть въ прежнее положеніе. Доложилъ ему, что при данной обстановкѣ новая и спѣшная ломка внесетъ новый развалъ въ наше Управленіе и что при его одобреніи я и генералъ Головинъ сдѣлаемъ это постепенно, по мѣрѣ надобности.

Въ концѣ концовъ, Адмиралъ рѣшилъ, что, до вступленія Головина въ должность Наштаверха, эти обязанности останутся на Дитерихсѣ, а я буду назначенъ Военнымъ Министромъ съ правомъ постепеннаго восстановленія всего нарушеннаго Лебедевской реформой.

Былъ у Андогскаго, который является теперь оперативнымъ руководителемъ Ставки, и сообщилъ ему свои печальныя впечатлѣнія, вывезенныя изъ поѣздки на фронтъ; высказалъ ему, что, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба и достаточно опытный организационный и боевой начальникъ, считаю обязаннымъ заявить ему, какъ руководителю военныхъ операций, что армія къ наступательнымъ операциямъ не готова; нуждается въ коренной реорганизациіи, и годныхъ для боя пополненій; сейчасъ, единственный исходъ — это укрѣпленіе линіи Ишима (если уже не поздно) и даже Иртыша, отводъ туда всего кромѣ арьергардовъ и конницы и выигрышь драгоцѣннаго для насъ времени всѣми способами.

Надо смотрѣть на идею наступленія глазами опытныхъ военныхъ спеціалистовъ, а не тѣхъ юнцовъ, для которыхъ все кажется такимъ простымъ и возможнымъ; мы не можемъ не понимать, что при настоящемъ положеніи арміи, тыла и снабженій никакое наступленіе — въ его разумномъ, оперативномъ смыслѣ — невозможно; это должно быть понятно уже всякому молодому офицеру генеральнаго штаба, познавшему что такое подготовка, планъ и исполненіе всякой военной операціи и выполнившему свою третью академическую тему. Для насъ же, имѣющихъ за плечами много лѣтъ практики, это является непреложной истиной.

Разсказалъ ему свой разговоръ съ Адмираломъ, обрисовалъ вліяніе Сахарова и просилъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, ибо другихъ способовъ у меня уже нѣтъ; просилъ отбросить предубѣжденіе противъ приписываемаго мнѣ пессимизма и обратить вниманіе на мои слова и мое безпокойство.

Андогскій слушалъ меня внимательно, какъ будто забеспокоился и обѣщалъ разобраться во всемъ ему сообщенномъ.

Временами я совершенно изнемогаю въ этой борьбѣ; иду на эти разговоры и убѣжденія, какъ какой-то проситель или въ чемъ нибудь виноватый, ибо чувствую, что многіе смотрятъ на меня какъ на маниака или брюзгу, наслаждающагося въ разведеніи мрачныхъ красокъ. Никто не понимаетъ, до чего мнѣ хочется ошибаться въ моихъ выводахъ или же имѣть право быть полнымъ радостныхъ надеждъ и увѣренности. Не мой пессимизмъ, а весь ужасъ того, что кругомъ дѣлается, приводитъ къ тому, что «нѣтъ пѣсенъ у меня веселыхъ».

Я не претендую на непогрѣшимость и прошу только не отмахиваться отъ моихъ словъ, а внимательно въ нихъ разобраться. То, что я говорю о подготовкѣ наступательной операціи, о качествахъ пополненій, объ отсутствіи умѣнья управлять боемъ и маневрировать, о бѣдности снабженій, о неготовности обова и тыла и вообще объ отсутствіи матерьяльныхъ и моральныхъ качествъ и запасовъ, необходимыхъ для серьезной, длительной и послѣдней (ибо при неуспѣхѣ — смерть) нашей операціи, — все это подлежитъ подсчету, учету, разсмотрѣнію и оцѣнкѣ.

Я только и хочу, чтобы тѣ, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы Россіи, арміи и насъ грѣшныхъ, — заглянули за ту черту, на которую я указываю.

Непріятно смотрѣть на висящую въ моемъ кабинетѣ огромную карту, на которой завѣдывающій сводками офицеръ наноситъ красными точками пункты и районы возстаній въ нашемъ тылу; эта сыпь дѣлается все гуще и гуще, а вмѣстѣ съ тѣмъ все слабѣе становится надежда справиться съ этой болѣзью.

Говорилъ на эту тему съ Пепеляевымъ; онъ очень озабоченъ затрудненіями по части организаціи отрядовъ особаго назначенія и не скрываетъ, что нравственный уровень ихъ личнаго состава очень невысокій; все лучшее забрано фронтомъ и центральными управленіями.

Пепеляевъ составилъ себѣ очень хорошій, но очень запоздалый планъ объѣзда наиболѣе важныхъ областей Сибири для того, чтобы на мѣстѣ, путемъ непосредственнаго общенія съ населеніемъ, выяснитъ причины недовольства и возстаній и мѣры, необходимыя для успокоенія края; по его свѣдѣніямъ главными заправилами всѣхъ возстаній являются новоселы, преимущественно Столыпинскіе аграрники, плохо устроившіеся въ Сибири и мечтающіе о томъ, какъ бы пограбить богатое старожильческое население Сибири, достатокъ котораго разжигаетъ ихъ большевистскіе аппетиты.

Вкладывать персты въ раны дѣло хорошее, но надо было заняться этимъ еще зимой. Теперь заниматься діагнозомъ столь очевидной болѣзни уже поздно.

Наконецъ-то Совѣтъ Министровъ разсмотрѣлъ возмутительное дѣло Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, которое, наравнѣ съ дѣломъ Зефирова, бросило много грязи на репутацію Омскаго Правительства.

Про Зефирова говорятъ, что виноватъ не онъ, а его докладчики и его неопытность; но тогда надо это выяснитъ и покарать виновныхъ; пока же этого не сдѣлано, надъ властью виситъ приукрашенное сплетнями и провокаціею густое обывательское обвиненіе Правительства въ томъ, что его бывший министръ приобрѣлъ огромную партію чая по четверной цѣнѣ, нанесъ казнѣ убытки въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, — и что Правительство все это покрываетъ.

Засѣданіе Совѣта Министровъ было очень жаркое, было произнесено не мало рѣчей противъ назначенія Сенатской ревизіи всей дѣятельности военно-промышленнаго комитета, какъ того требовало заключеніе докладчика А. М. Окорокова, весьма рельефно обрисовавшаго всѣ злоупотребленія и служебныя преступленія, допущенныя въ этомъ комитетѣ.

Защищать всю эту мерзость по существу было невозможно; поэтому базировались преимущественно на томъ, что Комитетъ привлекъ первую слѣдственную комиссію профессора Лебедева къ отвѣтственности за клевету и надо подождать разбора этого дѣла въ судѣ; кое гдѣ проскальзывали скверныя нотки на тему о желательности поменьше раздувать это дѣло, такъ какъ сіе можетъ отразиться на репутаціи правительственныхъ круговъ.

Поставленный на голосованіе вопросъ о назначенія Сенаторской ревизіи принятъ подавляющимъ большинствомъ; послѣ этого защитники комитета пытались внести поправку, что ревизія назначается по просьбѣ самого комитета, но эта поправка Совѣтомъ отвергнута.

Идя домой, удивлялся столь страусовой политикѣ, каковой придерживалась до сихъ поръ та кучка людей, которая помыкала и Правительствомъ, и Верховной властью; неужели же судьба монархіи и все послѣдующее ничему не научила (даже по части сохраненія собственнаго положенія и благополучія)!

27 Августа. Состоялось мое назначеніе на должность Военнаго Министра съ подчиненіемъ прямо Верховному Правителю; просилъ Адмирала смотрѣть на меня, какъ на временнаго замѣстителя, такъ какъ здоровье мое совсѣмъ плохо и я могу скоро совсѣмъ свалиться.

Фронтъ продолжаетъ ползти назадъ; настроеніе въ Омскѣ, несмотря на всѣ казачьи завыванія, за послѣдніе дни сильно сдало; дутый подъемъ начала Августа начинаетъ падать и смѣняться растерянностью и пессимизмомъ; тяга на востокъ дѣлается все сильнѣе, такъ какъ «служебныя и коммерческія дѣла» того требуютъ; много охотниковъ получать

равныя командировки въ восточномъ направленіи для разрѣшенія накопившихся тамъ вопросовъ.

Отбыли на Дальній Востокъ и далѣе къ Деникину недавно пріѣхавшіе оттуда генералы Лебедевъ 2-й и Нагаевъ; первый — набирать служащихъ, а второй — для еще болѣе анекдотическаго порученія — провести сюда черезъ Закаспій и Туркестанъ дивизію изъ уроженцевъ Сибири, которую онъ собирается сформировать у Деникина.

Для послѣдней цѣли экстренно ассигновано около 80 милліоновъ рублей романовскими и керенками.

Кредитъ этотъ проведенъ черезъ Совѣтъ Министровъ уже постфактумъ; впервые я не выдержалъ и, отбросивъ всѣ приличія, высказалъ Совѣту свой взглядъ на такія командировки; высказалъ свое негодованіе по адресу Ставки и авторовъ этого нелѣпаго и невыполнимаго проекта, ибо они, какъ офицеры Генеральнаго Штаба, не могутъ не знать исторіи нашихъ Туркестанскихъ походовъ и всѣхъ исключительныхъ условій движенія и военныхъ дѣйствій въ тѣхъ краяхъ; сказалъ, что только высокое мѣсто, въ коемъ я присутствую, удерживаетъ меня отъ того, чтобы назвать все это дѣло и его авторовъ тѣмъ названіемъ, котораго они заслуживаютъ.

Тѣмъ не менѣе ассигнованіе было утверждено и два превосходительныхъ гастролера, отряся Омскій прахъ съ своихъ ногъ и получивъ 2000 фунтовъ стерлинговъ на расходы, плюсъ обобранные изъ всѣхъ казначействъ десятки милліоновъ романовскихъ, изволили отбыть обратно на югъ.

Былъ у Головина; изложилъ ему общую характеристику Омскихъ персонажей и общаго положенія, высказалъ свой взглядъ на состояніе армій, фронта и тыла, сугубо подчеркнувъ опасность наступленія, вымотанность и нервность войскъ, неготовность пополненій и общее паденіе чувства долга, работоспособности и добросовѣстности.

Въ общемъ положеніи указалъ на невозможность работать сейчасъ порядками мирнаго времени и во всероссійскомъ масштабѣ, какъ то дѣлаетъ Правительство; надо облегчить, но въ то же время усилить аппаратъ власти; во многомъ нужна рѣшительная децентрализація, а во многомъ, наоборотъ, централизація, равная, быть можетъ, диктатурѣ.

Высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что у Адмирала должно быть два помощника: по военной и по гражданской части, которые должны быть при немъ постоянно и безъ которыхъ никто не можетъ ничего докладывать Адмиралу; помощникъ по военной части долженъ быть наштаверхомъ въ самомъ широкомъ военномъ значеніи этого слова, а помощникъ по гражданской части — чѣмъ то въ родѣ канцлера.

Одновременно надо провести широкую децентрализацію мѣстнаго управленія съ привлеченіемъ туда мѣстныхъ выборныхъ представителей.

Бесѣда съ Головинымъ оставила самое хорошее впечатлѣніе. Дай Богъ, чтобы онъ пріобрѣлъ довѣріе Адмирала и сдѣлался его руководителемъ; вѣдь, онъ не случайный выкидышъ революціонной фортуны, а человекъ съ большимъ и многостороннимъ опытомъ, привыкшій работать въ большомъ масштабѣ.

28 Августа. Утопаю въ морѣ бумаги; погибаю въ безчисленныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ; временами устаю до полнаго выдыха и маразма. Очередной вопросъ для осуществленія — это возстановленіе разрушенной системы воспитанія дѣтей военно-служащихъ и государственныхъ чиновниковъ; сейчасъ, при общей разрухѣ, надо возстановить интернаты и полуинтернаты, внести новую, живую струю въ ихъ жизнь и ученье, и помочь всѣмъ служащимъ въ главномъ, что ихъ беспокоитъ, то есть въ призрѣніи, воспитаніи и обученіи дѣтей.

Все это надо сдѣлать подальше отъ фронта, на Дальнемъ Востокѣ и въ Иркутскѣ. Былъ вновь обозленъ начальствомъ военныхъ округовъ, которое на мой запросъ, какъ это все осуществить, отвѣтило донесеніемъ о трудности и даже невыполнимости предложенныхъ имъ мѣръ.

Даю все, что надо: право, деньги и вагоны для подвоза матерьяловъ, а взамѣнъ прошу побезпокоиться, подумать и сдѣлать все, что только возможно, но все время натыкаюсь на непонятныя для меня равнодушіе и лѣнь.

Вечеръ просидѣлъ въ засѣданіи Гос. Эк. Совѣщанія, увязшаго въ раскапываніи санитарныхъ безпорядковъ и въ дебатахъ по поводу разныхъ проектовъ организаціи высшаго санитарнаго управленія. Всѣ проекты больны тѣмъ, что ищутъ исхода въ коренной перестройкѣ всей системы въ то время, когда всѣ бѣды кроются въ недостаточности личнаго состава и въ недостаткахъ людей исполнителей. Какой смыслъ ломать и надстраивать системы, если останемся съ тѣми же людьми тѣхъ же качествъ.

Въ своемъ докладѣ Совѣщанію я обрисовалъ все положеніе нашего санитарнаго дѣла и всѣ его устранимые и неустрашимые недостатки; указалъ на причины наличныхъ безпорядковъ и на способы ихъ устраненія, подчеркнувъ, что главная бѣда въ нашей слабости по части медицинскаго, фельдшерскаго и санитарнаго персонала и въ отсутствіи должнаго хозяйственнаго, санитарнаго и медицинскаго порядка въ нашихъ врачебныхъ заведеніяхъ. Надо всѣмъ подтянуться; надо преслѣдовать лѣнь и недобросовѣстность; надо привлечь къ черной работѣ въ больницахъ тѣхъ, кто кейфуетъ въ тылу. Если это возможно, то большинство главныхъ бѣдъ пройдутъ сами собой; если же нравственное и служебное оздоровленіе невозможно, то намъ не помогутъ никакія реформы въ системѣ управленія.

Заниматься реформами теперь не время и ни къ чему; у насъ есть положеніе о полевомъ управленіи войскъ, основанное на нашихъ законахъ и организаціи; надо его выучить, имъ руководствоваться и не измышлять ничего новаго; всю же реформаціонную и оздоровительную силу надо направить на усиленіе личнаго состава и на улучшеніе его работы.

Много кричатъ о плохомъ уходѣ, но никто не идетъ въ санитары и сидѣлки, хотя тылъ переполненъ здоровыми балбесами и безработными женщинами; еще больше говорятъ о грязномъ и рваномъ бѣльѣ, но я не слышалъ, чтобы гдѣ-нибудь образовался добровольный кружокъ, который взялъ бы на себя мойку и починку бѣлья. Я какъ-то указалъ начальнику санитарно-эвакуаціонной части на недопустимость возить раненыхъ на двуколкахъ безъ подстилки и узналъ при этомъ, что все затрудненіе въ томъ, что кто-то не можетъ купить соломы по предѣльной цѣнѣ для нея установленной; сего контрольнаго буквоѣдства оказалось достаточнымъ, чтобы сложить ручки и таскать искалѣченныхъ раненыхъ по Омскимъ ухабамъ.

Я видѣлъ, какъ ночью везли раненыхъ, не выславъ для нихъ ни одѣялъ, ни шинелей, и они тряслись отъ холода; при разслѣдованіи оказалось, что эшелоны прибыли ночью и не хотѣли безпокоить то лицо, кое обявано было выдать и послать одѣяла и шинели.

Будь это въ моемъ подчиненіи, я сумѣлъ бы со всѣмъ этимъ справиться, ибо все сіе зависитъ отъ недостатковъ исполнителей, а не самой системы.

Мы обязаны и можемъ дать нашимъ раненымъ и больнымъ помѣщеніе, койки, бѣлье, пищу и хорошій уходъ; конкурировать по внѣшности съ американцами и чехами мы не въ состояніи, но этого и не надо.

Кавкази продолжаютъ опустошать всѣ наши склады; Ивановъ-Риновъ завелъ особыхъ вынохивателей, которые изслѣдуютъ всѣ склады и эшелоны; по ихъ указаніямъ онъ получаетъ разрѣшительные приказы Адмирала и путаетъ всѣ расчеты Главнаго Интенданта; послѣдняго, буквально, разрываютъ на части присланные съ фронта пріемщики и ходатаи; каждый считаетъ себя самъ первоочереднымъ и при малѣйшей задержкѣ пытается пробраться съ жалобой къ Адмиралу; если это ему удастся, то на бѣднаго Сторожева сыпятся адмиральскіе громы. Напрасно прошу установить какую-нибудь систему распределенія нашихъ скромныхъ запасовъ, ибо мы не такъ богаты, чтобы продолжать то, что привело насъ къ раздѣтой арміи и полному хаосу въ снабженіи.

Всюду появились равныя добровольческія формированія и суетящіеся около нихъ формирователи; все это гарантируетъ немедленное спасеніе отечества, требуя взаимныя миллионныя ассигнованія и тысячи комплектовъ всякаго снабженія.

Чѣмъ сложнѣе и опаснѣе обстановка, тѣмъ больше нервности и сумбура. Главные распорядители не способны взять себя и другихъ въ руки, цукнуть на все смятенное и мятущееся, заставить всѣхъ успокоиться и понять, что намъ болѣе, чѣмъ когда-либо, вало хлалнокровіе. выдержка и система въ работѣ.

Въ этомъ отношеніи Дитерихсъ много лучше другихъ; онъ наружно спокоенъ, методиченъ и пытается внести всюду систему; но вато онъ совершенно не умѣетъ рассортировать работу, хочетъ все знать и самъ дѣлать; онъ занятъ чуть ли не 20 часовъ въ сутки и принимаетъ доклады до 2 часовъ ночи; самъ онъ уже переутомленъ, а для большой работы такая централизація ничего, кромѣ вреда, не приноситъ.

Я самъ страдаю до извѣстной степени перегрузкой себя работою, но дѣлаю это только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ нѣтъ исполнителей или гдѣ некогда уже учить и исправлять.

29 Августа. Проектеры и спасатели не даютъ покоя; сначала они лѣзутъ къ Адмиралу, въ Ставку, къ предсѣдателю Совѣта Министровъ; оттуда ихъ присылаютъ ко мнѣ, и я обязанъ ихъ выслушивать; иначе на Военное Министерство обрушатся упреки, что оно не пожелало выслушать того чудодѣя, у котораго всамодѣльный рецептъ для сокрушительнаго разгрома краснаго врага и блистательнаго, какъ $2 \times 2 = 4$, спасенія родины.

Одинъ изъ такихъ очень модныхъ проектеровъ — генералъ Голицынъ, взгромоздившійся уже въ званіе инспектора всѣхъ добровольческихъ формированій; сей недавній капитанъ перебивалъ на фронтѣ во всѣхъ арміяхъ, отовсюду почему то изгонялся, вояжировалъ на Дальній Востокъ, вернувшись откуда вовгласилъ, что все спасеніе въ добровольцахъ и что чуть ли не всѣ желаютъ спасти отечество, но для этого нужна организація, а во главѣ ея инспекторъ.

Явившись ко мнѣ, сей очередной Калиостро прежде всего заявилъ, что его чуть ли не силой привлекли на эту должность; онъ знаетъ мое нерасположеніе къ предпринимателямъ своего типа и поэтому забѣжалъ впередъ. Затѣмъ послѣдовала передача распоряженія Адмирала о немедленномъ ассигнованіи новому инспектору десяти милліоновъ рублей; затѣмъ появился присланный мнѣ на заключеніе докладъ объ утвержденіи огромнѣйшихъ штатовъ по управленію инспектора.

Я сказалъ Голицыну, что деньги ему будутъ ассигнованы, а что касается штатовъ, то я передамъ ихъ въ Военное Совѣщаніе; свое же заключеніе дамъ только черезъ нѣсколько времени въ зависимости отъ успѣха работы и отъ скорости и числа отправленныхъ на фронтъ добровольческихъ организацій; добавилъ, что въ успѣхъ послѣднихъ не вѣрю, ибо все желающее добровольно служить давно это дѣлаетъ; теперь же, если и соберутъ нѣсколько сотъ, а, можетъ быть, и тысячъ человѣкъ, то это будутъ добровольцы по неволѣ, отъ голода, безработицы или ради исканія приключеній; такія формирования для насъ бесполезны и на нихъ мы фронта не выправимъ. Посулами, завываніями и дутымъ подъемомъ не двинуть на подвигъ тѣхъ, для коихъ собственное спокойствіе и безопасность выше всего на свѣтѣ.

Инспекторъ морщился, но доложилъ, что имъ уже получены свѣдѣнія, что всюду добровольцы записываются массаами; на это ему отвѣтилъ, что я слишкомъ старая штабная крыса, чтобы придавать вѣру такимъ свѣдѣніямъ.

Мнѣ самому хотѣлось бы вѣрить въ возможность добровольческаго подъема, но для этого нѣтъ никакихъ основаній; всѣ источники добровольчества — офицеры, ихъ сыновья, кое кто изъ идейной интеллигенціи, старые солдаты — все это сильно потрепано во время большой войны и еще болѣе пострадало въ борьбѣ за освобожденіе родины отъ красной погани. Эти добровольцы пошли на свой крестный подвигъ безъ приглашеній и завываній, безъ пособій и сроковъ.

Они сбросили съ Сибири красное ярмо; они бились съ Алексѣевымъ и Корниловымъ; они бьются и у Деникина, и на нашемъ фронтѣ; но они вычерпаны до дна и нѣтъ новыхъ кадровъ имъ на помощь; больше ихъ не будетъ; не найдешь ихъ даже и въ средѣ теперешней молодежи, въ былыя времена экзальтированной и способной ради идеи идти на подвигъ, а теперь въ большинствѣ или дрябло соглашательской, или хулигански огарочной, но всегда минималистической по части подвига и работы, и максималистической по шкурничеству, внутренней трусости и требованіямъ.

Но къ добровольческой рекламѣ уже присосалась масса паразитовъ; они уже начали бить въ свои бубны, фабриковать освободительную шумиху и разводить самыя розовыя перспективы. Скоро лопнетъ и этотъ пузырь, прибавивъ еще одно новое разочарованіе

къ длинной ихъ цѣпи. На подвигъ идутъ тѣ, кто способны служить идеѣ ради нея самой; за деньги это не покупается, отъ рѣчей не зарождается и отъ молебновъ не распространяется. Рожденные ползать — летать не будутъ.

Условія добровольческаго найма составлены очень неумѣло; злые языки считаютъ, что это сдѣлано нарочно, чтобы получить сразу большую запись и оправдать свои трескучія обѣщанія; по этимъ условіямъ обязательный срокъ найма 6 мѣсяцевъ, и нанимающіеся получаютъ въ полную собственность полное обмундированіе и комплектъ зимней одежды; черезъ 6 мѣсяцевъ они получаютъ 5 тысячъ рублей преміи. Считаютъ, что среди городской гольтыбы найдется не мало ловкачей, которые учтутъ, что зимой войны не будетъ, а къ веснѣ можно будетъ получить расчетъ; перспектива же имѣть всю зиму помѣщеніе и довольствіе и уйти имѣя 5 тысячъ рублей плюсъ все обмундированіе — это такая перспектива, изъ за которой стоитъ потерпѣть нѣсколько мѣсяцевъ казарменной муштры.

30 *Августа*. Имѣлъ длинную бесѣду съ Головинымъ; доказывалъ ему необходимость принять исключительныя мѣры по реорганизаціи фронта и по сокращенію штабовъ и тыловъ. Мы представляемъ колоссальное туловище, пухлое и безсильное съ маленькими руками. Достаточно укавать, что на красной сторонѣ противъ насъ работаетъ одинъ штабъ арміи, состоящей изъ 3—4 дивизій и 2—3 конныхъ бригадъ; на нашей сторонѣ штабъ Главнокомандующаго, пять армейскихъ штабовъ, одиннадцать штабовъ корпусныхъ группъ и, кажется, тридцать пять штабовъ дивизій и отдѣльныхъ бригадъ.

Думается, что комментаріи къ этимъ цифрамъ излишни; думается также, что не справившись съ этимъ штабнымъ зломъ, мы будемъ безсильны сдѣлать вообще что-либо путное.

Головинъ мнѣ сообщилъ, что, по докладу Дитерихса, рѣшено создать въ тылу должности инспекторовъ пополненій и формированія стратегическаго резерва Дальняго Востока, съ изытіемъ тыловыхъ округовъ изъ подчиненія Военному Министру и передачей ихъ въ распоряженіе Главнокомандующаго фронтомъ. Вся эта комбинація проведена Хрещатицкимъ, провалившимся на разныхъ комбинаціяхъ создать себѣ разныя синекуры, но успѣвшимъ на этомъ послѣднемъ проектѣ.

Все это проведено помимо меня и зная, что я съ этимъ не согласенъ. Совершенно не понимаю, для чего же было меня тогда удерживать и просить остаться. Просилъ Бурлина (Дитерихсъ уѣхалъ на фронтъ) доложить Адмиралу, что, пока я Военный Министръ, я не соглашусь на проведеніе такого проекта, который ломаетъ всѣ основы военного управленія, вноситъ многовластіе и сумбуръ въ нашъ расхлябанный тылъ и нуженъ только для матерьяльнаго благополучія нѣсколькихъ авантюристовъ; я не могу допустить, чтобы такія реформы, сугубо вредныя для всего нашего дѣла, проводились ради личныхъ выгодъ господина Хрещатицкаго, только и мечтающаго о томъ, какъ бы устроить для себя какую-нибудь синекуру и удрать на Дальній Востокъ.

Все это я считаю вредной глупостью и молчать больше не намѣренъ; поэтому навываю проектъ даже мягче того, чего онъ заслуживаетъ, и прошу доложить это Адмиралу.

Бурлинъ отвѣтилъ, что онъ со мной совершенно согласенъ, но что проектъ этотъ проведенъ Дитерихсомъ и одобренъ Адмираломъ, причемъ все приказано провести ускореннымъ темпомъ, такъ какъ авторы убѣдили Адмирала, что здѣсь залогъ будущаго спасенія; основаніемъ для доклада положили, что фронтъ не вѣритъ тылу и что поэтому во главѣ всѣхъ пополненій должны стоять извѣстные фронту люди, пользующіеся тамъ авторитетомъ, а все должно быть объединено въ рукахъ Главнокомандующаго.

Опять повторяется та-же исторія, что недостатки людей сваливаются на вину недостатковъ системы.

Если фронтъ считаетъ, что, положимъ, я и генералы Матковскій, Артемьевъ и Розановъ неспособны подготовить для него укомплектованія, то ничто не мѣшаетъ Адмиралу удалить всѣхъ насъ съ нашихъ должностей, назначивъ туда такихъ людей, которые, по мнѣнію Дитерихса и фронта, заслуживаютъ ихъ довѣрія и болѣе на это способны.

Вмѣсто этого, дѣлается какой-то абсурдъ: всѣ негодные остаются на своихъ мѣстахъ, сохраняютъ всѣ обязанности, несутъ всю черную работу и отвѣтственность, но въ ихъ

районахъ появляются посторонніе и автономные органы, имъ не подчиненные и осъенные всѣми благословеніями и полномочіями фронта.

Для исполненія своихъ обязанностей эти органы принуждены будутъ узурпировать всѣ права командующихъ войсками, отобрать у нихъ помѣщенія, склады и запасы, обративъ старшихъ тыловыхъ начальниковъ въ какіе-то обмылки власти, существующіе только для того, чтобы разбивать объ ихъ голову всѣ горшки и сваливать на нихъ всѣ грѣхи, промахи, протори и убытки.

Просиль Бурлина, ѣдущаго съ докладомъ, доложить Адмиралу мои соображенія и мою просьбу одновременно съ утвержденіемъ приказа о новой реформѣ подписать приказъ объ увольненіи меня отъ должности Военнаго Министра, такъ какъ при такой обстановкѣ работать я не могу и не умѣю.

Вѣдь, только въ Омскомъ болотѣ, въ этой кашѣ безволія и личныхъ честолюбій возможны такія неожиданности. То меня просятъ занимать сразу должности Наштаверха и Военнаго Министра; то уговариваютъ оставаться на посту Военнаго Министра, обѣщая полную поддержку и довѣріе, а черезъ два дня проводятъ приказъ, совершенно разрушающій все управление тыломъ и завѣдомо для меня неприемлемый.

Нужно быть пошлой флюгаркой или жалко цѣпляться за свое положеніе, чтобы оставаться послѣ всего этого на своемъ посту.

31 Августа. Вернулся домой очень повдно, такъ какъ вечеромъ состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ съ участіемъ Адмирала; выяснилось, что казачья конференція, дѣлавшаяся въ послѣднее время все наглѣе и наглѣе, явилась къ Адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрѣпивъ себя чисто казачьимъ правительствомъ и оперевшись преимущественно на казаковъ. Сначала создалось очень острое положеніе, смягченное затѣмъ вмѣшательствомъ соединенныхъ общественныхъ организацій; въ результатъ всѣ требованія свелись къ необходимости сокращенія министерствъ, упрощенія и ускоренія правительственной работы и созыва совѣщательнаго собранія. Требования эти заявлены казачьей конференціей и всѣми группами Гос. Экон. Совѣщанія, т. е. представителями внушительной и наиболѣе государственной части населенія.

Я лично согласенъ со всѣми этими заявленіями, но боюсь, что положеніе фронта и возстанія въ тылу дѣлаютъ ихъ очень запоздалыми.

Обращаясь къ Совѣту Министровъ, Верховный правитель высказалъ свое неудовольствіе по поводу разногласицы въ мнѣніяхъ членовъ Совѣта по многимъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ; онъ подчеркнул, что недопустимо, чтобы рѣшеніе принималось большинствомъ одного голоса и перевѣсомъ голоса предсѣдателя.

Сказалъ онъ очень рѣзко, затѣмъ сообщил о неудовлетворительномъ настроеніи и состояніи арміи, объяснивъ это, довольно для меня неожиданно, тѣмъ, что армія пропитана большевизмомъ.

Государственный контролеръ просиль Адмирала передать Совѣту Министровъ, какія именно требованія были заявлены ему казачьей конференціей, такъ какъ объ этомъ ходятъ по городу разные слухи и версіи.

Адмиралъ, не давая отвѣта по существу, указалъ только, что онъ отвѣтилъ казакамъ, что сейчасъ уже не время производить какія-нибудь реформы и перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, такъ какъ это можетъ отразиться на «настроеніи арміи».

Опять откуда-то навязанная идея, ибо арміи совершенно не интересуются Совѣтомъ Министровъ и не всѣ даже офицеры знаютъ фамилію нашего предсѣдателя; фамиліи же министровъ извѣстны только немногимъ; кромѣ того я увѣренъ, что всякая перемѣна въ составѣ Совѣта будетъ встрѣчена съ удовольствіемъ и съ надеждой на что-нибудь лучшее; надежда на новаго барина, который «пріѣдетъ и разсудитъ», — явленіе широко всероссійское.

Очевидно, что это подсказано Адмиралу тѣми, кто хочетъ забронировать теперешній совѣтъ министровъ; если это сдѣлано искренно и убѣжденно, то показываетъ глупость и негосударственность совѣтчиковъ; если же сдѣлано ради эгоизма, то показываетъ ихъ подлость.

Послѣ отъѣзда Адмирала засѣданіе продолжалось и было посвящено томительнымъ дискуссіямъ, какъ осуществить высказанныя Адмираломъ пожеланія.

1 Сентября. Несмотря ни на что, на фронтѣ началось наступленіе. Дитерихсъ взялъ на себя великую отвѣтственность и поставилъ на карту послѣдніе сибирскіе ресурсы бѣлой идеи.

Я видѣлъ его у Головина передъ самымъ его отъѣздомъ на фронтъ и повторилъ ему тотъ же вопросъ, который задалъ при первомъ съ нимъ разговорѣ по поводу наступленія: «а что же будетъ, если наступленіе не удастся?»

И онъ опять повторилъ, что тогда «придется раздѣлиться на партизанскіе отряды и вновь начать то-же, что было въ 1918 году.»

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этого Главнокомандующаго, такъ легко и просто рѣшавшаго судьбу Россіи и арміи, и рѣшавшаго ее легкомысленно и ложно; ибо теперь уже не 1918, а осень 1919 года, и вся обстановка рѣзко измѣнилась не въ нашу пользу; теперь для насъ бѣлыхъ уже немыслима партизанская война, ибо населеніе не за насъ, а противъ насъ; немыслима она и потому, что на Сибирь надвигается регулярная красная сила и идутъ красные комиссары, уже специализировавшіеся на подавленіи нашихъ бѣлыхъ возстаній. Гдѣ-же мы найдемъ оружіе, патроны и пр. и пр.?

Вспомнилъ, какимъ архичехомъ и руссофобомъ былъ генераль Дитерихсъ во Владивостокѣ; вспомнилъ разсказъ генерала Розанова, о томъ, какъ, во время очень тяжелаго положенія нашихъ войскъ на Уралѣ въ 1918 году, тогдашній Главковерхъ Болдыревъ просилъ командовавшаго чешскими войсками генерала Дитерихса помочь нашему фронту и взывалъ къ его, какъ русскаго генерала, чувствую, но получилъ отказъ, добавленный словами что, «онъ былъ русскимъ генераломъ, а сейчасъ онъ чехъ».

При такой легкости въ перемѣнѣ направленія въ священнѣйшихъ понятіяхъ и обязанностяхъ человѣка и солдата, мало мудренаго въ томъ, что такой человѣкъ способенъ такъ легко смотрѣть на возможныя послѣдствія отъ начатой имъ операціи.

Какъ генераль Генеральнаго штаба, занимавшій высонія должности — до наштаверха большой Ставки включительно, онъ не можетъ не понимать, что все наступленіе построено на авоську и даже при успѣхѣ дастъ только частичное удовлетвореніе, ибо развить успѣхъ намъ нечѣмъ.

Я сталъ излагать Головину свое несогласіе съ возможностью вести партизанскую войну, но Дитерихсъ отговорился неотложными дѣлами и уѣхалъ.

По свѣдѣніямъ Ставки наступленіе наше на фронтѣ 3-й арміи развивается успѣшно; но иначе и быть не могло, ибо красные этого не ожидали, и теперь всякое такое наступленіе будетъ успѣшно.

Всюду кричатъ: «Громъ побѣды раздавайся»; уныніе смѣнилось неумѣренной радостью; уральскіе бѣженцы собираются уже домой.

Увѣряютъ, что и 1-я армія перешла въ наступленіе и нанесла краснымъ рѣшительное пораженіе. Дай Богъ, чтобы все это было вѣрнымъ, а главное, чтобы у красныхъ не оказалось достаточно резервовъ, чтобы самимъ перейти въ наступленіе, котораго наши слабыя и разорванныя по фронту войска не выдержатъ. Главная же надежда на конницу и на то, что командованіе ею Иванова-Ринова не испортитъ дѣла; на искусство И. Р., какъ кавалерійскаго начальника, разсчитывать не приходится, и вся надежда на его честолюбіе и жажду воинской славы. Сейчасъ передъ нимъ путь къ этой славѣ открытъ; если конный корпусъ глубоко врѣжется въ красные тылы, порветъ ихъ сообщенія и связь и разгромитъ комиссарскіе штабы, то Сибирская кампанія 1919 года нами выиграна и передъ нами вся осень, зима и весна для военныхъ и правительственныхъ реформъ.

Несомнѣнно, что отъ коннаго корпуса зависитъ успѣхъ всей операціи, т. к. пѣхота, по слабости своего состава, не можетъ развить широкаго по фронту наступленія и не въ состояніи долго питать это наступленіе резервами и пополненіями; по схемѣ Дитерихса у него около 11 дивизій числится въ резервѣ, но по численности штыковъ всѣ онѣ равны одной настоящей дивизіи

Въ городѣ говорятъ, что въ казачьемъ бумѣ уже начались прорѣхи, и что въ одиннадцати южныхъ станицахъ казаки отказались выступить на сборные пункты подѣ предложеньемъ, что послѣ ихъ ухода крестьяне разгромятъ ихъ семьи.

На фронтѣ два молодыхъ казачьихъ полка конной группы генерала Волкова уже отказались исполнить боевой приказъ; ихъ отвели въ тылъ и послали стариковъ ихъ укорять и уговаривать; увѣряютъ, что полки раскаялись, но уже самая возможность такихъ явленій очень знаменательна.

Но сейчасъ отъ казаковъ зависитъ вся судьба нашего наступленія и я готовъ все имъ простить и отдать имъ еще по нѣскольکو комплектовъ снаряженія, если они принесутъ намъ переломъ фронтоваго положенія.

2 Сентября. Былъ съ докладомъ у Адмирала; доложилъ ему свой взглядъ на образование въ тылу автономныхъ инспекцій, подчиненныхъ только Дитерихсу, и на назначеніе на столь отвѣтственные посты такихъ бездѣльныхъ авантюристовъ, какъ Хрещатицкій; одновременно повторилъ просьбу освободить меня отъ управленія Военнымъ Министерствомъ, каковое мной принято въ надеждѣ полного его возстановленія и полныхъ мнѣ довѣрія и поддержки.

Прошло всего нѣскольکو дней и Министерство еще болѣе разрушается новыми и вредными реформами; довѣріе же проявляется тѣмъ, что такія реформы проводятся внѣ моего вѣдома и зная, что я съ ними рѣзко несогласенъ.

Адмиралъ заштормовалъ и наговорилъ мнѣ порядочно рѣзкостей; я все выслушалъ, но заявилъ, что все мной сказанное доложено ему по долгу службы и совѣсти; личного я ничего не преслѣдую и думаю только объ интересахъ того дѣла, которому мы всѣ служимъ.

Разъ я удостоенъ назначенія Военнымъ Министромъ, то этимъ на меня возложена тяжелая задача и отвѣтственность; выполнить первую и принять на себя вторую, я могу только при полномъ довѣрії и при предоставленіи мнѣ данной мнѣ закономъ власти. Я готовъ нести всю полноту отвѣтственности, но при условіи полученія полноты власти.

Если я и командующіе войсками въ округахъ не пользуются довѣріемъ фронта, то вамѣните насъ фронтовыми начальниками, но не ломайте системы; пусть Дитерихсъ выберетъ по своему усмотрѣнію кандидатовъ на мое мѣсто и на должности командующихъ войсками въ округахъ, и мы съ радостью уступимъ имъ наши мѣста.

Доложилъ, что я могу остаться только при исполненіи указанныхъ мной условій; въ противномъ случаѣ очень прошу послать меня на фронтъ въ распоряженіе генерала Лохвицкаго, гдѣ я смогу принести еще какую-нибудь пользу.

Относительно же защиты Адмираломъ личныхъ качествъ Хрещатицкаго, рекомендовалъ Адмиралу потребовать изъ Ставки присланное Владивостокской контръ-развѣдкой письмо сидящаго въ Японіи авантюриста очень низкой марки — генерала Потапова, въ которомъ тотъ сообщаетъ дорогому Борису Ростиславовичу (имя и отчество Х.), что принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы Адмиралъ полетѣлъ кувыркомъ и чтобы всѣ попытки къ признанію Омской власти окончились неудачей. Конечно, не всему, сообщаемому контръ-развѣдкой, надо вѣрить, но въ данномъ случаѣ она личностью Х. спеціально не занимается, и это письмо заслуживало бы извѣстнаго освѣщенія.

Адмиралъ сразу смягчился, но просилъ поговорить обо всемъ съ Дитерихсомъ, т. е. послѣдній очень убѣдительно просилъ утвердить представленный проектъ; добавилъ, что ему, Адмиралу, совершенно все равно, какъ будетъ организовано управленіе пополненіями, лишь бы конечные результаты были успѣшные и лишь бы работа шла хорошо и гладко.

Мнѣ было очень непріятно припираться къ стѣнѣ этого безпомощнаго ребенка и говорить ему тяжелыя для него вещи, но иного исхода не было.

Я не могу спокойно допустить новаго развала тыла; я убѣжденно считаю, что, если судьба намъ подаритъ зиму 1920 года, то тогда весь успѣхъ весенней кампаніи будетъ зависѣть отъ качества подготовленныхъ за это время резервовъ и пополненій и отъ тѣхъ реформъ, которыя будутъ произведены въ самихъ арміяхъ; успѣхъ же подготовки резервовъ и пополненій невозможенъ, разъ въ тылу будутъ сидѣть разномастные и разной

подчиненности начальники и притомъ одни — по законамъ фронта, а другіе — по законамъ тыла.

Вечеромъ скучнѣйшее засѣданіе Совѣта Министровъ. Все кругомъ трещить, а мы занимаемся пустячками самаго вермишельнаго характера. Хладнокровіе, спокойствіе и отсутствіе суетливости, конечно, хороши, но ихъ то у насъ и нѣтъ; цѣну же времени всегда надо знать.

Видѣлъ казачій проектъ переустройства власти: наверху Верховный Правитель съ двумя помощниками по военной и по гражданской части; дальше совѣщательный органъ — государственное совѣщаніе; казакамъ даруется полная автономія. Проектъ весьма приемлемый, за исключеніемъ казачьей автономіи, очень опасной для остального неказачьяго населенія Сибири.

Судя по той сводкѣ, которую видѣлъ въ Ставкѣ наше наступленіе не удалось; сначала красные ошалѣли и все шло для насъ очень удачно, но сейчасъ они оправились, перешли въ контръ-наступленіе на нашемъ правомъ флангѣ и нажимаютъ на Пепеляева; очевидно, свѣдѣнія развѣдки о выдыхѣ красныхъ оказались неправдой.

Одурь беретъ отъ своего безсилія: фронту нужны свѣдущіе и опытные военные юристы, которыхъ много въ тыловыхъ округахъ, но которыхъ никакъ не вытащишь на фронтъ; въ одномъ Харбинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ русскихъ войскъ, прочно окопались три судейскихъ полковника и упорно не исполняютъ приказа прибыть въ Омскъ. Хорватъ ихъ прикрываетъ подъ предлогомъ нужды въ военныхъ юристахъ.

Дитерихсъ увѣряетъ, что результаты наступленія обнаружатся только черезъ двѣ недѣли; думаю, что это очень опасное заблужденіе: при данной обстановкѣ намъ нужны были молниеносные результаты, ибо наши войска неспособны на длительное напряженіе въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требуетъ наступательный маневръ большого масштаба и рѣшительнаго характера. Боюсь, что ошибся въ своей прежней оцѣнкѣ Дитерихса, считая, что онъ долженъ знать состояніе фронта; видимо, это знаніе наружное, по поверхности, безъ умѣнія оцѣнить многое по его значенію и безъ тѣхъ коэффиціентовъ, которые только и опредѣляютъ истинное боевое значеніе частей.

Боюсь, что и для него дивизіи — это только номера и шашки, ибо только при такомъ отношеніи возможно рассчитывать на длительное развитіе чрезвычайно трудной операціи; онъ не хочетъ или не умѣетъ учесть огромнаго значенія душевной усталости и вымотанности войскъ даже въ той части ихъ состава, которая служить только идеѣ и ведетъ за собой остальныхъ. Успѣхъ операціи рассчитанъ на использованіи для перваго удара Ижевской дивизіи; но, вѣдь, она единственная по своему составу; все остальное, быть можетъ, и способно на первый порывъ, но не больше, а если наткнется на сильное сопротивленіе или, чего Боже упаси, красные перейдутъ въ контръ-наступленіе, то все можетъ кончиться катастрофой.

По прежнему — рѣшительный успѣхъ зависитъ только отъ дѣйствія коннаго корпуса.

При докладѣ Совѣту Министровъ весьма оптимистической оперативной сводки, Андогскій весьма внушительно перечислялъ многочисленныя дивизіи резерва. Но развѣ это дивизіи? это еле слѣпленные кучи частью очень уставшихъ, частью очень сырыхъ солдатъ, не способныя къ полевому, маневренному бою, лишеныя внутренней спайки, не желающія больше воевать, страдать и терпѣть. Лучшій офицерскій составъ, несущій на себѣ всѣ физическія и нравственныя тяготы ужасной по обстановкѣ гражданской войны, безумно усталъ и извѣрился въ возможность полученія откуда нибудь смѣны и отдыха; сырые же, малодисциплинированные, по специальности безграмотные и душевно надтреснутые ряды остального офицерства мало чѣмъ лучше солдатъ; они тоже способны на временный порывъ, но не больше; дальше же опять отрицательная реакція, новая порція потери вѣры въ успѣхъ и новый, уже неудержимый, откатъ на востокъ.

Если смотрѣть на нашу операцію по картѣ, считая размѣченныя на ней булавки за настоящія и прочныя войсковыя части, то не можетъ быть сомнѣнія въ полномъ разгромѣ красныхъ. Этотъ миражъ туманитъ головы нашихъ командныхъ верховъ и грозитъ намъ тяжелыми послѣдствіями. Чѣмъ больше будутъ продолжать насиловать арміи при этомъ наступленіи, тѣмъ грознѣе будетъ переломъ.

Вотъ, если конный корпусъ выполнить свою задачу, и вгрызется, какъ слѣдуетъ, въ красные тылы, то тогда многія части сдѣлаются способными для энергичнаго преслѣдованія и ихъ надо поберечь до этого времени.

Андогскій съ профессорскимъ видомъ разглагольствуетъ о присущей нашимъ войскамъ маневренности, что де проявлено ими подъ Челябинскомъ. Печальное заблужденіе господина профессора, видѣвшаго войну только изъ кабинетовъ большихъ штабовъ и привыкшаго копошиться въ теоріи и жить въ атмосферѣ трескучихъ фразъ; этому уже совершенно не дано знать боевыхъ коэффициентовъ войскъ; ему не дано понимать, что не можетъ быть маневренности въ сырыхъ милиціонныхъ, не духомъ поднятыхъ на брань толпахъ, руководимыхъ малосвѣдущимъ по специальности команднымъ составомъ; ему не дано знать, что наша старая кадровая армія была очень слаба по части маневренности, ибо 25-лѣтняя практика большихъ и показныхъ маневровъ вбила въ нашу военную психологію боязнь обходовъ и прорывовъ, коимъ, на этихъ экзаменахъ для большого начальства, придавали рѣшающее значеніе; ему не дано знать, что на настоящій маневръ, да еще наступательный, у насъ были способны только рѣдкія, на перечетъ, дивизіи, счастливыя тѣмъ, что въ предвоенный періодъ имѣли удачный подборъ талантливыхъ и идейно работавшихъ надъ боевой подготовкой своихъ частей командировъ. Но и тогда это были рѣдкіе зубры; какіе же могутъ быть разговоры о маневренности теперь, при настоящемъ составѣ нашей арміи.

Нѣтъ даже утѣшенія въ томъ, что и красные не въ лучшемъ, чѣмъ мы, положеніи. Конечно, и у нихъ все очень сѣро и лохмато, но за всѣмъ этимъ стоитъ безжалостность комиссарскихъ пулеметовъ и ни передъ чѣмъ не останавливающаяся рѣшительность коммунистическихъ ядеръ, повелѣвающихъ кучами такихъ же насильно собранныхъ парней; да и парни эти обучены много лучше нашего и скрѣплены наличіемъ старыхъ, прошедшихъ всю большую войну, солдатъ.

3 Сентября. По просьбѣ Адмирала Головинъ пригласилъ къ себѣ меня и Дитерихса для выработки соглашенія по организаціи военнаго управленія въ тылу.

Ничего изъ этого не вышло, такъ какъ Дитерихсъ уперся на своемъ. Я предлагалъ всевозможныя уступки, но просилъ только не ломать послѣднихъ остатковъ нашей системы. Я предлагалъ назначить Военнаго Министра и командующихъ войсками въ тыловыхъ округахъ по выбору самого Дитерихса съ тѣмъ, чтобы они проводили тамъ программу, разработанную Главнокомандующимъ и предписанную къ исполненію Верховнымъ Правителемъ.

Я предлагалъ назначить къ Военному Министру и командующимъ войсками особыхъ помощниковъ по организаціонной части, избранныхъ тоже Главнокомандующимъ и работающихъ по особой программѣ, утвержденной Адмираломъ. Предлагалъ, наконецъ, углубить армейскіе районы хотя-бы до Енисея и Байкала и назначить Главнаго начальника тыла, подчиненнаго Главнокомандующему; просилъ только избѣгать недопустимаго двоевластія со всѣми его сумбурными послѣдствіями. Не соглашался только на какое-либо отвѣтственное назначеніе Хрещатицкаго, служебныя и нравственныя качества коего мнѣ достаточно извѣстны.

Соглашался при нынѣ существующей системѣ принять къ безпрекословному исполненію всѣ директивы и общія инструкціи по подготовкѣ резервовъ и пополненій, которыя составитъ фронтъ и утвердить Адмиралъ, при условіи, что самое исполненіе будетъ предоставлено Военному Министру и командующимъ войсками въ округахъ.

Головинъ вполне одобрилъ всѣ мои уступки, но Дитерихсъ уперся на своемъ; твердилъ, что фронтъ не вѣрять тылу и что все дѣло подготовки должно быть въ его рукахъ; было очевидно, что онъ не желаетъ даже вникать въ сущность дѣлаемыхъ ему предложеній. Въ концѣ концовъ, онъ съ пренебрежительнымъ видомъ бросилъ фразу: «еще разъ вижу, что русскіе генералы умѣютъ только ссориться» и, воспользовавшись пріѣздомъ къ Головину генерала Жанена, уѣхалъ.

Я просилъ Головина доложить Адмиралу всѣ мои предложенія и удостовѣрить, что въ моемъ противодѣйствіи проекту Дитерихса нѣтъ ничего личнаго и что, напротивъ, я жертвую всѣмъ личнымъ и соглашаюсь на всѣ допустимыя по сущности дѣла уступки,

но отстаиваю невыблемость системы и организаціи; по длительному и многостороннему опыту знаю, къ чему приводила и приводитъ эта дезорганизація, подъ какими соусами бы ее ни преподносили, и до тѣхъ поръ, пока несу на себѣ отвѣтственность Военнаго министра, буду всѣми силами бороться противъ всякихъ дезорганизаціонныхъ проектовъ, столь обильно рождаемыхъ въ нашей больной обстановкѣ. Вновь и вновь повторяю, что все дѣло сейчасъ въ людяхъ, а не въ перестройкахъ и надстройкахъ нашей организаціонной системы.

Адмиралъ долженъ знать, что я служу не ради честолюбія, а потому, что мнѣ заявляютъ, что моя служба нужна; я готовъ продолжать нести свои обязанности только при условіи полнаго довѣрія и согласія съ моими основными принципами; подчиняться фантазіямъ Дитерихса и потакать личнымъ интересамъ Хрещатицкаго я не хочу и не буду. Я общаю, — а даромъ и впустую я никогда этого не дѣлалъ, — что сумѣю смыть всю грязь ненависти и предубѣжденія, которую сплетня и нивость разныхъ ставочныхъ и фронтовыхъ вундеркиндовъ и хундкиндовъ вывалили на репутацію Военнаго Министерства, покрывая этимъ свое собственное ничтожное убожество и свои грѣхи.

Работы я не боюсь; грѣхи и недостатки Министерства знаю; знаю также, что какъ ни рѣдки ряды хорошихъ и добросовѣстныхъ работниковъ, все же можно поставить настоящихъ людей на настоящія мѣста и достаточно удовлетворительно справиться съ предстоящими намъ задачами.

Это не бахвальство, а результатъ обслѣдованій, обдумываній и подсчета. Я смотрю на должность Военнаго Министра, какъ на подвигъ, какъ на принятіе тяжелаго креста и какъ на послѣднюю службу своей родинѣ и своему народу; иду на нее по глубокому, сознательному чувству долга и увѣренности, что сумѣю выполнить эти обязанности; поэтому то считаю себя въ правѣ требовать, чтобы съ моими мнѣніями считались, тѣмъ болѣе, что я вѣдь не лѣзу въ политику, не лѣзу въ чужія дѣла, а требую только довѣрія и полноты власти въ специфическихъ, узкихъ рамкахъ своихъ обязанностей.

Просиль доложить, что если мои условія неприемлемы, то прошу указаній, кому передать исполненіе должности Военнаго Министра, и назначенія на фронтъ.

При дебатахъ по поводу кандидатуры Хрещатицкаго, Дитерихсъ повторилъ самимъ же Х. сфабрикованную и распространяемую сказку, что его назначенія требуютъ японцы и въ самой ультимативной формѣ, угрожая, при неисполненіи, прекратить намъ отпускъ вооруженія и снабженія.

Отвѣтилъ, что въ эту сказку не вѣрю и что все это выдуманно и размазано самимъ Х., не останавливающимся ни передъ чѣмъ для самоустройства; было бы нелѣпо, если бы японское правительство ставило на одну доску такія несоразмѣримыя вещи, какъ оказаніе или неокказаніе намъ помощи и назначеніе или неназначеніе какого-то очень пронырливаго и надоедливаго, но безразличнаго для Японіи генерала. Абсурдно это и потому, что все получаемое изъ Японіи идетъ къ намъ не по японской милости, а оплачивается въ золотой валютѣ. Я прошу запросить офиціально японскую миссію и увѣренъ, что она выразитъ недоумѣніе по поводу сочиняемой Хрещатицкимъ сказки. Я уже запрашивалъ по этому поводу Владивостокъ и получилъ отъ Розанова телеграмму, въ которой тотъ сообщаетъ, что начальникъ японской миссіи отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, никакого особаго инспектора на Дальнемъ Востокѣ не надо и что они не считаютъ себя въ правѣ мѣшаться въ назначенія нашего личнаго состава.

На мою просьбу провѣрить происхожденіе присланнаго Владивостокской контрразвѣдкой письма генерала Потапова на имя какого-то «дорогого Бориса Ростиславовича», Дитерихсъ отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что это «апокрифъ или провокація».

Въ Ставкѣ увѣряютъ, что Дитерихсъ, Хрещатицкій и Ко. задумали подъ видомъ стратегическаго резерва возстановить гвардейскій корпусъ, какъ основаніе будущаго монархическаго переворота; поэтому то всѣ назначенія въ этотъ резервъ дѣлаются изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ.

При желаніи сварить жирныя щи изъ стараго топора въ выдумкахъ не стѣсняются.

Для чешско-русского хамелеона новый монархический вольте не представляет ничего особенного; въ Кіевѣ онъ именовалъ себя республиканцемъ, а въ Сибири сталъ монархистомъ.

Вечеромъ былъ на прощальномъ обѣдѣ у японскаго генерала Такаянаги, который въ частной бесѣдѣ заявилъ, что уважаетъ въ Владивостокъ для доклада Главнокомандующему японскими войсками о положеніи дѣлъ на фронтѣ и въ Омскѣ и о необходимости оказать намъ болѣе реальную помощь, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Тяжелое положеніе Омска дѣлаетъ Семеновщину все болѣе и болѣе наглою; мой судный отдѣлъ и канцелярія комитета по охраненію законности (предсѣдатель Министръ юстиціи) наполнены жалобами на грабежи и насилія, чинимые Семеновскими агентами; китайскій консулъ жалуется на постоянные случаи ограбленія китайскихъ купцовъ при осмотрѣ ихъ чинами контръ-развѣдки на станціи Даурія; американскій консулъ заявилъ многомилліонный искъ отъ фирмы Вульфсонъ за захваченные Семеновымъ два вагона цѣнной пушнины. Телеграфирую, прошу Сыроболярскаго повліять на Читу, но все бесполезно; такія язвы выжигаются только каленымъ желѣзомъ.

Изъ Владивостока прислана краткая сводка дѣятельности Хорвата; очень характерно, какъ самъ Верховный Уполномоченный и его ближайшій антуражъ разобрали себя свободныя земли Посыетскаго района; самому Хорвату отведенъ кусъ въ восемнадцать тысячъ десятинъ земли, одному изъ дѣятелей дальневосточнаго комитета Тетюкову — въ двѣнадцать тысячъ десятинъ, остальному антуражу по важности и по способности.

Къ сожалѣнію, это не выдумки контръ-развѣдки новаго состава, опорочивающей старыхъ владыкъ, ибо подтверждено документами и оффиціальными справками.

И такіе-то люди брали на себя святую и чистую задачу спасенія родины, ея оздоровленія и вывода на новую дорогу. Неужели же въ ихъ голову не забрели мысли о томъ, какое великое зло они творять, рельефно показывая населенію, что за люди стали ко власти; неужели они не понимали, что никто не повѣритъ соусу о важности разведенія въ краѣ племенного скота и о томъ, что сія важная задача подъ руку только Хорвату, Тетюкову и иже съ ними.

Послѣднее, быть можетъ, и вѣрно, но время ли заниматься такими, вызывающими сомнѣнія, нареканія и сплетни, операціями; вѣдь, не тѣ времена, когда всѣмъ предрешающимъ было плевать и на общественное мнѣніе и на настроеніе всего населенія. По истинѣ «ничему новому не научились и ничего стараго не забыли».

4 Сентября. Просилъ Головина еще разъ поговорить съ Адмираломъ объ освобожденіи меня отъ должности; атмосфера несогласія между мной и Дитерихсомъ начинаетъ распространяться на дѣловыя отношенія между Ставкой и Министерствомъ; низы нахохлились и повторяются времена ссоры Лебедева и Степанова. Устранить это приказами нельзя, ибо оно въ психологіи служащихъ топорщится за свое и за своихъ; между тѣмъ, это совершенно не допустимо.

Разъ Дитерихсу довѣренъ фронтъ и Ставка, то очевидно, ему врученъ максимумъ адмиральскаго довѣрія, а поэтому его взгляды и рѣшенія должны надъ всѣмъ превалировать; въ силу этого соображенія меня надо убрать, замѣстивъ такимъ лицомъ, которое было бы солидарно съ его взглядами.

Оперативная сводка гласитъ, что на фронтѣ развиваются упорные бои; терминъ «упорные» мнѣ очень не нравится, такъ какъ показываетъ, что первый ударъ нашъ не былъ потрясающимъ, и что красные оказались способными на «упорное» сопротивленіе, т. е. то, что не входило въ расчеты Ставки.

Дитерихсъ очень бережно, но безостановочно вводитъ въ дѣло свои резервы; съ этой точки зрѣнія онъ руководитъ операціей очень спокойно и умѣло; скверно только то, что всѣ эти резервы совсѣмъ не то, что подраумѣвается подъ прикрывающими ихъ номерами дивизій.

Еще хуже то, что сводка сообщаетъ, что мѣстами обнаруживается переходъ красныхъ въ контръ-наступленіе.

Тѣмъ не менѣе, впечатлительный Омскъ ожилъ и подбодрился; мѣстные языкоблуды раскудахтались во всю и разносятъ сообщенія о рѣшительныхъ побѣдахъ и разгромѣ красныхъ.

Въ Ставкѣ опереточные (замѣняетъ «оперативные») вундеркинды насмѣшливо на меня поглядываютъ; особенно проникновенно, съ величавымъ спокойствіемъ геніальнаго проворливца смотритъ на меня Андогскій; нѣ сомнѣваюсь, что все сообщенное ему мной по возвращеніи изъ поѣздки на фронтъ отнесено имъ на счетъ моего «остраго пессимизма» и «паничности».

Дай Богъ, чтобы всѣ они были правы, а я оказался старымъ дуракомъ, пессимистомъ и выжившимъ изъ ума паникомъ, ничего не понимающимъ въ военномъ дѣлѣ и въ оцѣнкѣ обстановки, событій и лицъ.

Ужасно то, что непонятный для многихъ скрытый языкъ фронтowych донесеній говорить мнѣ слишкомъ много сквернаго; откинувъ шумиху трескучихъ фразъ о тяжелыхъ потеряхъ красныхъ, объ истребленіи цѣлыхъ полковъ и т. п., я вижу, что артиллерія красныхъ уходитъ во время; что тѣхъ мелкихъ трофеевъ, которые неизбѣжны при истребленіи цѣлыхъ частей, нѣтъ; что тѣ полки, которые сегодня показаны въ реляціи уничтоженными, черезъ нѣсколько дней сами атакуютъ и заставляютъ насъ отступать; для меня нѣтъ сомнѣній, что половина этихъ реляцій и три четверти содержанія остальныхъ сфабрикованы и притомъ малоискусными по этой части штабами. Какіе-то частичные успѣхи и кое-гдѣ есть, но они покупаются непомерно дорогой цѣной выматыванія послѣднихъ силъ; подъ ударами шпоръ наши войска напрягаютъ послѣднія усилія . . .

Гдѣ же конный корпусъ? ему давно пора проявить свое рѣшительное значеніе.

Омскія газеты полны побѣднымъ пафосомъ; Сахаровъ объявленъ спасителемъ отечества и героемъ; появилось даже въ видѣ особаго почета данное ему кѣмъ-то названіе «солдатъ-генераль»; что онъ солдафонъ въ генеральской формѣ, это вѣрно, но чтобы онъ былъ солдатомъ-генераломъ въ высокомъ значеніи этого слова, — сіе безконечно далеко отъ истины.

Вся шпана, примазавшаяся къ добровольческому движенію, гордо машетъ руками и общаетъ двинуть на фронтъ цѣлыя рати; полились хвастливыя рѣчи о поголовномъ выходѣ на фронтъ цѣлыхъ разрядовъ населенія.

А я, какъ противный, каркающій старый воронъ, представляю себѣ, какимъ скользкимъ и трусливо-подлымъ настроеніемъ все это смѣнится, если разсѣется этотъ побѣдный угаръ и надъ Омскимъ болотомъ вновь поднимется призракъ краснаго приближенія.

Подняли большую шумиху съ поголовной мобилизаціей бывшихъ плѣнныхъ изъ Карпаторуссіи; къ этому дѣлу примазался Ивановъ-Риновъ, заявившій, что этимъ путемъ онъ получитъ пѣхоту въ добавокъ къ своему конному корпусу.

Бѣдныхъ карпаторуссовъ стали хватать съ помощью облавъ (И.-Р. по этой части дока); благодаря этому, Омскъ остался безъ хлѣбопекоевъ и ассенизаторовъ, такъ какъ миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы специализировались по черному труду; узнавъ о принудительной мобилизаціи, они разбѣжались изъ Омска и въ риновскія сѣти попала только часть.

Озлобленіе среди нихъ страшное; ихъ собрали на станціи Куломзино, рядомъ съ бараками, въ которыхъ помѣщаются семьи Ижевскихъ рабочихъ; на дняхъ у меня были старики Ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругаютъ ихъ за вѣрную службу своей родинѣ и, не стѣсняясь, говорятъ, что имъ только бы попасть на фронтъ, а тамъ они расправятся съ тѣми, кто ихъ туда погналъ, а сами уйдутъ къ краснымъ; тѣ же отправятъ ихъ домой.

Сообщилъ это 3-му Ген.-Квару, прося обратить вниманіе, что это идетъ не изъ контръразвѣдчицкихъ сферъ, а сообщается стариками рабочими, неспособными на выдумку.

Въ результатѣ новая глупость и новый вредъ: до сихъ поръ у насъ былъ добровольческій карпаторусскій батальонъ очень хорошаго состава, очень добросовѣстно несшій на себѣ тяжелые наряды и караулы. Теперь эта надежная и прочная горсточка растворена въ массѣ насильно согнанныхъ и нехотящихъ воевать людей

Въ газетахъ моря платныхъ восторговъ по поводу «изумительнаго по своему единодушію поголовнаго подъема героевъ подъяремной Карпатской Руси на спасеніе родного русскаго народа». Платныя перья всегда были особо подлы, а въ теперешней гншлой атмосферѣ они побили всѣ старыя рекорды.

Каждое засѣданіе Комитета по дѣламъ печати даетъ мнѣ возможность высказать свое негодованіе по адресу нашихъ освѣдомителей и наемныхъ писаекъ. Сначала Крафтонъ на меня обижался, но за послѣднее время часто соглашается, что я правъ и что органы освѣдомленія совершенно не выполняютъ своего назначенія.

5 Сентября. Утромъ вызвали къ Адмиралу, гдѣ уже были Головинъ и Дитерихсъ. Адмиралъ сообщилъ, что, выслушавъ всѣ доклады и доводы, онъ остановился на рѣшеніи включить въ театръ военныхъ дѣйствій весь Омскій военный округъ, сдѣлавъ его главнымъ райономъ для новыхъ формированій подъ руководствомъ Главнокомандующаго и избранныхъ имъ лицъ. Иркутскій и Приамурскій округа остаются въ подчиненіи Верховному Правителю и въ вѣдѣніи Военнаго Министра; никакого стратегическаго резерва на Дальнемъ Востокѣ формироваться не будетъ, а потому вопросъ о назначеніи Хрещатицкаго отпадаетъ.

Доложилъ Адмиралу, что вполне привѣтствую такое рѣшеніе, долженствующее удовлетворить фронтъ и вполне естественное, ибо все равно Омску суждено стать прифронтовымъ городомъ.

Отвѣчая на просьбу Адмирала не уходить съ должности до приисканія мнѣ замѣстителя, доложилъ, что замѣстителемъ могъ бы быть вполне соответствующій посту Военнаго Министра генералъ Суринъ, по моему мнѣнію несравненно болѣе меня подходящий къ этой должности; Адмиралъ отвѣтилъ, что противъ кандидатуры Сурина почти весь Совѣтъ Министровъ; это меня удивило, т. к. члены Совѣта не могли не знать, какъ методично, ревностно и добросовѣстно работалъ Суринъ и какіе успѣшныя, хотя и невидныя, результаты дала его работа; если бы у насъ было побольше такихъ людей и работниковъ, какъ Суринъ, то можно было быть спокойнымъ за будущее.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ узналъ отъ Сукина, что онъ, по порученію Адмирала, былъ у генерала Такаянаги, чтобы узнать правда ли, что японское правительство требуетъ обязательнаго назначенія инспекторомъ формированій Дальняго Востока ген. Хрещатицкаго, связывая съ этимъ назначеніемъ вопросъ объ оказаніи намъ дальнѣйшей помощи.

По словамъ Сукина, Такаянаги былъ до-нельзя удивленъ этими вопросами и отвѣтилъ, что ни о чемъ подобномъ они никогда и не думали и что они не считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ тая дѣла.

Такимъ образомъ открылась вся провокаторская махинація превосходительнаго спиртовоза; очевидно, это и повліяло на утреннее рѣшеніе Адмирала.

Но, тѣмъ не менѣе, Хрещатицкій остается въ распоряженіи Дитерихса и предназначается на должность инспектора формированій въ Омскомъ округѣ.

Спрашивается, сколько же мерзостей надо сдѣлать, чтобы надъ вами поставили, наконецъ, крестъ!

Что прочное и здоровое можетъ быть при такомъ порядкѣ, при которомъ разоблаченій, подобныхъ сегодняшнему, оказывается недостаточно чтобы съ позоромъ и пропечатаніемъ выгнать вонъ способнаго на такіе поступки генерала.

Не безъ труда протащилъ черезъ Совѣтъ Министровъ законопроектъ объ ассигнованіи Военному Министру десяти милліоновъ рублей на экстренные расходы по устройству дѣла воспитанія дѣтей военно-служащихъ. Уже осень и нѣтъ возможности проводить всѣ мелкія статьи, разрѣшающія этотъ насущный вопросъ обычнымъ путемъ; поэтому я и просилъ Совѣтъ Министровъ довѣрить мнѣ это дѣло и отпустить просимый авансъ.

Пролѣвъ большинствомъ только одного голоса и то послѣ того, какъ рѣзко крикнулъ, что голосующіе не имѣютъ права отказать въ помощи дѣтямъ тѣхъ, которые за насъ и за Россію умерли и умираютъ.

Развѣ можно успѣшно работать при такомъ государственномъ механизмѣ, при которомъ приходится протаскивать черезъ голосовальную машину такіе насущные во-

просы и рисковать остаться съ носомъ, если болѣе чѣмъ полудюжинѣ министровъ вадумается голосовать противъ.

Точно было слушать, какъ двѣ бюрократическихкы крысы отъ контроля и финансовъ вылѣзали изъ шкуры, чтобы какъ-нибудь провалить мой проектъ, доказывая ссылками на законы и протухшіе циркуляры, что получающимъ усиленное жалованье не полагается выдавать пособій на воспитаніе дѣтей.

Съ наслажденіемъ отправилъ бы этихъ крысъ на фронтъ, оклеивъ ихъ этими циркулярами.

6 Сентября. Капризное настроеніе Омска опять потемнѣло; присяжные оптимисты продолжаютъ еще находиться подъ угаромъ «фронтowychъ побѣдъ», но тревожныя нотки начинаютъ проскальзывать уже даже у заправилъ Ставки; мелкіе успѣхи есть, но разгрома красныхъ не только нѣтъ, но они сами начали насъ кое-гдѣ тѣснить; лучшія наши части уже израсходованы, резервы подходятъ къ концу, а красные не желаютъ даже начать отступленіе.

Спрашивалъ Ставку о причинахъ бездѣятельности до сихъ поръ коннаго корпуса; по секрету сообщили, что наступленіе начато не дожидаясь, не то что развертыванія, а даже сбора частей коннаго корпуса; это такъ ужасно, что не хочется даже вѣрить возможности столь чудовищной оплошности; вѣдь, ничто не требовало начать наступленіе въ столько то часовъ такого то дня.

Отказываюсь понимать поведеніе Дитерихса; самъ Адмиралъ, конечно, тутъ не причемъ. Какъ могъ допустить это Андогскій, который, по званію профессора военной Академіи, обязанъ понимать, что значитъ подготовка операціи и удачное для нея развертываніе.

Въ Ставкѣ сознаются, что сборъ казаковъ шель очень медленно; угаръ станичныхъ постановленій навѣянныхъ Риновскими ситцами, подарками и пособиями разсѣялся, какъ только пришлось выходить на службу; но за то вылѣзали во всей будничной остротѣ жалость потерять хорошій урожай, боязнь за семьи, страхъ за жизнь и пр. и пр.

Нѣкоторыя казачьи части сѣли въ вагоны, забравъ съ собой женъ и обильные запасы водки; по пути казачьяго движенія идетъ разгромъ нашихъ продовольственныхъ магазиновъ. Ивановъ-Риновъ очень много шумѣлъ о томъ, что у него будетъ автономное и демократическое снабженіе, но, когда дѣло дошло до реального снабженія продовольствіемъ и фуражемъ, то оказалось, что, кромѣ пустопорожняго названія, у нашего наполеонистаго Держиморды ничего не имѣется. Скверно то, что все это свалилось на насъ неожиданно; все берется по казачьей ухваткѣ въ двойной и тройной запасъ; забираются склады и вагоны, приготовленные для арміи и для пополненія магазиновъ; интендантъ ходитъ, какъ очумѣлый, но я приказалъ все давать и все разрѣшать, дабы хоть чѣмъ-нибудь не помѣшать быстрѣйшему сбору казаковъ.

Офицеры изъ контръ-развѣдки говорятъ, что въ нѣкоторыхъ станицахъ идутъ секретныя совѣщанія о томъ, что не слѣдовало отпускать строевыхъ казаковъ на службу, такъ какъ все равно красные придутъ, а тогда будетъ трудно съ ними сговориться; не думаю, что это измышлено, такъ какъ очень подходитъ къ казачьей психологіи и спеціально сибирской расчетливости, чуждой идейнаго сентиментализма.

Потеря нами восточнаго Приуралья и Троицко-Орскаго района лишила насъ огромныхъ хлѣбныхъ и фуражныхъ заготовокъ и подвѣсила все довольствіе арміи на запасы Средней Сибири. Всѣ требованія, предъявляемыя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ къ Министерству Продовольствія о равномерномъ распредѣленіи запасовъ по всѣмъ магазинамъ и о доведеніи до нормы магазиновъ Средней и Восточной Сибири, остались неудовлетворенными. Каждую недѣлю, получая вѣдомости пополненія магазиновъ, писалъ Неклютину бумаги, сначала вѣжливыя, потомъ рѣзкія, потомъ угрожающія и требовалъ исполненія нашихъ нарядовъ, но все безрезультатно. Говорилъ съ Неклютинымъ и его помощниками, получалъ кучи увѣреній и обѣщаній, подкисленные ссылками на трудность положенія, вызываемую потерей огромныхъ запасовъ на фронтѣ и тяжелыми условіями транспорта, смятаго стихійной эвакуаціей. Съ точки зрѣнія законной отговорки они

на половину правы, но съ точки зрѣнія способности подняться до высоты создаваемаго труднаго положенія — ихъ нельзя оправдать.

Сумѣло же министерство путей сообщенія справиться съ еще болѣе тяжелыми и экстренными задачами; сумѣли же и нѣкоторые болѣе энергичные уполномоченные продовольственнаго министерства сдѣлать то же самое; тамъ же, гдѣ сидятъ уполномоченными разные дѣльцы и юнцы (говорятъ, что среди нихъ есть юноша, нѣсколько лѣтъ тому назадъ кончившій лицей), то тамъ дѣло совсѣмъ хромаетъ. Особенно непонятно плохое заполненіе магазиновъ Иркутска, Забайкалья и Дальняго Востока, гдѣ и транспортъ легче, и запасовъ сколько угодно (даже съ поправкой на разныя семенизаціи).

Не мало затрудненій въ дѣлѣ заготовки снабженій чинятъ намъ милые наши интервенты, любящіе плотно и хорошо покушать; сейчасъ они навалились на ограниченныя запасы Средней Сибири и изрядно ихъ подсасываютъ; конкурировать съ ними мы не можемъ, ибо они вымѣниваютъ необходимое имъ довольствіе у населенія на разные товары и этимъ привлекаютъ къ себѣ весь сбытъ. Очень много жалобъ на безобразія и насилія чинимыя польскими войсками въ районѣ Ново-Николаевска; эти не стѣсняются грабить, производить насильственныя фуражировки, расплачиваться по ничтожнымъ цѣнамъ и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи съ грузами.

На наши жалобы, обращенныя къ Жанену, не получаемъ даже отвѣта; польское хозяйничанье особенно для насъ обидно; чехамъ мы все же обязаны и часть ихъ дралась вмѣстѣ съ нами за общее дѣло; польскія же войска создались у насъ за спиной изъ бывшихъ плѣнныхъ и нашихъ поляковъ, взявшихъ съ Россіи все, что было возможно, а затѣмъ задѣлавшихся польскими подданными и укрывшихся отъ всякихъ мобилизацій и военныхъ непріятностей въ рядахъ польскихъ частей.

Очень много нареканій на безобразія, учиняемыя весьма экзотическими морскими командами рѣчной флотиліи; они разрушили намъ весь планъ Тюменской эвакуаціи, забравъ приготовленные для нея пароходы; теперь они плывутъ по Оби, возмущая своими безобразіями мѣстное населеніе и забирая разные запасы.

Очень тяжело положеніе съ эвакуаціей, такъ какъ потеря западныхъ каменноугольныхъ районовъ вызвала необходимость подавать уголь съ востока съ Черемховскихъ копей и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы образовать теперь зимніе запасы и обезпечить себя отъ того тяжелаго угольнаго голода, который былъ такъ остръ въ прошлую зиму.

Но молодецкое М. П. С. находится въ опытныхъ рукахъ и личный составъ его работаетъ выше всякой похвалы, успѣшно преодолевая всѣ эти трудности.

7 Сентября. Маленькій, но характерный фактикъ изъ нашей будничной жизни; послалъ провѣрить, какъ идутъ работы, производимыя министерствомъ народнаго просвѣщенія на данныя ему мной 12 милліоновъ рублей, по постройкѣ барачковъ; скоро осень и бараки должны были быть готовы; тогда мы могли бы освободить занимаемыя нами помѣщенія учебныхъ заведеній и дать дѣтямъ возможность учиться.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что въ двухъ мѣстахъ привезли нѣсколько сотъ бревенъ и, сваливъ ихъ въ штабеля, мирно почили; только въ Атаманской гимназіи произвели кое-какія работы, да и тѣ оказались надворными постройками и службами для директора гимназіи.

Теперь для меня ясно, что всѣ завыванія на тему о томъ, что военное вѣдомство захватило всѣ учебныя помѣщенія и не даетъ дѣтямъ учиться, были обычнымъ препровожденіемъ времени російской интеллигенціи, смерть какъ любящей ругать начальство и валить на него отвѣтственность за то, въ чемъ сама на половину виновата.

Я хотѣлъ узнать научилась ли чему нибудь эта публика; я далъ имъ всѣ средства для постройки помѣщеній — деньги, матерьялы и вагоны; оставалось только побезпокоиться и исполнить. Своимъ предложеніемъ я поставилъ ихъ въ пиковое положеніе, ибо лишалъ ихъ возможности продолжать ничего не дѣлать, получать содержаніе и натравливать на насъ общественное мнѣніе, равливая потоки гражданской скорби и демократическаго краснорѣчія и облакаясь въ ризы обиженныхъ педагоговъ и заступниковъ за дѣтей.

Но народъ до того теперь обнаглѣлъ и опустился, что они смущались недолго; поругали меня, вѣроятно, за неприятное для нихъ предложеніе и рѣшили ничего не дѣлать на основаніи ста одной причины, мѣшающей исполненію. Они и интеллигенты, и педагоги, и демократы, и обличители, и заступники, но они не такъ глупы, чтобы стараться строить тѣ зданія, которыя лишаютъ ихъ продолженія ничегонедѣланія и возстановятъ учебную жизнь.

Во избѣжаніе отговорокъ приказалъ собрать справки о наличіи въ городѣ матерьяловъ и рабочихъ; того и другого оказалось въ десятерной потребности сравнительно съ тѣмъ, что надо было для такихъ построекъ; не было гвоздей, желѣза и стекла, но все это было разрѣшено получить изъ инженерныхъ складовъ.

Всѣ справки передалъ министру народнаго просвѣщенія, сказавъ коротко, что все это слѣдовало бы предать самой широкой гласности, какъ яркое доказательство нашей лѣни и недобросовѣстности.

Другая картинка, на этотъ разъ изъ дѣятельности нашего городского самоуправленія. Еще въ концѣ іюля, дѣлая распоряженія военнымъ округамъ о самой энергичной и срочной заготовкѣ запасовъ топлива на зиму, чтобы не повторился дровяной голодъ прошлой зимы, я подумалъ и объ Омскѣ и приказалъ запросить городскую управу, обеспечены ли городъ запасами топлива и въ какомъ положеніи городскія заготовки. Получилъ отвѣтъ, что не заготовлено и четверти необходимаго запаса, опять таки на основаніи ста одной причины, и въ томъ числѣ призыва на службу какого-то прапорщика, сугубаго спеціалиста по этому дѣлу.

Приказалъ своимъ управленіямъ помочь всѣми способами для устраненія указанныхъ городомъ причинъ, далъ имъ наряды вагоновъ и баржъ, выхлопоталъ нарядъ на работы плѣнныхъ, но одновременно рекомендовалъ пошевелить и омскихъ лежебоковъ обывателей, собрать изъ нихъ рабочія команды и послать на нѣкоторое время на мѣста лѣсныхъ заготовокъ. Въ отношеніи прапорщика спеціалиста нарушилъ свои убѣжденія и приказалъ зачислить его на одну изъ незанятыхъ штатныхъ должностей оберъ-офицеровъ для порученій, съ откомандированіемъ на мѣсто заготовокъ.

На дняхъ приказалъ узнать, какъ идутъ эти заготовки: оказалось — самымъ неудовлетворительнымъ образомъ; часть причинъ задержки весьма уважительна, но надо было объ этомъ во время заявить, а въ случаѣ чего — поднять гвалтъ; вѣдь, недопустимо, чтобы опять повторилось то катастрофическое положеніе съ топливомъ, которое разразилось надъ Омскомъ въ прошломъ году; недопустимо тѣмъ болѣе, что фронтъ приблизился къ тылу и Омску, быть можетъ, придется зимой принять въ себя всѣ армейскіе тылы.

При такомъ халатѣ трудно надѣяться на успѣхъ реконструкціи. Всѣмъ не хочется беспокоиться; мой проектъ о снабженіи населенія Омска предметами первой необходимости скончался въ какой-то комиссіи; мои предложенія городу построить на половинныхъ издержкахъ дешевыя хлѣбопекарни и бани для совмѣстнаго пользованія войсками и населеніемъ остались, какъ говорится, «безъ послѣдствій».

Что можно сдѣлать, когда большинство у насъ максималисты по части благъ и правъ и сугубые меньшевики по всему, что касается обязанностей, работы и излишняго служебнаго беспокойства. По внѣшности — что-то дѣлается и какъ-будто бы даже усердно; по внутреннему же содержанію — все сводится къ исполненію опостылой поденщины, осточертѣвшихъ номеровъ.

Испорченный «завоеваніями революціи», — главное изъ которыхъ нравственное разложеніе, — нашъ скрипучій и расхлябанный по всѣмъ частямъ механизмъ управленія все болѣе и болѣе засоряется своего рода мочекислыми отложеніями и нѣтъ въ нашемъ распоряженіи такого уроднала, который способенъ былъ бы рассосать эти губительные отбросы больного организма.

Такимъ уродналомъ можетъ быть только нравственный подъемъ; никакія кары, никакая аракчеевщина и семеновщина отъ этого исцѣлить не могутъ, ибо болѣзнью этой болѣны и сами поклонники разстрѣловъ и самой сугубой аракчеевщины.

На возможность такого подъема нѣтъ и сотой доли шанса; относительно, да и то подъ большимъ сомнѣніемъ, могло помочь примѣненіе большевистской системы понуканія

и принужденія, но для этого у насъ нѣтъ комиссарской непреклонности и безудержной рѣшительности.

Министерство Снабженій грозитъ своей нераспорядительностью оставить насъ безъ должнаго количества теплой одежды. Этотъ вопросъ беспокоилъ меня еще во время Екатеринбургской поѣздки и я просилъ Министерство воспользоваться съѣздомъ, чтобы все распорядить; тогда же предупреждалъ о возможной ненадежности Уральскаго положенія и о желательности налечь на Тюменскія и Монгольскія заготовки.

Все это было обѣщано. Затѣмъ просилъ, чтобы вся теплая одежда была сдаваема въ склады такъ, чтобы къ концу Августа послѣдній полушубокъ и послѣдняя пара валенокъ были въ распоряженіи Главнаго Интенданта. И это было завѣрено и обѣщано.

Въ первыхъ числахъ Августа поѣхалъ въ Министерство и просилъ дать мнѣ всѣ свѣдѣнія о ходѣ заготовокъ; свѣдѣнія дали довольно утѣшительныя по ходу заготовокъ и совсѣмъ скверныя по части сдачи.

Опять и Неклютинъ и Прозоровъ завѣрили, что понимаютъ мою тревогу и напрягутъ весь аппаратъ для исполненія нашихъ нарядовъ.

Прошелъ мѣсяцъ — съ постоянными запросами и напоминаніями Интендантства; сегодняшняя вѣдомость показываетъ, что обѣщанія Министерства не выполнены и на половину; самое же скверное это то, что заготовка теплаго бѣлья въ Харбинѣ и Китаѣ страшно затянулась, потому де, что Министерство Финансовъ задержало отпускъ валюты, необходимой для выдачи вадатковъ и расплаты.

Выразилъ Прозорову недоумѣніе, почему же объ этомъ не было намъ сообщено и не было доложено Адмиралу и Совѣту Министровъ. Снабженіе арміи теплой одеждой — это вопросъ первостепеннѣйшей важности и я увѣренъ, что и Адмиралъ, и совѣтъ Министровъ нашли бы средства для удовлетворенія срочныхъ потребностей Министерства Снабженій.

Выразилъ недоумѣніе, что объ этомъ ничего не было сказано во время происходившихъ у насъ совмѣстныхъ совѣщаній по снабженію, и что, вмѣсто правды, мнѣ доставлялись дутыя вѣдомости.

Чтобы выправить положеніе, приказалъ, чтобы готовыя партіи теплой одежды отправлялись изъ Владивостока и Харбина съ прицѣпкой по 2 вагона къ каждому экспрессу и пассажирскому поѣзду.

Новое подтвержденіе невозможности раздѣленія снабженій между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ одно заготавливаетъ и ни за что не отвѣчаетъ, а другое довольствуется войска чужими заготовками и несетъ на себѣ всю фактическую и нравственную отвѣтственность передъ войсками.

Адмиралъ, которому я жаловался на очевидное нежеланіе Совѣта Министровъ разсмотрѣть, внесенный еще Суринымъ, докладъ о восстановленіи единства заготовки и распределенія, просилъ обождать, пока выправится общее положеніе, т. к. онъ считаетъ, что сейчасъ не до коренныхъ реформъ.

Послѣднее вѣрно, но надо тогда подтянуть Министерство Снабженій и заставить его тоже беспокоиться.

8 Сентября. Сбитый съ позиціи и уличенный во лжи Хрещатицкій ушелъ въ подпольную или, лучше сказать, въ вагонную агитацію; идетъ оживленная работа, чтобы меня свалить; сегодня мнѣ передали разговоры всей этой почтенной компаніи, что она грозитъ отбыть въ Забайкалье, соединиться съ Семеновымъ, отдѣлить Дальній Востокъ отъ Сибири и тогда «показать Омску и собравшимся тамъ большевистствующимъ генераламъ».

Состоящая при Х. женская особа очень надѣется на значеніе по этой части своей дружбы съ Машкой Шарабанъ.

Такіе серьезные противники не по плечу такому бѣдному, большевистствующему генералу, какъ я.

Не сомнѣваюсь, что двѣ честолюбивыя и корыстолюбивыя бабы, помыкающія прилипшими къ нимъ превосходительными мужиками, способны надѣлать не мало подлыхъ гадостей.

Вообще, свѣдѣнія изъ Читы показываютъ, что всѣ надежды на эволюцію Семеновщины надо признать лопнувшими; настроеніе противъ Омска тамъ самое озлобленное, и съ нимъ считаются только, какъ съ дойной коровой.

9 Сентября. Освѣдомленіе всячески раздуваетъ мелкіе успѣхи, одержанные кое-гдѣ на фронтѣ. Спросилъ въ Ставкѣ, зачѣмъ вводятъ въ заблужденіе и населеніе, и весь тылъ; отвѣтили, что этимъ надѣются поднять добровольческое движеніе и этимъ разрѣшить уже остро надвинувшійся вопросъ, чѣмъ пополнять быстро рѣдѣющіе ряды нашихъ боевыхъ частей.

Сознаніе о неимѣннй пополненій еще болѣе усугубляетъ великую вину Дитерихса и Андогскаго, подвинувшихъ Адмирала на настоящее наступленіе. Вѣдь и Главкостокъ и оперативный Генкваръ были обязаны до мелочей оцѣнить всѣ наши средства и учесть, располагаемъ ли мы всѣми средствами для исполненія и развитія предпринимаемой операціи; бывший генераль-квартирмейстеръ фронта и настоящій профессоръ академіи обязаны были знать, что обезпеченіе пополненіями составляетъ вопросъ наипервостепеннѣйшей важности.

Надо быть слѣпымъ оптимистомъ или безнадежнымъ дуракомъ, чтобы вѣрить въ возможность серьезнаго значенія добровольческаго движенія и возможности базировать на этомъ пополненіе арміи.

Голицынъ и примазавшіеся къ нему господа, не краснѣя (это качество ими давно и безнадежно потеряно), докладываютъ Адмиралу, что они выставятъ очень скоро до 30 тысячъ добровольцевъ. Трудно понять, какъ можно дойти до такихъ нравственныхъ мозолей, чтобы докладывать такую завѣдомую ложь, вѣрить которой они при всей своей тупости все же не могутъ; они знаютъ, что, несмотря на всѣ матерьяльныя заманки, ихъ шумиха провалилась; у нихъ есть донесенія о томъ, что въ большихъ городахъ тыла число добровольцевъ опредѣлилось въ нѣсколько десятковъ человекъ, а въ какомъ-то городѣ записался одинъ человекъ.

Они знаютъ, что контингентъ годнаго въ войска населенія исчерпанъ призывами и наборами, а то, что осталось въ деревняхъ, ушло въ шайки Лубкова, Щетинкина и прочихъ лѣсныхъ главарей и громить наши тылы.

Они не могутъ не понимать, что нагло лгутъ ослѣпленному и плѣненному Адмиралу и подаютъ ему такія надежды, которыя никогда не будутъ осуществлены. Все это дѣлается ради честолюбія и самоустройства; трудно подыскать даже эпитетъ для оцѣнки дѣятельности этихъ мерзавцевъ.

Очередная шумиха — это дружины креста и полумѣсяца; провалившись на первомъ этапѣ своей добровольческой авантюры, ея создатели, при помощи услужливаго освѣдомленія, стали грохотать, что весь путь добровольчества это религія и защита ея отъ большевиковъ; по сему зазываніе, уговариваніе и вербовку надо производить въ церквахъ, съ надлежащимъ подогрѣвомъ и пр. и пр. Одновременно пущенъ и такой освѣдомительный эффектъ, что чуть ли не всѣ мусульмане Сибири рѣшили идти въ добровольцы, ибо Коранъ осуждаетъ большевизмъ.

Пока что, эта шумиха собрала около 200 человекъ добровольцевъ; они расположены около зданія, занятаго военнымъ министерствомъ; большинство изъ нихъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе; видно, что пришли по убѣжденію; если бы такихъ были десятки тысячъ, то пѣсня красныхъ была бы спѣта; все горе въ томъ, что это все, что могла дать ближайшая къ Омску Сибирь; больше такихъ уже нѣтъ и не будетъ.

Моему пессимизму не дано понимать, какимъ образомъ можно хоть на минуту повѣрить возможности минутнымъ подъемомъ дряблага и трусливаго настроенія нашего массоваго шкурника-обывателя двинуть его на подвигъ, на лишенія и даже на смерть.

Вѣдь все то, что именуется душевнымъ подъемомъ населенія, связано исключительно съ благопріятными свѣдѣніями съ фронта. Но развѣ это душевный подъемъ? это радость трусливенькаго поганыша, радующагося тому, что кто-то отдаляетъ отъ него всѣ жупелы краснаго нашестія, прогоняетъ всѣ связанные съ этимъ грозные призраки и даетъ возможность продолжать свое спокойное существованіе съ идеалами на манеръ навознаго жука.

Нашъ трусливый обыватель будетъ пѣть молебны, будетъ захлебываться отъ радости по поводу побѣдъ; со слюной будетъ смаковать всѣ подробности разныхъ спасительныхъ для него одолѣній; онъ будетъ выносить потрясающія резолюціи и храбро, шумно требовать рѣшительнаго наступленія; кое-кто съ дрожью вожделѣнія, но оглядываясь, чтобы не услышало что-нибудь подозрительное на красноту, будетъ заглазно уничтожать красные полки и разстрѣливать комиссаровъ, зловѣщія тѣни которыхъ портятъ его буржуазный сонъ.

Но въ то-же время онъ не даетъ ни гроша на нужды арміи и государства; онъ облазитъ всѣ пороги и пойдетъ на всякую гадость, чтобы спасти себя и своихъ близкихъ отъ грязной непріятности попасть на фронтъ или подвергнуться какимъ-нибудь лишеніямъ; онъ безконечно далѣкъ отъ мысли положить свой животъ за какое-то отечество и считаетъ, что это обязаны дѣлать всѣ, кромѣ него самого и его дѣтей; зато онъ считаетъ непреложнымъ, что отечество обязано охранять его животъ, всѣ его преимущества и оберегать отъ красныхъ покушеній его капитала и бебехи; онъ дѣлается весьма злымъ и крикливымъ, если считаетъ, что отечество не достаточно надежно его охраняетъ, и готовъ тогда насадить ежъ за паузы всѣмъ, кого считаетъ въ томъ виновнымъ.

Но если, чего Боже упаси, ничто не выручитъ и на обывателя все же навалится красная напасть, то онъ сожмется, тоже покраснѣетъ и будетъ стараться потрафлять на новаго повелителя, молясь всѣмъ угодникамъ объ его гибели, но не дастъ на это ни одного гроша, не сдѣлаетъ ни одного опаснаго жеста.

Про конный корпусъ ничего не слышно; въ Ставкѣ говорятъ, что его готовности и сосредоточенію очень повредило одновременное формированіе Степной армейской группы Лебедева; разбросались и оба формированія вышли недодѣланными и запоздали.

Изъ сводки видно, что потрепанныя нашей третьей арміей правофланговые части красныхъ успѣли уйти отъ окруженія и что красный фронтъ выправился. Это очень печально, такъ какъ сводитъ наше наступленіе къ необходимости наносить лобовые удары, самые тяжелые по приносимымъ ими потерямъ и для нанесенія и развитія которыхъ у насъ не хватитъ средствъ.

Настоящій моментъ для нанесенія удара коннымъ корпусомъ уже упущенъ, ибо, если бы Ивановъ-Риновъ вышелъ въ тылы краснаго праваго фланга въ то время, когда фронтъ красныхъ былъ разбитъ наступленіемъ третьей арміи, то результаты могли быть потрясающими и отозвались бы на исходѣ всей кампаніи 1919 года.

Но и сейчасъ рѣшительный выходъ коннаго корпуса къ Кургану и къ тылу красныхъ по линіи Тобола способенъ привести къ полному разгрому красныхъ.

Вѣдилъ на работы по постройкѣ бараконъ — казармъ для образцовой бригады —, и видѣлъ яркій примѣръ того, что при желаніи работать и при энергіи можно и при настоящей обстановкѣ получать очень хорошіе результаты. Работы начаты два мѣсяца тому назадъ, а сейчасъ уже готовы нѣсколько десятковъ огромныхъ бараконъ, кухонь, столовыхъ и офицерскихъ квартиръ и заканчиваются водопроводы, электрическое освѣщеніе, обозные сараи и конюшни. Ведетъ работы рекомендованный мнѣ генераломъ Думбадзе гражданскій инженеръ Трофимовъ, который, принимая на себя эту задачу, заявилъ, что онъ ее выполнитъ при условіи оказанія ему полнаго довѣрія и ослабленія разныхъ контрольных и кассовыхъ крючковъ. Я пошелъ на этотъ рискъ, и сегодня былъ очень обрадованъ полученными результатами. Характерно то, что стоимость постройки съ квадрата оказалась втрое дешевле, чѣмъ на работахъ другихъ учреждений.

10 Сентября. Ставка оповѣщаетъ, что успѣхъ наступленія развивается и что въ послѣднихъ бояхъ наши части прорвались до красныхъ штабовъ и батарей; мой пессимизмъ просилъ сообщить о числѣ взятыхъ орудій и получилъ отвѣтъ, что «они подсчитываются».

Для меня это плохое предзнаменованіе, ибо по опыту большой войны знаю, что значить это темное выраженіе; оно особенно подозрительно теперь, такъ какъ, по свѣдѣніямъ съ фронта, красные очень бѣдны артиллеріей, такъ что долго считать не приходится.

Съ нетерпѣніемъ жду появленія на сценѣ коннаго корпуса и прошу тѣни всѣхъ великихъ кавалеристовъ осѣнить своимъ благословеніемъ всѣ дѣйствія Иванова-Ринова.

На немъ виждутся всѣ судьбы Сибири. Его успѣхъ — это полное выпрямленіе почти безнадежнаго направленія; это 7—8 мѣсяцевъ передышки и возможности рѣшительно перевернуть весь курсъ нашего военнаго управленія и нашего государственнаго строительства. По этой части всѣ мои надежды обращены на Головина; мнѣ кажется, что это настоящій человѣкъ для того, чтобы благотворно вліять на Адмирала и разумно его направлять; я убѣдился, что Адмиралъ его слушается, ему довѣряетъ и очень считается съ его мнѣніемъ.

Изъ бесѣды съ Головинымъ я убѣдился, что онъ понимаетъ отлично всю нашу обстановку и что онъ сумѣетъ очень тактично, но достаточно крѣпко приняться за леченіе нашихъ болѣзней и за устраненіе недостатковъ.

Въ дѣлѣ государственнаго строительства необходима немедленная смѣна всего состава Совѣта Министровъ (кромѣ Устругова и Краснова) и удаленіе на покой государственной рухляди и какого-то предсѣдательскаго недоразумѣнія — Вологодскаго.

Нуженъ открытый и рѣзкій разрывъ со всѣмъ, что желаетъ идти путемъ черной реакціи и повторенія смертельныхъ ошибокъ прошлаго; надо, чтобы правые разумно полѣвѣли, а лѣвые отказались отъ своихъ утоній и подкоповъ и стали на дѣловую почву; тогда станетъ возможной средняя дорожка совмѣстной работы по возсозданію опрокинутыхъ и разрушенныхъ основаній государственной и общественной жизни на новыхъ, здоровыхъ, пріемлемыхъ для народа и выгодныхъ народу началахъ. Тутъ нечего бояться даже чисто народной совдепіи, ибо она совершенно не схожа съ комиссарской совдепіей и не выходитъ за границу широкаго мѣстнаго хозяйственно-административнаго самоуправления.

Къ государственной работѣ должны быть привлечены всѣ дѣловые и честные люди, безъ различія партій, но съ обязательствомъ временно забыть партійныя шоры и исполнять общую государственную программу. Для тѣхъ, кто дѣйствительно хочетъ спасти Россію, — и это не однѣ только красивыя фразы, — должны померкнуть маленькія партійныя свѣчки, за которыя такъ крѣпко держатся революціонные изувѣры и ихъ подголоски.

Третій день чувствую себя отчаянно плохо; внутри какія-то грызущія боли; все это ухудшаетъ и безъ того скверное настроеніе.

Весь вечеръ пропалъ даромъ въ бессмысленномъ засѣданіи Комитета Экономической Политики, гдѣ пережевывались «общіе принципы реквизиціи».

Удивительные мы люди: на фронтѣ идетъ наступленіе, долженствующее рѣшить судьбу Сибирскаго бѣлаго движенія и всей Россіи; тылъ разваливается и пылаетъ возстаніями, а въ это время 12 министровъ и ихъ товарищи убиваютъ три съ лишнимъ часа на обсужденіе вопросовъ самой отвлеченной теоріи.

Я рекомендовалъ использовать прямо положеніе о реквизиціяхъ, вышедшее во время большой войны, но рѣшили все же поговорить.

Я и морской министръ попробовали пропустить два засѣданія этого комитета, но получили затѣмъ письма отъ предсѣдателя съ указаніемъ, что наше отсутствіе замѣчено и впредь просятъ быть аккуратнѣе.

Такія засѣданія напоминаютъ мнѣ дискуссіи о спасеніи души въ вагонѣ, который летитъ кувыркомъ съ многосажженной насыпи, причемъ пассажиры уже не знаютъ, гдѣ у нихъ верхъ, а гдѣ низъ, гдѣ крыша, а гдѣ полъ.

11 Сентября. Штабъ Приамурскаго военнаго Округа прислалъ заключеніе Военнаго Прокурора о дѣяніяхъ хабаровскаго разбойника атамана или, какъ онъ названъ въ прокурорскомъ заключеніи, мѣщанина Ивана Калмыкова. Заключеніе составлено на основаніи документовъ и свидѣтельскихъ показаній; написано оно обычнымъ для такихъ заключеній краткимъ языкомъ, причемъ одно изложеніе учиненныхъ Калмыковымъ преступленій занимаетъ около 20 страницъ.

Я давно добивался этого документа, чтобы дать Адмиралу оружіе для начала борьбы съ атаманами; сейчасъ все это запоздало, ибо хозяевами положенія являются казаки и ихъ конференція, опредѣленно поддерживающая дальневосточныхъ атамановъ.

Доложилъ заключеніе Адмиралу, далъ прочесть Головину и послалъ помощнику военнаго министра по казачьей части для сообщенія казачьей конференціи; вечеромъ

мнѣ сообщили частнымъ образомъ, что, по мнѣнію казачьихъ лидеровъ, дѣлу надлежитъ не давать никакого хода, такъ какъ нельзя дискредитировать Калмыкова ввиду его «государственныхъ заслугъ». При этомъ сказано, что такое рѣшеніе будетъ поддержано конференціей и будетъ окончательнымъ, такъ какъ, ввиду автономіи казаковъ и выборнаго званія атамана, никто не можетъ привлечь Калмыкова къ отвѣтственности.

Поручилъ Главному Военному Прокурору составить докладъ Верховному Правителю съ доказательствомъ нелѣпости такого мнѣнія и съ изложеніемъ мнѣнія о необходимости приказать командующему войсками Пр. В. Округа немедленно дать дѣлу законный ходъ.

Десятки страницъ этого заключенія даютъ яркую картину преступнаго разгула нашихъ бѣлыхъ большевиковъ, — сухое, но наполненное ужасомъ и кровью перечисленіе влодѣяній и гнусностей, совершенныхъ хабаровскимъ исадіемъ «младшимъ братомъ» (онъ себя такъ всегда именовалъ) читинскаго атамана.

Было бы очень хорошо послать этотъ документъ въ Японію для непосредственнаго доклада Императору; думаю, что тогда не поздоровилось бы тѣмъ японскимъ генераламъ, которые добились посылки хабаровскому убійцѣ и разбойнику привѣтственной телеграммы отъ имени Наслѣдника японскаго престола.

Эти генералы не могли не знать, что такое Калмыковъ, и этотъ поступокъ является чрезвычайно характернымъ для всей японской политики по отношенію къ нашему правительству. Ясно, что имъ нуженъ нашъ развалъ и наше разъединеніе, ибо иначе нельзя объяснить ту рѣшительность, съ которой они поддерживаютъ читинскаго и хабаровскаго разбойниковъ.

Неглубокая и неумная это политика, даже съ точки зрѣнія существенныхъ и интимныхъ интересовъ Японіи. Возрожденная Россія не можетъ быть опасна для Японіи; она можетъ быть ей только полезна, особенно въ будущемъ, какъ могучій противовѣсъ и союзникъ въ неизбежномъ соперничествѣ Японіи и Китая.

Восточная Сибирь нужна японцамъ для полученія концессіи и для отхожихъ промысловъ; здравый смыслъ подсказываетъ, что и то, и другое можетъ быть достигнуто только при наличіи у насъ твердой власти и порядка т. е. путемъ рѣшительной поддержки существующаго Правительства и уничтоженія всякой атаманины.

Политика *divide et impera*, проводимая японцами въ Китаѣ, уже достаточно имъ напортила и, обогативъ многихъ политическихъ дѣльцовъ и коммерсантовъ, ничего не дала самой Японіи. Повидимому, то же идетъ и сейчасъ. На Семенова ухлопаны немалые японскіе капиталы въ надеждѣ вернуть ихъ вдесятеро. Думаю, что японскіе игроки ставятъ не на ту лошадь. Трудно проникнуть въ сокровенныя тайны японской государственной политики, но, если только Семеновъ поддерживается съ согласія правительства, то такая политика вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы назвать ее глупой и очень смахивающей на жульничество.

Получилъ первую правдивую сводку освѣдомительнаго отдѣла, встряхнутаго назначеніемъ начальникомъ отдѣла полковника Сальникова; въ сводкѣ очень рельефно и правдиво изложено дѣйствительное настроеніе войскъ и приведено много кричащихъ фактовъ, какъ изъ жизни арміи, такъ и изъ жизни населенія и тыла. Свѣдѣнія эти получены путемъ посылки всюду особо избранныхъ агентовъ, заглянувшихъ въ самую душу войскъ и населенія. Красной нитью проходитъ, что тѣ части въ большемъ порядкѣ, гдѣ офицеры лучше, честнѣе и преданнѣе долгу; тамъ и солдатское настроеніе вполнѣ здоровое, благожелательное и чуждое какихъ-либо потрясеній; и это добыто не распустой и ослабленіемъ требованій службы; наоборотъ, въ такихъ частяхъ сохранилась и дисциплина, и порядокъ, ведутся занятія. Да иначе и быть не можетъ.

Обнаружился, наконецъ, конный корпусъ Иванова-Ринова, имѣвшій крупный успѣхъ и разгромившій красную бригаду, подходившую съ юго-запада на усиленіе краснаго праваго фланга. Сейчасъ И.-Р. становится близокъ къ исторической славѣ; трудно представить себѣ болѣе благоприятнаго для конной массы положенія чѣмъ то, въ которомъ онъ теперь находится. У него 7½ тысячъ пашекъ на свѣжихъ коняхъ; большинство

личного состава старые, опытные казаки, уже бывшіе на войнѣ; его корпусъ находится на обнаженномъ флангѣ красныхъ войскъ, уже совершенно распатанномъ двухнедѣльными боями и нанесенными ему ударами; корпусу открытъ весь, лежащій передъ нимъ, тылъ красной арміи, на фронтъ которой навалились наши войска; мѣстность ровная, идеальная для дѣйствій конныхъ массъ и богатая мѣстными средствами.

Омскъ ликуеть. Мнѣ совѣстно за мой пессимизмъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы Господь благословилъ дальнѣйшими успѣхами дѣйствія коннаго корпуса; вѣдь, отъ этого зависитъ судьба Россіи на долгіе годы.

12 Сентября. Положеніе на фронтѣ не разрѣшается; конница какъ-то замялась; по вчерашней сводкѣ ей слѣдовало быть уже у Кургана и громить красные тылы, а объ этомъ нѣтъ донесеній. Дитерихсъ говоритъ, что красные дерутся очень упорно и все время переходятъ въ контръ-атаки; особенно напираютъ на армію Пепеляева, который даже просилъ разрѣшенія начать отходить, но Дитерихсъ ему отказалъ.

Я не вѣрю въ упорность боевъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать; несомнѣнно только, что красные превосходятъ насъ упорствомъ командованія, маневренностью и наличіемъ въ тылу комиссарскихъ пулеметовъ, сдерживающихъ у мобилизованныхъ склонность къ отходу и къ оставленію поля сраженія. Все это дѣлаетъ красныхъ менѣе чувствительными къ обходамъ и прорывамъ и придаетъ ихъ фронту извѣстную стойкость, которую гримъ нашихъ реляцій называетъ упорнымъ сопротивленіемъ, упорствомъ боя.

Южная армія разрѣзана пополамъ и перестала существовать, какъ организованное воинское соединеніе. Гибель этой арміи надо поставить полностью на счетъ безграмотной стратегіи и честолюбія Лебедева и Ко. Они задержали своевременный отходъ этой арміи ради обезпеченія своей Челябинской авантюры; они игнорировали совершенно ея тяжелое положеніе по части снабженій, ибо у ней нѣтъ желѣзной дороги, колесныхъ транспортовъ и ея обозы изъ старыхъ обывательскихъ подводъ уже весной были въ отчаянномъ состояніи (наряды повозокъ казеннаго образца, данные этой арміи изъ заготовокъ Екатеринбургскаго района частью не были выпущены Гайдой, частью были перехвачены тылами Западной арміи).

Когда обнаружилась невозможность удержать за собой Челябинскій районъ, то наши стратеги взвалили на эту несчастную армію задачу прикрывать пути на Туркестанъ и Ташкентскую желѣзную дорогу, вмѣсто того, чтобы разрѣшить Бѣлову идти на соединеніе съ уральцами, что спасло бы армію и очень усилило бы уральцевъ; снабженіе можно было организовать черезъ Гурьевъ и Каспійское море.

Теперь положеніе уральцевъ отчаянное, такъ какъ они предоставлены самимъ себѣ. Все это ягодки нелѣпаго выбора сѣвернаго направленія для весенняго наступленія нашихъ армій; горькая чаша, испитая нами, въ возмездіе за неграмотность тѣхъ, въ руки которыхъ попало высшее руководство бѣлыми вооруженными силами Сибири.

Вечеромъ длинное засѣданіе Совѣта Министровъ; Сукинъ сдѣлалъ докладъ о конфликтѣ, возникшемъ между Америкой и Японіей по Сибирскому вопросу, и сообщилъ содержаніе Американской ноты, въ коей отъ Японіи требуется единство дѣйствій и ей дѣлаются упреки въ двойственной и эгоистической политикѣ.

Сукинъ подчеркнул, что Американская нота указываетъ на обязанность всѣхъ союзниковъ вознаградить Россію за ея потери во время великой войны и заявляетъ о готовности Америки оказать Россіи всякую помощь.

Затѣмъ Сукинъ доложилъ, что по полученнымъ изъ Владивостока свѣдѣніямъ, тамъ сосредоточились представители эсеровъ, подготовляющіе переворотъ и сверженіе Омской власти, послѣ чего предполагается собрать Земскій Соборъ; извѣстно, что представители Англии и Америки уже уведомили свои Правительства объ ожидаемыхъ вскорѣ событіяхъ и о томъ, что по ихъ мнѣнію дни реакціоннаго Омскаго Правительства уже сочтены, причемъ власть перейдетъ въ руки новаго, чисто народнаго Правительства, которое будетъ Всесибирскимъ и немедленно созоветъ Сибирское Учредительное Собраніе и Земско-Городской Соборъ.

Руководителемъ переворота выступить сидящій во Владивостокѣ Гайда, обѣщавшій эсерамъ активную помощь чеховъ во Владивостокѣ и Иркутскѣ и полное содѣйствіе главнаго чешскаго комиссара доктора Гирса.

Дѣло считается настолько вѣрнымъ, что замѣститель высокаго комиссара Великобританіи сэра Эллиота О'Рейли видѣлся съ представителями вновь конструируемой власти и обсуждалъ съ ними детали по поводу созыва Собора и созданія Сибирскаго Парламента.

Товарищъ Министра Вн. Дѣлъ подтвердилъ правильность этихъ свѣдѣній; руководство переворотомъ принимаетъ на себя Гайда, желающій отомстить Адмиралу за свою отставку. При проѣздѣ черезъ Иркутскъ Гайда велъ длительные переговоры съ тамошними земцами и эсерами и тогда уже предлагалъ имъ устроить переворотъ и свергнуть Адмирала съ его правительствомъ, но Иркутяне отказались принимать въ этомъ участіе и Гайда уѣхалъ во Владивостокъ, гдѣ и продолжаетъ все время работать надъ подготовкой переворота.

Какъ правъ былъ я, когда совѣтовалъ Адмиралу отправить Гайду за границу черезъ Монголію и Китай; вѣдь и другія лица предупреждали Адмирала, что Гайда очень мстительнъ и всякая задержка его нахожденія въ Сибири очень опасна. Вотъ и доминдальничались!

Непонятно, однако, почему же уже въ Иркутскѣ не были приняты шаги для ликвидаціи этого заговорщика; почему его пустили во Владивостокъ вмѣсто того, чтобы заставить проѣхать черезъ Чань Чунь. Было достаточно времени, чтобы снестись съ Прагой и принять мѣры по обезвреженію подпольной дѣятельности Гирса.

На послѣднемъ совѣщаніи заговорщиковъ рѣшено начать съ поднятія возстанія въ Ново-Николаевскѣ и Иркутскѣ, причемъ они будутъ поддержаны чехами и польскими войсками, а затѣмъ произвести переворотъ во Владивостокѣ. Считаютъ, что этого будетъ достаточно, чтобы задушить Омскую власть.

Данныя о заговорѣ и о дѣятельности Гайды были заявлены генералу Жанену, который заявилъ, что за Владивостокскихъ чеховъ онъ не ручается, а что касается Иркутска, то онъ послалъ генералу Сыровому телеграмму съ подтвержденіемъ приказа президента Массарика, воспрещающаго чехамъ вмѣшиваться въ русскія внутреннія дѣла.

Одновременно съ переворотомъ рѣшено открыть во Владивостокѣ Земско-Городской Соборъ, члены котораго уже намѣчены и частью уже выѣхали во Владивостокъ. Эсеровскіе главари движенія усердно стараются привлечь къ себѣ симпатіи союзниковъ, указывая, что все движеніе совершается по волѣ народа, возстающаго противъ Колчака и реакціонеровъ; особенно сильно обрабатываютъ они американцевъ и Владивостокское американское начальство, всегда враждебное по отношенію къ Омскому режиму.

Слѣпенькіе эсерчики усердно работаютъ на пользу Ленину со товарищи; они воображаютъ, что, сваливъ Омскъ, они сдѣлаются властью.

Трудно понять поведеніе союзниковъ; они держатъ въ Омскѣ своихъ представителей и оказываютъ намъ помощь; во всемъ, что касается необходимости измѣнить общій курсъ правительства, они молчатъ, какъ убитые, называя это невмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла. И въ то же время во Владивостокѣ ихъ представители имѣютъ сношенія съ тѣми, которые собираются на дняхъ скovyрнуть этотъ самый Омскъ. По неволѣ начинаешь думать, не правы ли тѣ скептики, которые увѣряютъ, что всей Европѣ нужно расчлененіе и обезсиленіе Россіи, и что никто тамъ и не думаетъ желать, чтобы вновь на политическомъ горизонтѣ появилась могущественная и реформированная Россія. Съ точки зрѣнія чести и совѣсти это чудовищно, но говорятъ, что въ трезвой политикѣ властвуютъ только эгоизмъ и расчетъ.

Я не могу защищать Омскую власть; ея дѣятельность за 10 мѣсяцевъ ея существованія принесла только вредъ и разруху; но всякій насильственный переворотъ будетъ сейчасъ только на руку большевикамъ, ибо эсеровское правительство, попавъ ко власти при такой обстановкѣ, не удержится и десяти недѣль и будетъ слопано большевиками безъ всякаго труда.

Очевидно, приближается время бурных потрясеній. Только громовый успѣхъ на фронтѣ можетъ отсрочить нависшую уже катастрофу; судьба очередного часа Россіи въ рукахъ Иванова-Ринова.

Союзники, очевидно, насъ уже взвѣсили и начинаютъ понемногу насъ бросать; отъѣзды на востокъ Высокихъ Комиссаровъ очень знаменательны: очевидно, имъ слѣдуетъ оказаться не въ Омскѣ, если произойдутъ какія-нибудь событія. Свѣдѣнія о настроеніи чеховъ внушаютъ серьезную тревогу.

Въ отношеніяхъ союзниковъ все больше и больше прорѣзываются демократическія симпатіи, а мы — неизвѣстно только почему — считаемся на положеніи черныхъ реакціонеровъ (очевидно, вся грязь Читы, Хабаровска и атаманщины легла и на очень дряблый, бессистемный, болтающийся, но отнюдь не реакціонный Омскъ).

Назвать Адмирала реакціонеромъ было бы подлостью; что касается состава Совѣта Министровъ, то при всемъ отрицательномъ отношеніи къ результатамъ его дѣятельности, я не могу назвать его даже относительно реакціоннымъ; огромное большинство министровъ настроены весьма прогрессивно, но, конечно, не по большевистски и лѣвоэсеровски; они очень хотятъ, чтобы всѣ недостатки прошлаго были устранены, но, къ сожалѣнію, не умѣютъ этого сдѣлать и барахтаются въ морѣ нежизненныхъ проектовъ, не своевременныхъ, запоздалыхъ, кургузыхъ и половинчатыхъ поправокъ. У Предсѣдателя нѣтъ никакого курса и государственный корабль безпомощно несется по бурному теченію текущей жизни; поднимется опасная скала справа — мы мечемся къ лѣвому берегу; появится опасность слѣва — мы бросаемся вправо, но все это не въ смыслѣ убѣжденной реакціи, а только въ отношеніи примѣненія средствъ.

Даже теперешній хозяинъ положенія — казачья конференція, въ составѣ большинства ея членовъ, не можетъ быть названа реакціонной, несмотря на то, что по казачьей солидарности она держитъ какъ бы руку Семенова; ея лидеры понимаютъ, что полный возвратъ къ старому невозможенъ и это опредѣленно видно въ ихъ союзѣ съ Гос. Эк. Совѣщаніемъ и въ принятой ими программѣ.

Никакой переворотъ положенія не измѣнитъ; нужна крутая перемѣна въ практической работѣ правительства, въ его составѣ, въ систематичности работы, въ приближеніи къ населенію и его нуждамъ.

Поднялъ вопросъ о необходимости немедленно начать эвакуацію чеховъ на Владивостокъ и дальше, а, если можно, то и на Чань Чунь и Дайренъ для посадки тамъ на срочномъ, не останавливаясь передъ расходами, нанятые пароходы; мнѣ отвѣтили, что это недопустимо, такъ какъ имѣются самыя непреложныя свѣдѣнія о томъ, что чехи горятъ желаніемъ оказать намъ активную помощь и что уже посланы весьма надежныя и компетентныя среди чеховъ лица для того, чтобы выработать необходимое соглашеніе. Поистинѣ здравый смыслъ насъ совсѣмъ покинулъ.

Слушалъ рассказы офицеровъ Ставки о томъ, какъ Дитерихсъ почти что силой захватилъ тыловой поѣздъ генерала Вержбицкаго, и о тѣхъ запасахъ всякаго добра и снабженія, которые тамъ оказались, выслушалъ почти анекдотическій по своей внѣшности, но ужасный по своей правдѣ и внутреннему значенію рассказъ о томъ, какъ во время описи контролемъ имущества этого поѣзда, находившійся при этомъ поѣздѣ священникъ, совершенно пьяненькій, все время упрашивалъ комиссію прекратить опись: «подумайте только, сколько труда и работъ положено на все это Его Превосходительствомъ, а вы все собираетесь разгромить»... такъ приставалъ къ контролеру словоохотливый батюшка...

13 Сентября. Былъ въ Ставкѣ; оказалось, что тамъ ничего не знаютъ про Владивостокскій заговоръ; очевидно, вся дѣятельность контръ-развѣдки ушла на выдумываніе несуществующихъ заговоровъ, на сборъ сплетенъ и на разную мелочь.

Вечеромъ получилъ изъ Ставки очень неумѣло и, очевидно, заднимъ числомъ и на слѣхъ сфабрикованное донесеніе по поводу Владивостокскихъ свѣдѣній; очевидно, контръ-развѣдка пыгается спасти лицо и показать свою освѣдомленность, но выполнила это такъ неудачно, что бѣлыя нитки вылѣзли изъ всѣхъ швовъ.

Харбинъ срочно донесъ, что получены достовѣрныя, не внушающія ни малѣйшаго сомнѣнія свѣдѣнія, что у Семенова, ѣздившаго недавно въ Мукденъ, состоялось соглашеніе съ Чжанъ-Изо-линомъ на тему о созданіи независимыхъ Маньчжуріи и Монголо-Бурятіи съ самодержавіемъ Чжана въ Маньчжуріи и Григорія I (по моему III, считая Отрепьева и Распутина) въ Монголіи.

Считаютъ, что рождено это въ японскихъ головахъ и будетъ проведено подъ японскимъ флагомъ.

Для Японіи будетъ чрезвычайно выгодно имѣть своихъ вѣрныхъ и многообязанныхъ ставленниковъ въ столь важныхъ военныхъ и экономическихъ районахъ Азіатскаго Материка; кромѣ того, это очень серьезное расчлененіе колоссальнаго китайскаго дракона и большая гарантія отъ будущихъ китайскихъ неприятностей.

Хорватъ доноситъ, что имъ получены свѣдѣнія о намѣреніи Семенова занять своими войсками китайскую жел. дорогу и что обнаружено сосредоточеніе его броневыхъ поѣздовъ по направленію къ станціи Маньчжурія.

Мнѣ думается, что это фабрикатъ Харбинской контръ-развѣдки, такъ какъ силы Семенова слишкомъ слабы, чтобы справиться даже съ китайскими войсками; японцы же никогда не рискнутъ на активное выступленіе противъ Китая, ибо это будетъ равносильно открытому разрыву съ Америкой.

Въ Ставкѣ родили — и подъ большимъ секретомъ — новый проектъ устройства санитарной части на всей территоріи государства, но съ выдѣленіемъ Дальняго Востока въ самостоятельную единицу. Определенно ясно, что весь проектъ рожденъ для устройства вновь заведшейся въ Ставкѣ песьей мухи, нѣкоего доктора Краевскаго и для созданія новой должности для начальника санитарной части Ставки доктора Сезеневскаго, мечтающаго вернуться на Дальній Востокъ.

Докторъ Краевскій изъ числа песьихъ мухъ заграничнаго привоза и, кажется, очень пришелся по стати къ родственнымъ ему типамъ Омскаго болота.

Вообще, очень жаль, что Омскъ не имѣетъ своего Гнѣдича, который нашелъ бы здѣсь богатѣйшій матерьялъ для нѣсколькихъ томовъ послѣреволюціоннаго варианта «Песьихъ Мухъ».

14 Сентября. Все утро провелъ въ экстренномъ совѣщаніи Совѣта Министровъ, разсматривавшаго срочный вопросъ о преобразованіи Гос. Экон. Совѣщанія въ законосовѣщательный органъ.

Очень характерно, что всѣ наиболѣе капитальныя и важныя реформы мы начинаемъ въ самыя бурныя минуты нашего существованія и когда кризисъ или катастрофа надвинулись на насъ вплотную или совсѣмъ нависли надъ нашими головами.

Когда же все спокойно и прочно, то о реформахъ забывается, и государственный аппаратъ занимается пережевываніемъ равной мелочи или пустяковымъ ремонтомъ старой завали.

Нужно, чтобы неумолимый ходъ событій хватилъ насъ по башкѣ, и тогда мы схватываемся, какъ оглашенные, и начинается кипучая, суматошливая работа, безтолковая и крикливая толчея. Все это и рождаетъ наши законодательныя и административныя выкидыши и недоноски.

Говорили въ Совѣтѣ много и горячо; слушалъ съ грустнымъ удивленіемъ, ибо видѣлъ, что эти люди не способны разобратъся въ обстановкѣ и найти вѣрное и практически разумное рѣшеніе.

Всѣ соглашались, что необходимо въ самомъ срочномъ порядкѣ перейти на систему высшаго управленія съ участіемъ въ работѣ Правительства законно выбранныхъ представителей населенія всей страны; но рядомъ были рѣчи, въ которыхъ, какъ и раньше, звучали нотки боязни, что собраніе этихъ представителей окажется странномъ крокодиломъ, и, подобно Зевсу, скушаетъ собственнаго родителя.

Я высказалъ, что въ такихъ вопросахъ и въ такое время неискренность и половинчатыя рѣшенія недопустимы. Разъ всѣ согласны, что представительство необходимо, то нечего создавать разные страхи и останавливаться на полдорогѣ. Нужно только сдѣлать все, чтобы въ новый органъ попали настоящіе, дѣловые представители Сибир-

скаго населенія, а не наѣзжіе оратели, какъ то бывало въ Сибири при выборахъ въ Государственную Думу и Учредительное Собраніе.

Если это будутъ настоящіе представители населенія, которые насъ слопаютъ, то такова, значить, историческая необходимость, отъ которой не уйти никакими предохранительными мѣрами; пусть лучше насъ смѣнитъ такое совѣщаніе, а не заговорщики всеры или комиссары-большевики.

Поздно вато все это затѣяно; всѣ стѣны нашей храмины уже сгнили, фундаменты покосились, крыша трещить, а мы только что начинаемъ думать о ремонтѣ и занимаемся дискуссіями на счетъ выбора тѣхъ или другихъ демократическихъ подпорокъ.

Поздно вато настолько, что поднимаются сомнѣнія въ той реальной пользѣ, которую сможетъ принести это дополненіе правительственной власти, разъ все остальное останется совсѣмъ или малоизмѣненнымъ. Придаетъ ли оно власти авторитетъ, дастъ ли ей реальные силы управленія, понужденія и воздѣйствія?

Сейчасъ созывъ такового совѣщанія — это послѣдняя ставка наличной власти на то, чтобы заставить населеніе повѣрить въ желаніе власти работать на его пользу; это послѣдняя, выжатая обстоятельствами и поздняя попытка сломать недоувѣріе нашего подозрительнаго и извѣрившагося уже въ посулы и обѣщанія народа.

Въ вопросѣ о необходимости реформы разногласія въ Совѣтѣ не было, но въ вопросѣ о компетенціи совѣщанія и его правахъ контролировать агентовъ власти голоса раздѣлились поровну — новое подтвержденіе того, какой оригинальный у насъ «объединенный кабинетъ».

Не могу понять, какіе доводы побудили шесть министровъ голосовать противъ права запросовъ и права контроля; неужели они не понимаютъ, что времена, когда можно было скрываться за разныя ширмы, уже прошли. Никто не спорить, что эти права будутъ крайне неприяты для агентовъ власти, утяжелять ихъ положеніе, отнимутъ у нихъ много рабочаго времени, но что-же дѣлать, когда все такъ властно этого требуетъ. Надо считаться съ тѣмъ, что власти никто не вѣритъ; надо жизнью и дѣйствительностью сломать недоувѣріе; показать въ открытую всю свою работу, ея достоинства и недостатки — пусть оцѣнятъ первыя и помогутъ устранить вторые.

Умная власть должна желать и запросовъ и контроля; контроль помогаетъ найти зло тамъ, гдѣ сама власть его не досмотритъ; запросы даютъ выходъ накопившейся любознательности, анализу, критикѣ (даже и злобной) и желанію показать свое значеніе и свою прозорливость, т. е. тому, что свойственно всякому вновь попавшему ко власти собранію.

Видѣлъ Адмирала; видъ у него усталый и озабоченный; дѣла на фронтѣ очень далеки отъ того, что ожидалось; резервы исчерпаны, а пополненій нѣтъ. Ставка гонитъ на фронтъ кучи новобранцевъ, не пробывшихъ и недѣли въ резервныхъ частяхъ, не соображая, что это не усиленіе, а ослабленіе фронта.

Высказалъ Ставкѣ, что невозможно посылать на фронтъ такія пополненія; отвѣтили очень раздраженно и съ подчеркиваніемъ, что начальники резервныхъ бригадъ другого мнѣнія и считаютъ пополненія годными для высылки на фронтъ; при этомъ все же добавили, что иныхъ пополненій уже нѣтъ, а потому исполняютъ рѣшительный приказъ Дитерихса выслать все, что только имѣется въ тылу.

Вотъ, къ чему приводитъ начало операціи на сѣвѣхъ, безъ разсчета и безъ повѣрки готовности всего, что обезпечиваетъ ходъ, развитіе и успѣхъ всякой большой военной операціи.

Надежды на рѣшительный успѣхъ коннаго корпуса сильно потускнѣли; есть слухи, что Ивановъ-Риновъ не исполнилъ данныхъ ему директивъ и что казаки увлеклись преслѣдованіемъ разбитой ими красной бригады и ушли куда-то въ сторону. Если это вѣрно, то наше дѣло совсѣмъ плохо.

15 Сентября. Получилъ, подписанный Дитерихсомъ, приказъ по Ставкѣ о реформѣ санитарной части, причемъ въ Военномъ Министерствѣ упразднено все Главное Военно-Санитарное Управленіе.

Сдѣлано это совершенно беззаконно, ибо Дитерихсъ не имѣетъ права распоряжаться въ Военномъ Министерствѣ, и, кромѣ того, всѣ реформы по министерствамъ подлежатъ разсмотрѣнію и одобренію Совѣта Министровъ; затѣмъ это сдѣлано не только помимо моего вѣдома, но зная, что я опредѣленно противъ и согласія не дамъ.

Кучка самоустроителей рѣшила воспользоваться особой Омской обстановкой и нахрапомъ провести выгодную для нихъ, но вредную для дѣла реформу, они обманули Адмирала и добились его согласія, рассчитывая, что потомъ отсидятся за этимъ согласіемъ отъ всѣхъ моихъ нападеній. Главнымъ начальникомъ санитарной части назначенъ, конечно, докторъ Краевскій; онъ явился сегодня въ Главное Санитарное Управление, но я приказалъ его выгнать и его распоряженій, какъ незаконныхъ, не исполнять.

Написалъ Дитерихсу и прошу остановить опубликованіе приказа, какъ явно незаконнаго, до тѣхъ поръ, пока я не доложу всего Адмиралу.

Прислали на заключеніе докладъ по поѣздкѣ на Дальній Востокъ нынѣшняго инспектора добровольческихъ формированій генерала Голицына. Выгнанный съ фронта, онъ выклянчилъ себѣ служебную командировку во Владивостокъ и, вернувшись, представилъ Адмиралу докладъ, въ которомъ съ развязностью Ивана Александровича Хлестакова и съ неменьшимъ знаніемъ дѣла разрѣшилъ и разрубилъ всѣ главные вопросы и проблемы нашего дальневосточнаго положенія.

Докладъ попалъ мнѣ подъ злую руку; прочитавъ его, написалъ на поляхъ убѣдительную просьбу не обременять мое рабочее время чтеніемъ хлестаковщины, сочиненной превосходительнымъ гастролеромъ, слишкомъ быстро выскочившимъ въ генералы и не успѣвшимъ по дорогѣ, за краткостью времени, ничему научиться.

Правитель канцеляріи, ничтоже сумняшеся, сообщилъ эту резолюцію въ Ставку и автору доклада.

Вечеромъ былъ приглашенъ въ Совѣтъ Верховнаго Правителя по поводу созыва Государственнаго Совѣщанія. Адмиралъ открылъ засѣданіе очень горячей рѣчью, въ которой старался доказать несвоевременность такой реформы; очевидно, онъ былъ нафаршированъ кѣмъ нибудь изъ ближайшаго, совѣтническаго антуража.

Первымъ отвѣчалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, высказавшійся самымъ рѣшительнымъ образомъ за созывъ совѣщанія и предоставленіе ему законодательныхъ функцій; всѣ остальные члены совѣта поочередно высказали свое полное согласіе съ мнѣніемъ Пепеляева и свое убѣжденіе въ неотложности этой мѣры.

Адмиралъ страшно смутился; было несомнѣнно, что по чьему то докладу онъ ожидалъ совсѣмъ другихъ рѣчей.

Послѣ непродолжительнаго обмѣна мыслями, было рѣшено возможно скорѣе собрать Государственное Совѣщаніе съ законодательными функціями, и съ преобладаніемъ въ немъ представительства крестьянъ и казаковъ т. е. главной массы кореннаго и трудового населенія Сибири.

16 Сентября. Наступленіе выдохлось и замерло; кое-гдѣ продолжаютъ небольшія стычки и мы еще сохраняемъ свое положеніе; боюсь, что это продолжится не долго, а тогда вымотанные въ конецъ части покатаются вновь назадъ. Остановить ихъ и поддержать будетъ уже нечѣмъ; честолюбивые игроки израсходовали всѣ ресурсы, уложили всѣ резервы; то, что начали Ледебевъ и Сахаровъ, докончили Дитерихсъ и Андогскій. И, если грядущая катастрофа разразится и бѣлое движеніе, начатое въ Сибири полтора года тому назадъ, окончится полнымъ крахомъ, то красные окажутся очень благодарными, если не поставятъ благодарственнаго памятника этимъ бѣлымъ генераламъ и не наградятъ ихъ заочно всѣми красными наградами за дѣятельную помощь по сокрушенію сибирскихъ армій.

Ивановъ-Риновъ получилъ отъ Адмирала Георгіевскій Крестъ за первый успѣхъ своего корпуса, а затѣмъ почилъ на лаврахъ; по свѣдѣніямъ Ставки онъ не исполнилъ шести повторныхъ приказовъ Дитерихса и Адмирала двинуться на Курганъ въ тылъ красныхъ.

Свершилось то, чего боялся; послѣдній нашъ козырь, попавъ въ руки этого полицейскаго ничтожества и очевиднаго труса, пропалъ. Послѣ этого для насъ уже нѣтъ выхода и весь вопросъ въ томъ, сумѣемъ ли протянуть военныя дѣйствія до зимы.

Дитерихсъ отдалъ приказъ по арміямъ съ благодарностью за побѣды; стиль приказа напоминаетъ рубленные фельетоны Дорошевича съ добавкой выкриковъ и пустопорожныхъ фразъ. Приплетены, неизвѣстно для чего, и Магометъ, и Будда, коимъ тоже воздается хвала; это *poiveauté* въ стилѣ религіознаго интернаціонала; недаромъ Голицынъ завелъ у себя мусульманскія дружины и зеленыя знамена съ полумѣсяцемъ.

Адмиралъ наградилъ Сахарова Георгіемъ 3-й степени; какое униженіе для этой великой награды; какая профанация почетнаго бѣлаго креста.

Адмиралъ не понимаетъ, что ему не слѣдуетъ раздавать Георгіевскіе кресты безъ разсмотрѣнія Георгіевской Думой; вѣдь и Государь въ послѣднее время избѣгалъ давать эту награду лично и требовалъ предварительнаго разбора представленія въ Думѣ.

На дняхъ онъ далъ Георгія 4-й степени такъ называемому морскому Министру к.-адмиралу Смирнову за какой-то прорывъ рѣчной флотиліи во время боевъ сибирской арміи на р. Камѣ; знакомые съ этимъ дѣломъ утверждаютъ, что ни одна Дума не присудила бы за это дѣло Георгія.

17 Сентября. До чего Омскъ способенъ на измышленіе разныхъ сенсацій показываетъ ползающій сегодня по городу слухъ, что во Владивостокѣ произошелъ переворотъ и учреждено новое Правительство въ составѣ Гайды, Хорвата и генерала Болдырева.

Включеніе въ эту комбинацію фамиліи Хорвата достаточно опредѣленно гарантируетъ 100% ложности этого слуха, и тѣмъ не менѣе ему вѣрятъ, волнуются и создаютъ разные будущія вѣроятности. Очевидно, что чьи-то юркія уши подобрали обрывки разныхъ разговоровъ, сводокъ и свѣдѣній и скомбинировали все это вмѣстѣ.

Настаиваю, чтобы Ставка предоставила полчаса разговора по прямому проводу Омскъ Владивостокъ какому-либо органу освѣдомленія для держанія насъ въ курсѣ Владивостокскихъ событій и ориентировки Владивостока о томъ, что дѣлается въ Омскѣ; это лучший способъ бороться съ пропагандой и сплетней. Правда, что большая часть времени по прямому проводу разобрана союзниками, но все же есть возможность удѣлить полчаса на настоящее освѣдомленіе.

Объявлена грамота Верховнаго Правителя о созывѣ Государственнаго Совѣщанія; редакция мнѣ не понравилась, а стиль напоминаетъ переводъ съ иностраннаго языка.

Очень жаль, что Адмиралъ поддакъ на рѣшеніе Совѣта Министровъ и не возложилъ теперь же обязанности Государственнаго Совѣщанія на выборный составъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія; это сразу претворило бы посулы и обѣщанія въ настоящее дѣло. Одновременно слѣдовало бы воспользоваться случаемъ и отправить Совѣтъ Министровъ и Временное Совѣщаніе въ Иркутскъ, подальше отъ всякихъ фронтовыхъ случайностей.

На фронтѣ мы выдохлись окончательно и не безъ труда отбиваемъ переходъ красныхъ къ активнымъ дѣйствіямъ; сводка отмѣчаетъ усиленіе красныхъ частей; больно и противно читать въ вѣдомостяхъ сводки про такія красныя части, которыя во фронтовыхъ реляціяхъ показаны совершенно уничтоженными.

Ивановъ-Риновъ отказался окончательно исполнить приказъ Главнокомандующаго о движеніи въ тылъ красныхъ; здѣсь считаютъ ошибкой, что Дитерихсъ не вызвалъ его къ себѣ, какъ бы для полученія инструкцій и не отдалъ приказа его замѣстителю; говорятъ, что дивизіями коннаго корпуса командуютъ молодцы, которые повели бы за собой свои части.

Ивановъ-Риновъ крѣпко базируется на свое званіе выборнаго атамана. Въ этомъ много сквернаго для настоящаго и еще болѣе опаснаго для будущаго.

То положеніе, которое занялъ сейчасъ И.-Р. въ Омскѣ заставляеть особенно желать чтобы Правительство уѣхало въ какое-либо болѣе безопасное отъ такихъ вліяній мѣсто. Правительству надо быть подальше отъ разныхъ честолюбій, особливо же военныхъ и казачьихъ; омскіе перевороты достаточно это доказали.

18 Сентября. Подъ чьимъ то вліяніемъ и ничего мнѣ не говоря, Адмиралъ не сдержалъ данныхъ мнѣ обѣщаній по моему докладу о невозможности ломать управление округами и далъ согласіе на проектъ Дитерихса и на назначеніе Хрещатицкаго инспекторомъ формированій на Дальній Востокъ.

Я достаточно определенно высказалъ свои взгляды по этимъ вопросамъ и изложилъ свое мнѣніе о вредности этихъ реформъ и назначеній; я получилъ завѣреніе, что мои взгляды приняты во вниманіе и уважены, но это завѣреніе продержалось всего лишь нѣсколько дней.

При такомъ отношеніи ко мнѣ, удостоенному быть ближайшимъ сотрудникомъ Адмирала въ управленіи военнымъ вѣдомствомъ, я не желаю оставаться болѣе въ этой должности и ждуть пріисканія мнѣ замѣстителей.

Адмиралу слѣдовало бы видѣть, что въ моихъ требованіяхъ нѣтъ ничего личнаго и что я только защищаю интересы нашего общаго дѣла, т. е. исполняю то, къ чему обязываетъ мой долгъ и занимаемое положеніе.

Очевидно, Адмиралъ лишенъ способности понимать людей; неужели онъ думаетъ, что со мной можно такъ обращаться и я буду все время терпѣть. Неужели онъ не понимаетъ, насколько некорректенъ его поступокъ по отношенію къ тому, кого онъ столько разъ просилъ не уходить съ поста военного министра. Онъ облеченъ правомъ все отмѣнить и все приказать, но его положеніе обязываетъ дѣлать это открыто, а не исподтишка. Повторяется то же, что онъ сдѣлалъ со Степановымъ.

Я понимаю, что его на это толкаютъ; меня надо заставить уйти, ибо я мѣшаю многимъ, поэтому все и дѣлается такъ, чтобы поставить меня въ такое положеніе, чтобы я не могъ оставаться. Неизвѣстно, для чего все это дѣлается, такъ какъ гораздо проще было бы дать согласіе на мою отставку, которую я такъ давно прошу.

Я вполне сознаю свою непригодность для службы въ этой компаніи и прошу только одной льготы — разрѣшенія доѣхать до Харбина въ своемъ теперешнемъ вагонѣ, такъ какъ здоровье мое настолько скверно, что иначе мнѣ будетъ очень тяжело ѣхать.

Утромъ я былъ у Адмирала и онъ ничего мнѣ не сказалъ; поразило меня только то, что встрѣтивъ меня въ залѣ, онъ невѣроятно смутился, подошелъ къ висящей у него въ кабинетѣ картѣ полярныхъ экспедицій и нѣсколько минутъ какъ-то безцѣльно водилъ по ней пальцемъ, ничего мнѣ не говоря.

Передо мной у него былъ Хрещатицкій, съ которымъ я встрѣтился въ передней; очевидно, онъ только что вырвалъ у Адмирала согласіе и подпись устраивавшаго его приказа. Адмиралъ наткнулся на меня совершенно неожиданно и, очевидно, почувствовалъ себя настолько виноватымъ, что это и вызвало послѣдующую нѣмую картину.

Послалъ докладъ объ увольненіи, изложивъ невозможность занимать столь отвѣтственный постъ при томъ недоверіи и пренебреженіи, которое мнѣ оказаны; то-же самое донесъ и Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Сослуживцы упрекали меня, что я отказался отъ назначенія Намтаверхомъ и Военнымъ Министромъ, когда мнѣ это было предложено.

Я не зналъ, правильно ли я тогда поступилъ, но сегодня узналъ, что я былъ правъ; къ стилю Адмирала я не подхожу, и несомнѣнно, что мое пребываніе на вышеуказанныхъ высокихъ должностяхъ не продолжилось бы и нѣсколькихъ сутокъ.

Вся польза свелась бы развѣ къ тому, что за это время я успѣлъ бы прогнать изъ Ставки кое-какую дрянь, но вѣдь и она вернулась бы обратно послѣ моего ухода.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ; министры финансовъ и иностранныхъ дѣлъ доложили о положеніи Дальняго Востока — политическомъ и финансовомъ.

Выяснено, что между дальневосточными атаманами идутъ оживленныя сношенія въ связи съ тяжелымъ положеніемъ Омска и Правительства; атаманы считаютъ, что наша пѣсня спѣта (въ Читѣ уже нѣсколько разъ праздновали взятіе красными Омска и бѣгство правительства; то же было и въ красныхъ кругахъ Харбина и Владивостока), и готовятъ дѣлать остающіяся безхозяйными ризы. Пока, намѣчена полная автономія всего Дальняго Востока подъ главенствомъ Семенова и подъ негласнымъ протекторатомъ Японіи; сейчасъ идетъ захватъ всѣхъ идущихъ съ востока грузовъ; захватъ Семеновымъ перваго эшелона золотого запаса, отправленнаго на Владивостокъ, обильно снабдилъ Читу золотой валютой и поднялъ атаманское настроеніе.

20 Сентября. Утромъ едва всталъ, чтобы идти на службу, все время сильный озноб и рвущія боли въ области печени; боюсь, что занервничался и перетянулъ себя въ работѣ.

На послѣдокъ обрадованъ извѣстіемъ о приобрѣтеніи въ Америкѣ патроннаго завода и о полномъ вѣроятіи приобрѣсти станки и машины ружейнаго завода, изготовлявшаго наши трехлинейки; это большой шагъ для скорѣйшаго перехода на собственное производство главнѣйшихъ предметовъ боевого снабженія. Патронный заводъ направится въ Кабаровскъ, гдѣ на территоріи арсенала есть зданія и все необходимое.

Кромѣ того намъ удалось спасти часть станковъ Златоустовскаго и другихъ уральскихъ заводовъ; сейчасъ эти заводы устраиваются вдоль сибирской магистрали и общаются къ веснѣ наладить нѣкоторые отдѣлы нашего военного снабженія.

Инженерная часть, руководимая энергичнымъ и нешаблоннымъ Кохановымъ, уже многое наладила по части заготовки разныхъ видовъ технического снабженія (до очень хорошихъ телеграфныхъ оборотовъ включительно); подтянулась и санитарная часть.

Не легко все это далось, но все же есть утѣшеніе, что работалъ и измывался недаромъ. Обидно, что мои просьбы наладить кустарныя производства холста и сукна, обращенныя къ министрамъ земледѣлія и торговли, оказались такъ и невыполненными; это оставляетъ насъ въ зависимости отъ заграничныхъ заказовъ.

Ставка совершенно ошалѣла и проводить разныя командировки, причемъ трудно даже сказать, какая изъ нихъ наиболѣе нелѣпая. На дняхъ ко мнѣ явился присланный Ставкой очень бравый полковникъ, измыслившій для себя командировку въ Хиву и Бухару для руководства сверженіемъ большевиковъ и совмѣстныхъ затѣмъ дѣйствій противъ ихъ тыла. Приказано ассигновать ему нѣсколько десятковъ пудовъ серебряной монеты и выдать разное снабженіе. Въ связи съ этой командировкой въ Совѣтъ Министровъ внесенъ проектъ правительственныхъ грамотъ на имя Эмира Бухарскаго и Хана Хивинскаго, съ тѣмъ, чтобы эти грамоты были вручены сему bravому полковнику для передачи по назначенію.

Я рѣшительно протестовалъ противъ обсужденія текста этихъ грамотъ, высказавъ, что такіе документы присылаются съ особыми послами и вручаются въ торжественной аудіенціи, а не проносятся зашитыми подъ подкладку шинели или задѣланными въ сапоги, какъ-то придется дѣлать нашему полковнику, собирающемуся пробираться въ Бухару со стороны Китайскаго Туркестана и переодѣтымъ.

Я высказалъ, что уважающему себя правительству не слѣдуетъ дѣлать того, что носить смѣшной, опереточный характеръ. Но большинство было другого мнѣнія и текстъ этихъ грамотъ былъ утвержденъ.

Всюду нарождаются добровольные формирователи, рвущіе послѣдніе запасы снабженія; я дѣлаю наряды снабженія для Иркутскаго округа, но это кассируется именемъ Адмирала, и снабженіе передается Голицыну, у котораго нѣтъ и одной двадцатой того числа людей, на которыхъ онъ получаетъ все снабженіе.

Недавно въ районѣ Томска организовался на наши средства какой-то Ижевскій отрядъ, оказавшійся фальшивымъ и предназначенный для захвата Омска при проѣздѣ черезъ него въ направленіи на фронтъ; контръ-развѣдка успѣла раскрыть это за нѣсколько часовъ до посадки отряда на желѣзную дорогу, но мѣры по ликвидаціи принять не успѣли, и большая часть отряда съ нашими винтовками, пулеметами и отпущенными на его формирование милліонами ушла на сѣверъ въ Тобольскую тайгу, создавъ угрожающее положеніе въ тылу самаго Омска.

Вмѣсто упрощенія организаціи у насъ идутъ все новыя формированія; за послѣднее только время родились штабы южной группы (создана для устройства Лебедева), отдѣльнаго коннаго корпуса (созданъ ради честолюбія Иванова-Ринова), инспектора добровольческихъ формированій (для пропитанія Голицына), инспектора стратегическаго резерва (для пропитанія Хрещатицкаго), но ничего не слышно по части сокращеній.

При каждомъ штабѣ пышно расцвѣтаетъ контръ-развѣдка и освѣдомленіе, послѣднее почти обязательно съ собственной газетой.

Среди освѣдомленія неизбѣжно маячитъ весьма темная фигура полковника Клерже, обвиняемаго въ подстрекательствѣ казаковъ нашего персидскаго корпуса къ истребленію неугодныхъ имъ офицеровъ и въ насиліяхъ и вымогательствахъ надъ жителями города Перми; кромѣ того онъ приговоренъ военнымъ судомъ къ исключенію изъ службы и за-

ключенію въ крѣпость за оскорбленіе бывшаго начальника главнаго штаба генерала Марковскаго, но этотъ приговоръ, по таинственному докладу Ставки, адмираломъ аннулированъ, причѣмъ объ этомъ запрещено говорить и писать.

Поданный по этому дѣлу докладъ-протестъ Главнаго Военнаго Прокурора оставленъ Ставкой безъ отвѣта.

Совершенно неожиданнымъ оказался докладъ генерала Щербакова, ѣдившаго въ Семирѣчье съ порученіемъ Адмирала разобратъся съ тамошнимъ положеніемъ и съ нареканіями на сидящаго тамъ атамана Анненкова. Щербаковъ (самъ семирѣченскій казакъ) вынесъ такое заключеніе, что всѣ нареканія на Анненкова измышлены штабомъ южнаго отряда, и что этотъ атаманъ представляетъ собой рѣдкое исключеніе среди остальныхъ сибирскихъ разновидностей этого званія; въ его отрядѣ установлена желѣзная дисциплина, части хорошо обучены и несутъ тяжелую боевую службу, причѣмъ самъ атаманъ является образцомъ храбрости, исполненія долга и солдатской простоты жизни.

Отношенія его къ жителямъ таковы, что даже и всѣми обираемые киргизы заявили, что въ районѣ Анненковскаго отряда имъ за все платится и что никакихъ жалобъ къ Анненковскимъ войскамъ у нихъ нѣтъ.

Надо думать, что этотъ докладъ достаточно близокъ къ истинѣ, такъ какъ Щербаковъ человѣкъ наблюдательный, съ собственнымъ твердымъ взглядомъ и умѣньемъ разбираться въ вещахъ и людяхъ; прежнее представленіе объ Анненковѣ, какъ о сугубомъ разбойникѣ, онъ объясняетъ враждебнымъ отношеніемъ къ этому отряду штаба генерала Бржозовскаго, и тѣми двумя полками, которые подъ названіемъ Анненковскихъ черныхъ гусаръ и голубыхъ уланъ наводили ужасъ въ тылу своими грабежами и насиліями надъ мирнымъ населеніемъ. По словамъ Щ. эти полки не были въ подчиненіи А. и послѣдній много разъ просилъ, чтобы ихъ прислали ему въ отрядъ, и онъ быстро приведетъ ихъ въ порядокъ, но въ этомъ ему было отказано.

Тѣ свѣдѣнія, которыя приведены въ докладѣ Щербакова объ устройствѣ Анненковскаго тыла и снабженій, даютъ полное основаніе думать, что въ этомъ атаманѣ большіе задатки хорошаго организатора и самобытнаго военнаго таланта, достойнаго того, чтобы выдвинуть его на отвѣтственное мѣсто.

На фронтѣ ожидается подходъ 2-й красной арміи и переходъ красныхъ въ наступленіе.

Нездоровье ухудшаетъ настроеніе; полонъ самыми мрачными предчувствіями. Надо спасать армію и уходить, ничего не жалѣя, хотя-бы за Байкаль; спасемъ армію, спасемъ будущее; потеряемъ армію — потеряемъ все. Я безконечно радъ, что успѣлъ отправить главные запасы за Обь и на Енисей; это обезпечиваетъ снабженіе арміи при отходѣ ея на востокъ. Пока же, надо укрѣплять линію Иртыша, гдѣ оборона очень благоприятна, ибо фронтъ очень неширокъ, а фланги прикрыты съ сѣвера болотами, а съ юга районами, неудобными для движенія большихъ массъ. И одновременно самая энергичная эвакуація; обстановка такова, что нужно немедленное и героическое рѣшеніе; времена полумѣръ и колебаній прошли, ибо идетъ девятый валъ, подходит двѣнадцатый часъ.

Какъ я завидую сейчасъ краснымъ! Какъ они ни гнусны, но во главѣ ихъ арміи стоятъ рѣшительные люди. Злая судьба обидѣла Сибирь и не дала ей вождей по плечу данному времени; югъ былъ счастливейше, ибо имѣлъ Алексѣева, Корнилова, Маркова и другихъ, но и тамъ судьба быстро погасила наиболѣе сильныя и нужныя для Россіи жизни. Сибирь выставила не мало тысячъ молодыхъ и старыхъ рыцарей долга, чистыхъ энтузіастовъ, подъявшихъ мечъ борьбы за родину.

Но не нашлось вождей, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучія силы; тысячи этихъ борцовъ уже спятъ въ Сибирской землѣ, а всѣ ихъ усилія, ихъ геройскіе подвиги сведены на нѣтъ тѣми, кто, не имѣя никакихъ данныхъ, залѣзъ на верхи военнаго управленія и не принесъ туда ничего, кромѣ ненасытнаго честолюбія, самоніянія и безграмотности по руководству большими операціями и по организаціи настоящей арміи.

Я завидую этимъ павшимъ, ибо они счастливы тѣмъ, что не видятъ, къ какой пропасти приведено то, за что они боролись и какія грязныя руки протянулись къ завѣтному бѣлому знамени; я болѣю душой за уцѣлѣвшихъ, ибо имъ выпала доля все это видѣть

и пить до дна послѣднюю горькую чашу, чашу не личную, а русскую чашу горя, стыда и смерти.

21 Сентября. Все утро въ Совѣтѣ Министровъ, гдѣ шло совмѣстное съ представителями Гос. Экон. Совѣщанія засѣданіе по разсмотрѣнію проекта положенія о Государственномъ Совѣщаніи.

Въ глазахъ зеленые круги; чуть не кричалъ отъ боли, но надо было выгребать, ибо разбирался вопросъ первостепенной важности. Впервые ушелъ изъ Совѣта Министровъ съ чувствомъ радости и удовлетворенія; это было по истинѣ дѣловое, государственное засѣданіе; серьезность положенія и серьезность разсматриваемаго вопроса приподняли общее настроеніе, возвысили всѣхъ до государственнаго пониманія, внесли въ пренія сжатость, дѣловитость и толерантность и сдѣлали все засѣданіе на рѣдкость симпатичнымъ.

Дай Богъ, чтобы это было первой ласточкой настоящей весны нашего обновленія, если ею суждено насъ благословить.

Получилъ приказъ Дитерихса о назначеніи Хрещатицкаго инспекторомъ формируемой Дальняго Востока; очевидно, мой докладъ Адмиралу остался безрезультатнымъ.

Адмиралъ на фронтѣ; послалъ ему еще разъ протестъ по поводу такого назначенія. Сообщишь Головину о своемъ уходѣ и невозможности оставаться при томъ отношеніи къ моимъ основнымъ взглядамъ, которое проявляется Адмираломъ и несомнѣнно подъ вліяніемъ Ставки и какихъ-то темныхъ силъ. Ухожу, ибо въ порядкѣ высшаго военнаго управленія совершаются гибельныя, непоправимыя ошибки и совершаются ради прихоти, честолюбія и эгоистическихъ интересовъ такихъ лицъ, которыхъ надо безпощадно гнать отъ нашего дѣла, которое они грязнятъ. Я сдѣлалъ все, чтобы обратить вниманіе Адмирала на эти ошибки, но оказался безсиленъ остановить скверныя распоряженія и предотвратить зло, ими чинимое. Тогда служба моя кончена, долгъ мой исполненъ. Остальное на совѣсти тѣхъ, кто все это сдѣлалъ.

22 Сентября. Дитерихсъ увѣдомилъ меня, что санитарная реформа, противъ которой я заявилъ протестъ, проведена помимо него непосредственнымъ докладомъ Адмиралу доктора Краевского.

Хороши порядки, при которыхъ такая серьезная и оспариваемая реформа проводится по докладу очень пронырливаго, но случайнаго человѣка, вопреки желанія Военнаго Министра и безъ вѣдома Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Прислали мнѣ на заключеніе проектъ передачи городского театра въ вѣдѣніе освѣдомительнаго отдѣла; одно названіе этого отдѣла дѣйствуетъ на меня на манеръ красной тряпки на достаточно энергичнаго быка. Написалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, что дѣло военныхъ воевать, а не заниматься балаганами; врѣлищами и шантанами не поднять духа подвига и самопожертвованія тамъ, гдѣ его нѣтъ; пусть лучше освѣдомленіе добросовѣстно дѣлаетъ свое прямое дѣло, и выгнать отъ себя всѣхъ примававшихся къ этому дѣлу желтыхъ гаветчиковъ, трусливыхъ аристократовъ и вліятельныхъ родственничковъ, настоящихъ и бывшихъ прохвостовъ, дамъ — пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятныхъ и пр. и пр.

Приходилъ адмиралъ Рихтеръ, способствовавшій проведенію нелѣпой санитарной реформы; онъ очень симпатиченъ, нетребователенъ и, повидимому, порядоченъ, но ограниченъ до невѣроятности и ничего не понимаетъ и не соображаетъ въ санитарномъ дѣлѣ.

Онъ ничего не проситъ, не получаетъ никакого содержанія и бѣгаетъ пѣшкомъ на службу и по службѣ, стѣсняясь просить автомобиля; но когда онъ является въ комиссіи, то вызываетъ улыбки присутствующихъ своимъ незнаніемъ дѣла и полной неосвѣдомленностью. Но онъ близокъ къ Адмиралу и его довѣрчивостью и простотой пользуются, чтобы пролѣзть при его помощи къ Верховному съ разными докладами и проектами.

23 Сентября. Адмиралъ вернулся съ фронта; привезъ въ своемъ поѣздѣ 270 раненыхъ; новые санитарные распорядители устроили показной пріемъ раненыхъ; по этой части убѣдили Адмирала подписать указъ, возлагающій всѣ работы по пріему раненыхъ на общественныя и городскія организаціи.

Противно было смотрѣть, какъ егошли и пытались показать свою энергію новорожденные санитарные юпитеры; ни для кого не секретъ, что это былъ первый поѣздъ съ ранеными, который они удосужились встрѣтить; всѣ старались сами выносить раненыхъ, роняли ихъ съ носилокъ и лили въ нихъ столько молока, что можно было опасаться за ихъ животы.

Не знаемъ мы ни въ чемъ середины; а потомъ очень любимъ втирать очки и показывать начальству не то, что есть на самомъ дѣлѣ; очень уже въѣлись въ насъ эти скверныя привычки.

Отъ Головина узналъ, что въ Ставкѣ разрабатывается какой-то новый проектъ высшаго военнаго управленія съ подчиненіемъ Военнаго Министра Главнокомандующему.

Въ Омскомъ настроеніи полный винегретъ, создаваемый положеніемъ на фронтѣ; обывателю хочется и удрать, и движимость и недвижимость сохранить.

Газеты продолжаютъ бряцать мечами и обѣщать чудеса отъ собирающихся добровольческихъ формированій; Голицынъ устраиваетъ митинги и собранія, но добровольцы нейдутъ.

Платныя перья, захлебываясь отъ патетическаго восторга, описали отправку на фронтъ первой дружины Святого Креста — единственный, пока, результатъ мѣсячнаго раздуванія добровольческаго подъема; картинно описывается, какъ на правомъ флангѣ шель унтеръ-офицеръ Болдыревъ — профессоръ и организаторъ добровольческаго движенія, но упущено добавить, что шель только до вокзала, откуда вернулся на свое мѣсто въ освѣдомительномъ отдѣлѣ и отбылъ въ Ново-Николаевскъ проповѣдывать новый крестовый походъ; послѣднее вполнѣ нормально и въ этой роли онъ будетъ несравненно лучше, чѣмъ на должности ваводнаго унтеръ-офицера, но непріятна ложь и попытки надуть публику. Сейчасъ это хуже, чѣмъ когда-либо.

Большинство населенія, однако, понимаетъ всю серьезность положенія; только немногіе продолжаютъ цѣпляться за надежду на авоську и чудо. Проваль казачьяго бума и добровольческаго набора отрезвили многихъ; чѣмъ больше были надежды, тѣмъ острѣе разочарованіе.

Жаль, что до сихъ поръ власть боится открыто и правдиво объявить о своевременности эвакуаціи Омска; разъ ставка на казаковъ бита, то больше уже играть нечѣмъ; надо готовиться къ тяжелымъ временамъ и всячески облегчить грядущія бѣдствія; сейчасъ еще есть возможность удалить изъ Омска очень многое въ порядкѣ срочной эвакуаціи, а не паническаго бѣгства.

Государственной власти нельзя быть близорукой, а тѣмъ болѣе нельзя подражать отношенію страуса къ опасности.

Получены свѣдѣнія, что въ ночь на 19-е во Владивостокѣ была произведена первая попытка устроить переворотъ, но неудачно. Розановъ, несмотря на протестъ союзниковъ, ввелъ въ городъ надежныя русскія войска и заговорщики скиксовали.

Совѣтъ Министровъ радуется благополучному исходу Владивостокскихъ событій; не раздѣляю этой радости, ибо инцидентъ не ликвидированъ, а только предотвращенъ, а, если къ лигѣ нашихъ внутреннихъ враговъ присоединились эсеры, то наше дѣло плохо и насъ, въ концѣ концовъ, слопаютъ въ тылу, если даже мы выкарабкаемся на фронтѣ.

Эсеры спеціалисты по подкапыванію и опрокидыванію власти; они напрактиковались на этомъ въ борьбѣ съ монархіей, безконечно болѣе сильнымъ противникомъ, и съ нами справиться имъ будетъ не трудно; все населеніе настроено противъ насъ и ищетъ только на кого-бы перенести свои надежды.

Наша гнилая контръ-развѣдка безсильна бороться съ эсерами; она сама прослоена эсеровскими агентами.

Вѣдь, если подсчитать нашъ активъ и пассивъ, то получается самый мрачный выводъ «every item dead against you»; за насъ офицеры, да и то не всѣ, ибо среди молодежи много неуравновѣшенныхъ, колеблющихся и честолюбивыхъ, готовыхъ поискать счастья въ любомъ переворотѣ и выскочить на верхъ, на манеръ многихъ это уже продѣлавшихъ; за насъ состоятельная буржуазія, спекулянты, купечество, ибо мы защищаемъ ихъ матерьяльныя блага; но отъ ихъ сочувствія мало реальной пользы, ибо никакой матерьяльной

физической помощи отъ него нѣтъ. Все остальное противъ насъ, частью по настроенію, частью активно.

Даже союзники, — кромѣ японцевъ, — отъ насъ какъ-то отошли; чехи же опредѣленно настроены противъ насъ настолько, что ничто не гарантируетъ возможности ихъ активной помощи эсеровскому перевороту, вопреки всякимъ гарантіямъ Жанена и приказамъ Массарика.

24 Сентября. Настроение нѣсколько лучше вслѣдствіе хорошихъ извѣстій отъ Деникина; даже у Юденича дѣло какъ будто выправляется.

Слушали сообщеніе прибывшаго отъ Деникина есаула Перфильева; онъ увѣряетъ, что тамъ царитъ порядокъ и законность; это не вяжется съ тѣми свѣдѣніями, которыя привезены офицерами, пробравшимися къ намъ черезъ Каспійское Море; несомнѣнно, что у Перфильева слишкомъ много розовой окраски, а у этихъ офицеровъ, недовольныхъ южными порядками, — слишкомъ все сгущено; очень хотѣлось бы знать, гдѣ лежитъ истина. При томъ размахѣ, который приняло Деникинское наступленіе на одной военной силѣ не удержаться, даже если она и свободна отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, коими больны наши Сибирскія арміи.

Безъ опоры на прочное сочувствіе всего населенія ничего не сдѣлать. Очень тревоженъ составъ ближайшихъ къ Деникину круговъ и административныхъ верховъ; слишкомъ много фамилій, вызывающихъ воспоминанія о непривлекательныхъ сторонахъ недавняго прошлаго; возникаютъ опасенія, что и тамъ, какъ и у насъ, ничего не забыли и ничему не научились.

Съ настроеніемъ Кобленца, съ вождедѣніями реванша и возмездія за все перенесенное и потерянное — Россіи не возстановитъ. Тяжело забыть, тяжело простить, но тотъ, кто истинно хочетъ спасенія родины, тотъ принесетъ ей эту великую жертву.

Перфильевъ завѣряетъ, что до сихъ поръ у нихъ не было возстаній въ тылу и что отношенія между войсками и населеніемъ самыя благожелательныя; пріятно было это слышать; значить, тамъ нѣтъ того, что составляетъ нашу смертельную болѣзнь; значить, тамъ офицерскій составъ удержался на уровнѣ истинно офицерскихъ идеаловъ и не далъ распуститься и низамъ. У насъ по этой части плохо, я имѣлъ случай бесѣдовать съ нѣсколькими старшими священниками фронта и они въ одинъ голосъ жалуются на пошатнувшіяся нравственныя основы офицерства, преимущественно молодого, сильно тронутаго переживаніями войны и революціи; по мнѣнію главнаго священника западной арміи, изъ восьми случаевъ насилія надъ населеніемъ семь приходится на долю офицеровъ (за исключеніемъ казачьихъ частей, гдѣ «пользованіе мѣстными средствами» составляетъ общій и непреложный законъ). Особенно возмущаетъ населеніе отборъ офицерами лучшихъ крестьянскихъ лошадей и притомъ не для войскъ, а для торговли.

Вечеромъ Головинъ сообщилъ мнѣ, что Адмиралъ и Дитерихсъ поражены поданнымъ мною рапортомъ объ отставкѣ и выражаютъ горячее желаніе, чтобы я не уходилъ; затѣмъ, ко мнѣ пріѣхалъ начальникъ штаба фронта генералъ Рябиковъ и уговаривалъ меня остаться. Отвѣтилъ обоимъ, что отъ работы и исполненія долга никогда не отказывался, но что я опредѣленно поставилъ условія, при которыхъ я могу работать и быть полезнымъ общему дѣлу.

Если я нуженъ для дѣла, то нѣтъ никакихъ основаній не удовлетворить эти условія, въ которыхъ нѣтъ ничего личнаго и которыя продиктованы мнѣ моей совѣстью и сознаниемъ отвѣтственности за поручаемое мнѣ дѣло. Я поступилъ всѣмъ личнымъ, пошелъ на всѣ уступки; съ моими доводами согласились и обѣщали все сдѣлать, но затѣмъ, ничего не говоря, сдѣлали все наоборотъ, опредѣленно показавъ, что не хотятъ считаться съ моими взглядами. Адмиралъ и Дитерихсъ могутъ гнуть подъ себя чужіе взгляды и мнѣнія, но только не мои; всю свою жизнь я боролся за то, что считалъ своимъ долгомъ, и теперь не намѣренъ измѣнять своимъ убѣжденіемъ. Я останусь только Военнымъ Министромъ, пользующимся полной поддержкой Верховной власти и уваженіемъ къ моимъ взглядамъ и къ моей программѣ. Я принимаю на себя великую отвѣтственность, когда говорю, что дайте мнѣ то-то, а я берусь выполнить тяжелую программу возстановленія и возрожденія центральныхъ аппаратовъ высшаго военного управленія. Вся моя служба свидѣтель-

ствуешь, что это не хвастовство и что я сумѣю это исполнить. Пусть Адмиралъ и Дитерихсъ поймутъ, что беру я на себя, когда заявляю, что все это выполняю; тогда они должны согласиться на мои условія. Разъ же согласія нѣтъ, то значить нѣтъ вѣры въ мои обязательства, а тогда моя дальнѣйшая служба бесполезна, а для меня лично даже и невозможна, ибо примириться съ совершающимися ошибками я не могу, спокойно и убѣжденно работать не могу, выполнять то, что считаю вреднымъ, не буду.

Не понимаю, почему Адмиралъ удивленъ моей просьбой — вѣдь мои условія заявлены много разъ, и онъ не можетъ ихъ не знать; неужели онъ считаетъ, что за честь состоять Военнымъ Министромъ можно со всѣмъ мириться, все терпѣть и всѣмъ жертвовать. Я не считаю себя спасителемъ и знаю, что я очень посредственный Военный Министръ, съ массой «но» и недостатковъ, но знаю также, что никто другой не справится съ предстоящими по военному управленію реформами такъ, какъ сдѣлаю это я, ибо умѣю не только приказывать, но знаю на опытѣ, какъ и что дѣлается. Но справиться я могу только въ томъ случаѣ, если обстановка работы будетъ такой, какъ я прошу.

Просилъ передать все это Адмиралу и Дитерихсу, добавивъ, что условія мои невыносимы.

Съ фронта пріѣхалъ одинъ изъ моихъ старыхъ сослуживцевъ по Владивостоку, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ стараго закала, согласившійся, изъ чувства долга, взять на себя каторжную должность начальника снабженій первой арміи.

Онъ разсказалъ, какую тяжелую борьбу приходится ему вести для того, чтобы установить хоть какой-нибудь порядокъ по части снабженій; сверху до низу все распустилось, забыло про законъ и привыкло жить по усмотрѣнію, не останавливаясь передъ проявленіями самага безшабашнаго произвола.

Было бы нелѣпо въ обстановкѣ настоящей войны продолжать цѣпляться за разные хозяйственные и контрольные крючки и ради нихъ останавливать удовлетвореніе насущныхъ потребностей бурной жизни; но нельзя существовать внѣ всякаго закона, безъ системы и безъ соблюденія и охраненія общаго порядка. При настоящей обстановкѣ болѣе чѣмъ когда-либо нуженъ надзоръ, контроль, удержъ и пресѣкновеніе разныхъ серьезныхъ попятновеній, своеволій и беззаконій; все распустилось такъ, что, если отказаться отъ одержки, то все обратится въ сплошной хаосъ и кабакъ, что въ дѣйствительности и произошло во многихъ частяхъ и во многихъ отрасляхъ войсковыхъ жизни и управленія.

Наиболѣе трудно бороться съ начхозами (начальникъ хозяйственной части полка), автономными повелителями цѣлыхъ поѣздовъ, снабженныхъ салонами, банями, собственнымъ электрическимъ освѣщеніемъ и таящихъ горы всякихъ продуктовъ и имущества казеннаго и благопріобрѣтеннаго при разныхъ эвакуаціяхъ и прочихъ «иціяхъ».

Начхозы держатся въ почтительномъ и безопасномъ удаленіи отъ фронта, часто не знаютъ даже, гдѣ находятся ихъ части, но не особенно объ этомъ волнуются, такъ какъ снабженіе частей и ихъ хозяйство составляютъ для большинства самую второстепенную задачу.

Главная же задача — использованіе своего привилегированнаго хозяйственнаго положенія въ свою личную пользу путемъ спекуляцій съ продовольствіемъ и снабженіемъ и путемъ покупокъ и продажъ разныхъ товаровъ и провоза ихъ подъ видомъ казенныхъ грузовъ. Все это даетъ огромные доходы и дѣлаетъ жизнь личнаго состава этихъ тыловыхъ учрежденій однимъ удовольствіемъ; поэтому они и переполнены сверхъ всякихъ штатовъ. Есть, конечно, и исключенія, но они рѣдки, какъ зубры или бѣлые слоны.

Мой собесѣдникъ, очень сильный по характеру человекъ, неумолимый проводитель разъ принятой системы, но очень хладнокровный и уравновѣшенный, сомнѣвается въ возможности быстро очистить эти Августовы конюшни. Слишкомъ всосалось все это въ общій обиходъ; слишкомъ все это жирно и вкусно для всѣхъ тѣхъ, кто непосредственно къ нему присосался и кто со стороны частью этихъ благъ пользуется (начхозы понимаютъ, что отношенія вверхъ къ старшимъ штабамъ и начальству должны быть пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и знаютъ, какъ въ каждомъ данномъ случаѣ этого достигнуть).

Самое же скверное, что даже и этот негодный для настоящего дѣла составъ некъмъ сейчасъ замѣнить.

Весной была произведена попытка устроить курсы для подготовки чиновниковъ и офицеровъ на интендантскія и хозяйственныя должности; собрали сорокъ человекъ, занимались съ ними нѣсколько мѣсяцевъ, и получили недоучекъ съ очень скудными знаніями, но съ огромнымъ самоувѣніемъ и еще большими требованіями; нравственныя же качества оказались не лучше, чѣмъ у тѣхъ, кого хотѣли замѣнить; но у подлежащихъ замѣнѣ все же былъ и спеціальныи и житейскій опытъ, а кромѣ того они уже «сыты», а новые кадры пришли голодными и съ такими аппетитами по части «рванья» и притомъ срочнаго, что быстро обогнали стариковъ.

25 Сентября. Едва добрался до своего кабинета, до того нездоровится. За работой легче забываешь про боли. Утромъ пріѣхалъ Государственный контролеръ, какъ представитель Совѣта Министровъ и Верховнаго Правительства, дабы уговорить меня остаться; онъ заявилъ, что мой уходъ, помимо огромнаго рабочаго ущерба, произведетъ самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ порядочныхъ людей и подорветъ послѣднія надежды въ возможность благополучнаго исхода; думаю, что послѣднее прибавлено для пущей дѣйствительности убѣжденія, такъ какъ навѣрно очень немного людей заинтересованы тѣмъ, кто у насъ Военный Министръ и что онъ собой представляетъ. Думаю, что это личное мнѣніе очень добросовѣстнаго и болѣющаго за всѣ наши недостатки Краснова, съ которымъ я очень часто схожусь во взглядахъ.

Разъяснилъ Краснову все положеніе; рассказалъ, чего я прошу и въ чемъ мои условія; просилъ понять всю ненормальность проявляемыхъ ко мнѣ отношеній, которыя, во всей совокупности, опредѣленно указываютъ на чье-то желаніе заставить меня уйти и не мѣшать дѣлать то, что кому-то нужно и выгодно.

Въ концѣ концовъ сдонкихотствовалъ и далъ себя уговорить подъ условіемъ, что Красновъ съѣздитъ къ Адмиралу и добьется его обѣщанія принять мои условія и гарантировать мнѣ полное довѣріе и самостоятельность въ проведеніи предлагаемой мной программы. Красновъ выразилъ увѣренность, что ему удастся разъяснить Адмиралу всю ненормальность сложившейся обстановки и убѣдить Адмирала въ необходимости принять мои условія, ибо они нужны для успѣха общаго дѣла.

Въ Ставкѣ узналъ подробности о причинахъ бездѣйствія коннаго корпуса; Ивановъ-Риновъ, послѣ перваго удачнаго дѣла, на Курганъ не пошелъ и посланныхъ ему шести директивъ и телеграммъ — изъ нихъ двѣ за подписью Адмирала, — не исполнилъ.

Дитерихсъ отрѣшилъ Иванова-Ринова отъ командованія, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положеніе на фронтѣ исключило возможность успѣшнаго набѣга на тылъ красныхъ.

Ивановъ-Риновъ прибылъ немедленно въ Омскъ, поднялъ всѣхъ своихъ сторонниковъ, и по ультимативному требованію казачьей конференціи его отрѣшеніе было отмѣнено и онъ съ апломбомъ вернулся на фронтъ къ своему корпусу. Яркое проявленіе импотентности и дряблости власти, засосанной Омскимъ болотомъ и находящейся въ плѣненіи у разныхъ безответственныхъ, но всесильныхъ организацій, во все мѣшающихся, но ни за что не отвѣчающихъ.

Такая власть не можетъ существовать, ибо *sine qua* поп всякой власти это — ея сила.

Удивляюсь, какъ Дитерихсъ на это согласился; онъ вѣдь тоже реальная сила, и имѣлъ право и возможность принять такой тонъ, съ которымъ должны были бы считаться Омскія лягушки.

26 Сентября. По донесеніямъ изъ Владивостока положеніе тамъ очень острое; взрывъ предупрежденъ, но опасность его не ликвидирована; обѣ стороны натопорчились и выжидаютъ благопріятнаго случая.

Красновъ былъ у Адмирала, получилъ его согласіе на мои условія, о чемъ съ радостью мнѣ и сообщилъ; черезъ нѣсколько часовъ тотъ же Адмиралъ утвердилъ докладъ Ставки объ осуществленіи всѣхъ мѣръ, противъ которыхъ я протестовалъ, и непроведеніе которыхъ поставилъ условіемъ, опредѣляющимъ возможность оставаться на своемъ мѣстѣ.

Отказываюсь что-нибудь понимать.

Послѣ обѣда Сукинъ передалъ мнѣ полученное имъ изъ англійской миссіи извѣстіе, что агенты Калмыкова убили во Владивостоцѣ полковника Февралева; его схватили на улицѣ среди бѣлаго дня, увезли за городъ и тамъ застрѣлили. Такимъ образомъ, исполнилась угроза, которая висѣла надъ несчастнымъ Февралевымъ больше полугода, и отвратительный хабаровскій разбойникъ «вывелъ въ расходъ» (спеціальное выраженіе Читы и Хабаровска) опаснаго кандидата на званіе атамана.

Ноксъ возмущенъ до глубины души и заявилъ, что онъ готовъ открыто отказаться отъ поддержки такой власти, которая не въ состояніи предупредить такіа гнусныя убійства. Всецѣло раздѣляю его негодованіе.

Сообщилъ объ этомъ убійствѣ казачьей конференціи; телеграфировалъ Розанову о розыскѣ и преданіи виновныхъ военно-полевому суду; телеграфировалъ Семенову, выразивъ надежду, что онъ, по званію походнаго атамана дальневосточныхъ казаковъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы не осталось безъ примѣрнаго наказанія убійство одного изъ старшихъ и лучшихъ уссурійскихъ казаковъ, кѣмъ бы оно ни было совершено.

Печально положеніе той власти, которая не можетъ расправиться съ такой гнусностью, а именуется Всероссійской и заботится о великодержавіи Россіи.

27 Сентября. По докладу новоявленнаго начальника санитарной части, Адмиралъ отрѣшилъ отъ должности моего подчиненнаго, начальника главнаго военносанитарнаго Управленія, доктора Лобасова за исполненіе послѣднимъ моего приказа не пускать доктора Краевского въ свое управленіе.

Это нѣчто совсѣмъ уже экстраординарное битъ по подчиненнымъ за исполненіе приказа начальника, тѣмъ болѣе, что и Ставкѣ, и Адмиралу извѣстно, что распоряженіе о недопускѣ отдано мной и отдано вполнѣ законно, такъ какъ ни Дитерихсъ, ни его ставочные подчиненные не имѣютъ права распоряжаться въ подвѣдомственныхъ только мнѣ управленіяхъ Военнаго Министерства.

Это освобождаетъ меня отъ обѣщанія, даннаго Краснову, не уходить съ своего поста. Я не вѣрю, что Адмиралъ дѣлаетъ все это умышленно, но онъ, повидимому, такъ переутомился, что ничего уже не помнитъ, а этимъ пользуются тѣ . . ., которые способны на все, лишь бы добиться своего.

Съ этими господами мнѣ не по дорогѣ и къ изображаемому ими «Омскому Двору» я не подхожу. Послалъ телеграмму Адмиралу, уѣхавшему на фронтъ, и усердно прошу отмѣнить отрѣшеніе Лобасова, виновнаго только въ исполненіи моего приказа и възскачь съ меня, такъ какъ я считаю невыносимымъ такое положеніе, когда вмѣсто меня караютъ моихъ подчиненныхъ. Усердно прошу разобраться въ послѣднихъ распоряженіяхъ, касающихся меня и имъ одобренныхъ, такъ какъ поставленъ ими въ исключительно безвыходное положеніе, совершенно невяжущееся съ его обѣщаніями и завѣреніями.

Настроеніе Омска близко къ паникѣ; поѣзда переполнены удирающими въ восточномъ направленіи. Омскія лягушки продолжаютъ квакать о великомъ значеніи Омска, о невозможности выѣзда Правительства и о необходимости защищать Омскъ до послѣдней крайности; этимъ напичкали Адмирала такъ, что съ нимъ невозможно говорить въ противоположномъ духѣ.

Проѣзжающіе черезъ Читу фельдъегеря передаютъ, что тамъ не скрываютъ радости по случаю тяжелаго положенія Омска и стараются, чтобы имъ досталось побольше изъ Омскаго наслѣдства.

29 Сентября. Поѣхалъ на службу послѣ двухъ болевыхъ припадковъ, во время которыхъ терялъ сознаніе; повидимому, что-то неладно въ области печени; ей пришлось переварить столько треволненій и гадостей, что она вправѣ начать пухнуть и проявлять свое негодованіе.

Изъ Министерства пришлось вернуться вслѣдствіе невозможности продолжать работу. Подалъ рапортъ о болѣзни и прошу отпуска до увольненія въ отставку.

Казачья конференція разодралась съ Дутовымъ и Хорошхинымъ; имъ ставится въ вину, что они знали отъ Дитерихса объ его рѣшеніи отрѣшить Иванова-Ринова отъ командованія, но не доложили этого конференціи; этимъ воспользовались для сведенія

старыхъ счетовъ и наговорили Дутову такихъ вещей, что онъ собирается ѣхать въ Ново-Николаевскъ «по семейнымъ дѣламъ».

Вызываютъ въ конференцію Иванова-Ринова для объясненій по поводу его агитаціи по возрожденію Сибирскаго областничества и его заигрыванія съ кооперативами. Во Владивостокѣ ожидаютъ сегодня серьезныя событія. Генераль Опя приказалъ Розанову вывести изъ города русскія войска, на что Р. отвѣтилъ отказомъ. Адмиралъ одобрилъ распоряженіе Розанова и приказалъ не останавливаться ни передъ чѣмъ ради сохраненія русской національной чести и достоинства.

Эхъ, если бы такая же рѣшимость была проявлена десять мѣсяцевъ тому назадъ во время Семеновскаго инцидента, не тряслись бы теперь Омскіе обыватели и не сидѣли бы мы всѣ передъ разбитымъ корытомъ; гадая на пальцахъ, «пронесетъ или не пронесетъ»?

30 Сентября. Свалился пластомъ; попалъ въ плѣнъ къ медикусамъ, которые меня щупаютъ и качаютъ головами; вечеромъ объявили женѣ, что у меня, повидимому, гнойное воспаленіе печени и закупорка всѣхъ желчныхъ каналовъ; положеніе серьезное и требующее леченія и моего согласія покориться всѣмъ медицинскимъ требованіямъ, а главное ото всего отойти и не волноваться; поэтому запретили кого-либо ко мнѣ допускать и со мной разговаривать.

14 Октября. Двѣ недѣли ничего не записывалъ, вѣрнѣе, не могъ записывать, ибо находился въ безсознательномъ состояніи; нѣсколько дней былъ въ безнадежномъ состояніи, но въ концѣ концовъ выкарабкался, благодаря исключительной заботливости доктора Б. и уходу жены.

Отставка моя не принята; я назначенъ въ распоряженіе Верховнаго Правительства и уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья; на мое мѣсто назначенъ бывшій командующій Западной Арміей генераль Ханжинъ.

Не понимаю, почему не назначили генерала Сурина, какъ нельзя болѣе подходящаго къ роли Военнаго Министра, съ огромнымъ стажемъ, какъ разъ по этому мѣсту.

Пока меня отправляютъ въ Томскую клинику для леченія и, буде потребуется, операціи, предупреждаютъ, что сильно тронуты желчныя пути и надо долго и систематически лечиться; это хуже всего, такъ какъ хотѣлось бы скорѣе стать на ноги и начать работать; въ болѣе свободномъ положеніи надѣюсь оказаться полезнымъ, хотя бы въ качествѣ разѣздного инспектора войскъ и учреждений и освѣдомителя Адмирала о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

15—26 Октября. Безцѣльно пролежалъ въ Томской клиникѣ; она обращена въ госпиталь и всѣ клиническіе устройства разгромлены; нѣтъ даже ваннъ, безъ которыхъ мнѣ нельзя существовать. Рекомендуютъ двигаться дальше на востокъ, гдѣ сохранились лечебныя заведенія, такъ какъ мое положеніе до сихъ поръ сомнительно и весьма вѣроятна необходимость серьезной операціи.

26 —31 Октября. Медленно двигаюсь на востокъ; слава Богу, что мнѣ оставили тотъ вагонъ, въ которомъ я жилъ въ Омскѣ; адъютанты моего преемника пытались его отобрать, но я впервые такъ окрысился, что они сразу куда-то исчезли; вѣроятно, мой скелетообразный видъ и чернозеленый цвѣтъ лица увеличили эффектъ моего выступленія.

Кончился Омскій періодъ моей жизни; въ вагонѣ тихо; поѣздъ долго стоитъ на станціяхъ; лежу и подвожу итоги своему 174 дневному пребыванію въ Омскѣ; не прошло и шести полныхъ мѣсяцевъ, а сколько пережито и перечувствовано!

Пробылъ, однако, раза въ четыре дольше, чѣмъ рассчитывалъ, когда уѣзжалъ изъ Харбина. Возвращаюсь обратно съ разбитыми вдребезги иллюзіями о возможности скорого избавленія Руси отъ навалившейся на нее красной погани и ея бѣлой разновидности — атаманщины всѣхъ видовъ и калибровъ.

Омскъ держится, но, повидимому, приближаются его послѣдніе дни; онъ еще трепыхается, но надъ нимъ и въ тылу рѣютъ и каркаютъ черныя вороны; союзники сокращаются, дабы своевременно выйти изъ непріятнаго положенія.

Продолженіе борьбы въ томъ, сумѣютъ ли спасти армію, совершенно вымотанную произведенными надъ нею экспериментами; все можно поправить и возстановить за исключеніемъ арміи, если ее израсходуютъ на нелѣпой защитѣ Омска.

Пока что, Москва одержала побѣду надъ Сибирской Вандеей, и даже не Москва, а наше собственное ротозѣйство, наша дряблость, наша государственная и военная безграмотность.

Уже во время пребыванія въ Харбинѣ чувствовалось, что въ Омскѣ что-то неладно, и что у военного и гражданскаго рулей стоятъ какіе-то плохенькіе кормчіе.

Омскіе гастролеры кричали о могучей арміи, о налаженномъ государственномъ механизмѣ, но что приходило оттуда въ видѣ приказовъ и распоряженій, внушало немалыя сомнѣнія въ правильности гастролерскихъ свѣдѣній. Только Ивановъ-Риновъ былъ способенъ завѣрять, что въ распоряженіи Омска 400 тысячная армія, дисциплинированная, организованная и рвущаяся въ бой.

Но то, что я увидѣлъ, узналъ и пережилъ за истекшіе шесть мѣсяцевъ, превзошло всѣ мои пессимистическія ожиданія и выбросило опять на востокъ физическимъ инвалидомъ, съ разбитыми надеждами на скорое возрожденіе Россіи и съ самыми мрачными взглядами на ближайшее, да и на долгое будущее.

Главная язва, убивающая Омскъ, Адмирала и Правительство, это отсутствіе реальной и сильной власти. Повторяется вѣчная сказка о голомъ королѣ; онъ голенькій и безпомощный, а всѣ притворяются, а кое-кто искренно вѣритъ, что король и одѣтъ и могуществененъ.

Власть Омска — призрачный миражъ; власть, какъ самъ Адмиралъ, лишена среднихъ регистровъ; она или шало и безрезультатно гремитъ или, вѣрнѣе сказать, пытается гремѣть, или дрябло и робко закрываетъ глаза на творящееся зло, убогая въ своемъ безсиліи, импотентная заставить исполнить ея волю и ея приказъ; она вынуждена молчать и терпѣть, зная что ея распоряженія исполняются постольку — поскольку, и то, главнымъ образомъ, въ выгодныхъ и пріятныхъ для исполнителей секторахъ. Повторяется то же, что было съ нами, военными начальниками, послѣ революціи 1917 года, когда изъ арміи вынули ея душу — дисциплину, и мы, отдавая приказъ, не знали, будетъ ли онъ какъ слѣдуетъ исполненъ, да вообще, будетъ ли исполненъ.

Въ такомъ же ужасномъ положеніи находятся Ставка и самъ Верховный Главнокомандующій; они тоже не знаютъ, будутъ ли исполнены ихъ приказы, если не понравятся почему-либо фронтовымъ сатрапчикамъ.

Конечно, такіе случаи, какъ открытыя выступленія Семенова, Анненкова, Гайды и Иванова-Ринова относительно рѣдки, но они подслоены сотнями, а можетъ быть, и тысячами такихъ случаевъ, когда негодное распоряженіе затягивается, забывается, искажается или исполняется такъ, что лучше бы уже ничего не дѣлать.

Начавшись на верхахъ, эта смертельная для всякой прочной организаціи болѣзнь, проѣла постепенно весь военный и государственный механизмъ и выпила изъ него всю силу.

Власть, рожденная путемъ военного возстанія, оказалась неспособной быстро и рѣшительно оторваться отъ родившихъ ее организацій и не сумѣла сама стать силой.

Неудачный выборъ старшихъ военныхъ руководителей привелъ къ тому, что власть осталась безъ настоящей, государственной, организованной и прочной арміи, понимающей свое не только специфически военное, но и государственное назначеніе. Создавалась какъ будто бы армія со всѣми ея внѣшними признаками, а, въ сущности, развертывались и росли тѣ же партизанскіе отряды начала борьбы со всѣми присущими имъ достоинствами и недостатками, сохраняя всѣ свои особенности и энергично противясь всему, что затрагивало ихъ привилегіи и автономныя привычки. Не нашлось талантливыхъ вождей, которые сумѣли бы ввести все это въ здоровыя рамки, сохранивъ и развивъ все хорошее, и парализовавъ постепенно все наиболѣе дурное.

Въ первое время это было нетрудно, ибо составъ арміи былъ относительно не великъ и держался на тѣхъ, кто поднялись на спасеніе родины, движимые чувствомъ подвига и долга.

Въ послѣдующемъ трудно даже винить армію и фронтовыхъ представителей; жизнь ихъ увлекла, положеніе и безнаказанность ослѣпили; въ организаціонныя рамки они не вошли и такъ внѣ ихъ по сущности и остались.

Они подняли возстаніе за свой счетъ, рискуя муками и жизнью; они свергли большевистское иго и открыли всѣ дальнѣйшія возможности; ихъ осѣнили первые боевые успѣхи; они реально показали возможность сбросить красный гнетъ и стали героями освободительной зари.

Они вели первый періодъ войны за освобожденіе въ невыразимо тяжкихъ условіяхъ партизанскаго возстанія, особыми способами и кустарными средствами.

Иныхъ способовъ они не знали, иначе дѣйствовать не умѣли; въ свои приемы и способы вѣрили, такъ какъ на дѣлѣ попытали ихъ силу и цѣлесообразность.

Успѣхи ихъ опьянили; разобратся въ измѣненіи обстановки не умѣли; понявъ необходимость перейти къ инымъ формамъ существованія сначала не могли, а потомъ уже и не хотѣли; измѣнить пріобрѣтенные сначала взгляды сами не могли и по молодости, и по отсутствію специальныхъ знаній и опыта, и по честолюбію, захватившему наиболѣе сильныя и выдвинувшіяся на передній планъ натуры.

Руководители Ставки не сумѣли всего этого оцѣнить и принять своевременно необходимыя мѣры; сразу не была положена граница между условіями существованія и дѣятельности организованной арміи и приемами вооруженнаго возстанія офицерскихъ организацій. Первые Главковерхи и Ставки были увлечены политической борьбой и предоставили арміямъ самостоятельно развиваться и устроиваться; повидимому, попытки правильной организаціи были предприняты первымъ командующимъ Сибирской арміей ген. Гришинымъ-Алмазовымъ, но слѣдовъ онѣ не оставили.

Тѣмъ временемъ фронтъ утвердился въ своихъ новыхъ тенденціяхъ, закрѣпилъ выработанные самостоятельно формы и лозунги и постепенно чисто явочнымъ порядкомъ заставилъ безсильный центръ молча признать фронтовые порядки, приемы войны и снабженій и широкую автономію старшихъ штабовъ и начальниковъ. По организаціонной части Ставка сдѣлалась учрежденіемъ, утверждавшимъ все, что требовалъ фронтъ и проводившимъ только то, что было приемлемо для фронтовыхъ автономій.

Вся эта негласная фронтовая конституція пронизала всю армію, выродившись постепенно въ весьма неустойчивую атаманщину; теперь уже все сверху до низу больно этой болѣзнию, что дѣлаетъ борьбу съ ней чрезвычайно трудной; это испыталъ на себѣ Дитерихсъ, какъ только попробовалъ приступить къ коренной реорганизаціи фронта.

Старый афоризмъ, что «тотъ, кто хочетъ командовать, долженъ прежде всего умѣть повиноваться», былъ накрѣпко забытъ; командовать хотѣли всѣ, ну а по части повиновенія царило «постольку — поскольку это мнѣ нравится» и не нарушаетъ моихъ собственныхъ расчетовъ и соображеній.

Вмѣсто повиновенія и безпрекословнаго исполненія, пышно разрослась критика получаемыхъ приказовъ, безграмотная ихъ корректировка, пересуды и сплетни по адресу вверхъ . . . и, конечно, раадрайка и развалъ.

Критика и пересуды бывали и прежде, но сдерживались; теперь же всякая сдержка пропала.

Снаружи все шло какъ будто-бы совсѣмъ благополучно; не замѣчали (не знаю, не умѣли или не хотѣли), какъ гладенькій по наружности остовъ нашей вооруженной силы покрывался постепенно распространявшейся сѣтью мелкихъ внутреннихъ трещинокъ и держался только отсутствіемъ сильныхъ потрясеній. Послѣ Уфы, Екатеринбургa и Челябинска все это покрылось зіяющими трещинами и отъ внушительнаго остова остались одни осколки.

Общій упадокъ нравственнаго уровня и добросовѣстности, отсутствіе способности и желанія поступаться мелкимъ и личнымъ для общаго дѣла подорвали основные устои войсковой прочности.

Болѣзнь это не новая; она свалилась на насъ сейчасъ же послѣ революціи, когда господа и товарищи подобрали валяющуюся въ Петроградѣ безъ призора власть и съ ловкостью медвѣдя хватили по арміи приказомъ № 1 и обратили ее очень скоро въ разнузданныя вооруженныя толпы; изъ подъ корабля, стоявшаго на стапелѣ, вышибли всѣ подпорки и онъ естественно покатился внизъ.

Создатели Сибирской арміи думали, что достаточно возстановить погону, отдавчесть и власть начальниковъ и все образуется; они не догадались внушить, а при нуждѣ и вбить кому надо въ голову, что нѣтъ арміи безъ духовной, внутренней, не боящейся никакихъ испытаній дисциплины, заставляющей забывать все личное и приносить его въ жертву общему дѣлу; нѣтъ арміи, разъ приказы могутъ не исполняться или исполняться въ предѣлахъ личнаго желанія или усмотрѣнія. А нѣтъ настоящей арміи, нѣтъ и настоящей государственной власти.

Ставкѣ слѣдовало поставить себѣ двѣ задачи: одну — оперативнаго управленія, другую — твердой и здоровой организаціи вооруженной силы. Верховное Командованіе было обязано сразу же объявить, проявить и доказать свою непреклонную волю добиться поставленной цѣли и пронизать всю армію, начиная съ ея верховъ, — нитями крѣпкой, духовной дисциплины и начать беспощадную борьбу съ остатками партизанщины и всякими проявленіями атаманщины.

Несомнѣнно, это требовало большихъ людей, огромнаго такта и выдержки, глубокаго знанія дѣла и осторожнаго исполненія, дабы, уничтожая плевелы, не задѣть вдовой ткани, не обидѣть достойныхъ и не выбить почву изъ подъ способныхъ честолюбцевъ.

Надо было умѣть оцѣнить всю оригинальную обстановку, въ которой получила свое начало наша вооруженная сила. Мнѣ думается, что, если бы первые руководители Ставки это поняли, то не только безъ противодѣйствія, но даже при помощи теперешнихъ фронтовыхъ сатраповъ, можно было добиться строго необходимой эволюціи; я увѣренъ, что несомнѣнная и яркая любовь къ родинѣ, столько разъ послѣдними доказанная, помогла бы имъ разстаться со многими удобствами своего положенія и самимъ войти и подчиненныхъ ввести въ рамки прочной и здоровой организаціи.

Труднѣе было съ тыловыми нарывами въ Читѣ и Хабаровскѣ, но тутъ нужно было идти на проломъ; я увѣренъ, что, если бы Адмиралъ передалъ все это дѣло на офиціальный судъ всѣхъ союзниковъ и показалъ бы всему свѣту, кого поддерживаютъ японцы, то послѣдніе отступились бы отъ своихъ темныхъ друзей, а тогда ничто не мѣшало бы уничтожить эти помойныя ямы.

Трудно себѣ представить, какіе блестящіе результаты дала бы такая дезинфекція; какъ бы она усилила и укрѣпила Омскую власть; трудно себѣ представить насколько бы улучшилось наше военное положеніе, если бы у насъ не было Читинской пробки, Забайкальскихъ и Хабаровскихъ застѣнковъ и насилій. Быть можетъ, тогда и Хорвату удалось бы кое-что сдѣлать на Дальнемъ Востокѣ. При здоровомъ Дальнемъ Востокѣ онъ былъ бы источникомъ силы и пополненій, а не источникомъ смуты, опасеній и вѣчныхъ тревогъ.

Омскъ не смогъ оцѣнить всей грозности Читинскаго нарыва. Наткнувшись на японскіе штыки, услужливо выставленные у Верхнеудинска, чтобы спасти своего компаньона и русскаго измѣнника и бунтовщика отъ законной кары, Адмиралъ не имѣлъ права на этомъ остановиться; онъ долженъ былъ показать читинскому казачишкѣ и японскому прихвостню, что онъ не тотъ адмиралъ Колчакъ, что сидѣлъ въ Харбинѣ, а что онъ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій.

Верховная власть должна была или разгромить бунтовщика, или сама погибнуть. Адмиралъ обязанъ былъ апеллировать къ представителямъ всѣхъ союзниковъ и выявить имъ невозможность существованія власти, разъ японцы прикрываютъ явный бунтъ и не даютъ центральной власти съ нимъ расправиться.

Пригрѣтая японцами моська вообразила, что она сильна и можетъ лаять на слона; слону же надо было доказать, что моська есть только моська и что лаять ей не полагается, а за допущенный лай слѣдуетъ соотвѣтственная кара. Это не сдѣлали и этимъ обрекли себя на нескончаемый рядъ бѣдъ и несчастій.

Пойди Адмиралъ на проломъ, ему ничего не стоило доказать союзникамъ, что за японской защитой Семенова кроются самые низменные и порочащіе японскую честь интересы; что японскіе совѣтники Семенова получаютъ отъ него отнятые у арміи вагоны и на этомъ наживаются; что за японскую помощь Чита расплачивается общаніемъ разныхъ концессій и пр. и пр.

Совѣтъ Министровъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ размахомъ государственной дѣятельности нашей власти и ея результатами. Та же дряблость, то же отсутствіе опредѣленной дѣловой программы и то же безсиліе заставить выполнить свою волю; кромѣ того, скверно было то, что власть оказалась, если можно такъ выразиться, неглубокой; она сидѣла далеко отъ населенія, не приносила ему никакой реальной пользы, не базировалась на коренномъ, кондовомъ населеніи Сибири; она не улучшила условий его жизни и не удовлетворила его насущныхъ нуждъ; она оказалась безсильной оградить его отъ злоупотребленій и насилій своихъ мѣстныхъ агентовъ; вмѣсто ожидаемаго благодѣтеля и цѣлителя она оказалась чудовищемъ, возлагавшимъ на измотанное общей разрухой населеніе новыя тяготы и старыя, ненавидимыя скорпіоны.

Сибирское коренное населеніе оригинально, по сибирски, консервативное, а по достатку весьма и весьма буржуазное, не могло не поддержать власть, если бы она пришла сильной, твердой, для всѣхъ справедливой защитницей отъ разныхъ напастей. Но такой власти не пришло.

Когда власти надо было быть сильной, чтобы оградить населеніе отъ насилій, то оно ея не видало, и только напрасно взывало о заступничествѣ и покараніи виновныхъ; когда населеніе хотѣло власти энергичной, распорядительной и заботливой, оно ее не имѣло.

Мѣстные агенты власти, т. е. тѣ, по чьей дѣятельности населеніе судить о самой власти, оказались въ большинствѣ случаевъ очень плохими, преслѣдовавшими личные интересы и заставившими зануть старыя обывательскія раны и мозоли, разбудить скверныя воспоминанія прошлаго; они только усугубили и углубили то недовѣріе, а временами ненависть, которыя такъ свойственны нашимъ темнымъ массамъ по отношенію къ власти вообще.

А, между тѣмъ, работали и работаютъ усердно; Омскія министерства и ихъ безчисленные департаменты выбрасываютъ тучи законопроектовъ и распоряженій, требуютъ донесеній, вѣдомостей, статистики и всего прочаго, что полагалось благопристойному російскому министерству или департаменту. Все это взгромоздилось во всеросійскій масштабъ, распухло въ революціонныхъ пропорціяхъ и впитало въ себя большую часть немногочисленныхъ въ Сибири специалистовъ работниковъ. Въ министерствѣ земледѣлія у насъ, напр., 17 департаментовъ и отдѣловъ, причемъ есть отдѣльные департаменты охоты и рыбной ловли; тамъ, гдѣ прежде отлично справлялся одинъ чиновникъ, теперь сидятъ и не справляются три-четыре, а то и больше; вмѣсто писца или одной машинки, сидятъ многочисленная стайка машинистокъ.

Зато на низшихъ мѣстныхъ должностяхъ, тамъ, гдѣ обслуживаются ближайшія нужды населенія, ощущается острый недостатокъ работниковъ; мелкія повседневныя нужды обывателя забыты или плохо обслужены; это и вызываетъ острое негодованіе и глухую злобу населенія къ далекому и ничемушнему Омскому чудовищу, которое «обло, озорно, стозѣвно, лаяя и искій кого бы поглотити», сидитъ гдѣ-то на берегахъ Иртыша и ничего, кромѣ непріятностей, не приноситъ.

Власть должна была быть сильной и ею не была; она должна была быть глубокой, т. е. близкой, полезной и нужной населенію -- этого и въ поминѣ не было.

Наши молодые министры, съ серьезнымъ революціоннымъ, но очень легкимъ практическимъ багажемъ, забыли про то, что революція и большевизмъ разрушили всѣ скрѣпы стараго государственнаго аппарата и разгромили многое внизу. Они воздвигли во всемъ ихъ величій дубликаты Петроградскихъ Министерствъ, и въ нихъ заблудились и погибли для живого дѣла возрожденія и восстановленія.

Вся работа шла и идетъ на верхахъ, на фронтонахъ Министерствъ и на лѣпныхъ украшеніяхъ департаментовъ, а про сѣрые фундаменты и темные подвалы, про разныя мелкія скрѣпы и перекладинки забыли.

Высокіе ранги министерскихъ должностей привлекли къ себѣ всѣ самолюбія; большинство должностей IV и V класса, т. е. то, достиженіе чего являлось когда-то недостижимой мечтой мелкаго чиновничества.

Власть должна была быть честной и кристально-чистой, ибо это требовалось, как никогда, условиями ея зарождения; высшіе агенты власти должны были показать, что они стали на свои посты ради идеи и подвига, а не достиженія какихъ-либо личныхъ выгодъ,

Нужно было быть сугубо осторожными, чтобы не дать матерьяла для сплетенъ, наветовъ и обычныхъ обывательскихъ обвиненій въ непотизмъ, взяточничество, казнокрадствъ, попустительствъ и матерьяльныхъ связяхъ съ поставщиками, коммерсантами, спекулянтами и пр. и пр.

Вмѣсто этого мы имѣли дѣло Зефирова, дѣло Омскаго Промышленнаго Комитета, дѣятельность разныхъ агентовъ Министерства Снабженій, дѣятельность нашихъ агентовъ по заграничнымъ заказамъ, раздачу Хорватомъ казенныхъ земель, избавленіе отъ призыва и укрывательство богатыхъ и вліятельныхъ сыновъ и племянниковъ, продажу вагоновъ и пр. и пр.

Все это раздувалось, размазывалось и обдавало липкой и вонючей грязью верхи управленія, не разбирая виноватыхъ и невиноватыхъ. Избѣжать этого, при нашихъ російскихъ обычаяхъ, было, конечно, нельзя, но уменьшить основательность и правдоподобность обвиненій слѣдовало до послѣдней степени.

Въ результатѣ Омскій переворотъ далъ Сибири власть дряблую и безсильную, вылившуюся въ узкія Омскія формы и непопулярную, неспособную дать населенію законъ, порядокъ и замѣтное улучшеніе тяжелыхъ условий его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сдѣлать что-нибудь прочное и дѣйствѣнное въ воссозданіи разрушенной Государственности въ улучшенныхъ, разумныхъ и обновленныхъ формахъ человѣческаго, общественнаго и государственнаго сожителства.

Власть оказалась только формой безъ содержанія; министерства можно сравнить съ огромными и внушительными по виду мельницами, озабоченно и быстро машущими своими крыльями, но безъ жернововъ внутри и съ попорченными и недостающими частями главнаго рабочаго механизма.

Возможно ли теперь поправиться? Думаю, что уже поздно, ибо слишкомъ много времени потеряно и слишкомъ много напорчено. Даже если бы обстановка не была такой грозной и почти безнадежной, то и тогда едва ли возможно было бы вернуть довѣріе населенія и привлечь его на свою сторону. Сейчасъ я не представляю себѣ даже, какія реформы надо было бы осуществить, чтобы поправить положеніе; вѣдь мало того, что мы потеряли бесплодно цѣлый годъ; мы успѣли обмануть всѣ надежды населенія и привести его къ заключенію, «что наши, что красные — все равно сволочь»; вѣдь населеніе привѣтствовало насъ лѣтомъ 1918 года не потому, что мы были носителями извѣстной идеи и не потому, что оно жаждало возвращенія чего-то стараго, а потому, что важнѣйшимъ и самостоятельнымъ сибирякамъ осточертѣлъ каторжно-разбойный по сущности, а коммунистическій по названію режимъ совдеповъ, комбѣдовъ и комиссаровъ.

По неорганизованности и осторожности сами сибиряки не собирались свергать насѣвшіе на нихъ совдепы, но, когда сіе случилось, то они очень обрадовались, рукоплескали, пѣли молебны, заявляли о преданности, жертвовали старое, рваное бѣлье и ждали отъ новаго барина великихъ благъ, благорастворенія воздухонъ и молочныхъ рѣкъ въ сельскихъ берегахъ; при этомъ, конечно, полное избавленіе отъ всякихъ «обязанностей и непріятностей» и всевозможныхъ «ицій».

Но всего этого не случилось, а кое въ чемъ вышло совсѣмъ наоборотъ, особенно по части атаманщины, которая для простаго народа оказалась много хуже комиссарщины. Наступило разочарованіе самаго укусно-кислаго сорта; чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе становится обманутый въ своихъ шкурныхъ и животныхъ надеждахъ обыватель; тѣмъ свирѣпѣе честить и поносить новаго барина и тѣмъ охотнѣе начинаетъ потихоньку краснѣть, эсерить и подкапываться подъ этого самаго барина, сдѣлавшагося для него такимъ же ненавистнымъ, какимъ былъ когда-то свергнутый совдепъ.

Если мы сковырнемся, и опять на Сибирь навалятся красные совдепы или какая нибудь ихъ разновидность, то не будетъ ничего мудренаго въ томъ, что населеніе встрѣ-

титъ ихъ съ великимъ ликованіемъ, какъ избавителей, будетъ передъ ними лебезить и приспособливаться, но, какъ только почуветъ ихъ тяжелую, кровью пахнущую лапу и испытаетъ ихъ аракчеевскій режимъ, то начнетъ ихъ ненавидѣть, ждѣть новаго избавителя и тайнѣ молиться объ его скорѣйшемъ появленіи.

Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя и намъ вѣры нѣтъ, особенно словамъ.

Нужна дѣйствительность; нужно рѣако, сочно и вкусно показать, что мы измѣнились и можемъ быть полезными для населенія. Но чтобы сдѣлать такое чудо, у насъ нѣтъ умѣнья, а, главное, нѣтъ людей; сейчасъ же, вѣроятно, нѣтъ уже и времени, ибо треснувшій фронтъ и воспаленный возстаніями тылъ не позволяютъ надѣяться на успѣхъ продолжительныхъ и широкихъ реформъ.

Особенно мнѣ жаль, что не умѣли использовать ту благопріятную обстановку, которая сложилась въ Августѣ 1918 года на Дальнемъ Востокѣ; тамъ была полная возможность создать и укрѣпить настоящую и прочную государственность въ твердыхъ, честныхъ и полезныхъ для населенія формахъ; это привлекло бы на сторону власти все здоровое населеніе и, при отсутствіи въ краѣ остроты рабочаго и земельного вопросовъ, давало всѣ шансы на успѣхъ; противъ пошла бы только довольно многочисленная каторжанская шпана и уголовно-хулиганскій элементъ городскихъ отбросовъ, но съ этимъ населеніемъ справилось бы собственными силами, если бы власть обезпечила ему организованную помощь и общее сохраненіе порядка.

Но злая судьба бросила на Дальній Востокъ дряблага, бездѣйственнаго Хорвата и позволила развиться тамъ Читинскому и Хабаровскому гнойникамъ.

Вмѣсто закона, порядка и твердой власти населеніе Приамурья получило аракчеевско-полицейскій режимъ казачьяго держиморды Иванова-Ринова, карательные отряды, насилия Семенова и Калмыкова и вихлянье Хорвата, принесшаго въ край всѣ порядки и атмосферу своей Харбинской Хорватіи и ея сомнительныхъ дѣльцовъ.

Все это и на Дальнемъ Востокѣ привело къ тому, что мы и тамъ сидимъ сейчасъ у разбитаго корыта съ натопорщившимся противъ насъ и ненавидящимъ насъ населеніемъ, готовымъ промѣнять насъ на эсеровъ, большевиковъ, партизанъ и кого угодно, кто поможетъ имъ насъ скovyрнуть.

Отчего оказалась такъ слаба Омская власть? виновата ли въ томъ самая структура власти или тѣ, кто взяли ее въ свои руки? Думаю, что главнымъ образомъ виноваты люди, оказавшіеся не по плечу той задачѣ, которую они на себя приняли.

Не малую роль въ выборѣ этихъ людей сыгралъ способъ зарожденія и утвержденія власти, какъ результата случайнаго политическаго переворота и побѣды Омска надъ уфимско-уральскими комбинаціями и директоріей.

Къ сожалѣнію, у меня не было времени для того, чтобы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ причинъ, вызвавшихъ ноябрьскій переворотъ; повидимому, главной причиной было желаніе извѣстной группы лицъ попасть къ власти, свернувъ голову Директоріи; представителями этой группы и явилась затѣмъ Михайловская пятерка, выдвинувшая Адмирала на постъ Верховнаго Правителя и составившая затѣмъ его Верховный Совѣтъ, форменную олигархію, узурпировавшую de facto всю власть. Громкое и чистое отъ грязи и политики имя Адмирала было нужно для прикрытія всей этой специфически Омской махинаціи; несомнѣнно, что, выдвигая Адмирала на постъ Верховнаго Правителя, пятерка знала, что въ его лицѣ она получаетъ очень мягкое и послушное орудіе для осуществленія своихъ плановъ.

Характеръ и душа Адмирала настолько на лицо, что достаточно какой-нибудь недѣли общенія съ нимъ для того, чтобы знать его наизусть.

Это большой и больной ребенокъ, чистый идеалистъ, убѣжденный рабъ долга и служенія идеѣ и Россіи; несомнѣнный неврастеникъ, быстро вспыхивающій, чрезвычайно бурный и несдержанный въ проявленіи своего неудовольствія и гнѣва; въ этомъ отношеніи онъ впиталъ весьма несимпатичныя традиціи морского обихода, позволяющія высокимъ морскимъ чинамъ то, что у насъ въ арміи давнымъ давно отошло въ область преданій. Онъ всецѣло поглощенъ идеей служенія Россіи, спасенія ея отъ краснаго

гнета и возстановленія ея во всей силѣ и неприкосновенности территоріи; ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личныхъ интересовъ, личнаго честолюбія у него нѣтъ и въ этомъ отношеніи онъ кристально чистъ.

Онъ бурно ненавидитъ всякое беззаконіе и произволь, но по несдержанности и порывистости характера самъ иногда неумышленно выходитъ изъ рамокъ закона и при этомъ преимущественно при попыткахъ поддержать этотъ самый законъ и всегда подъ чьимъ-нибудь постороннимъ вліяніемъ.

Жизни въ ея суровомъ, практическомъ осуществленіи онъ не знаетъ и живетъ миражами и навязанными идеями. Своихъ плановъ, своей системы, своей воли у него нѣтъ и въ этомъ отношеніи онъ мягкій воскъ, изъ котораго совѣтники и приближенные лѣпятъ что угодно, пользуясь тѣмъ, что достаточно облечь что-нибудь въ форму необходимости, вызываемой благомъ Россіи и пользой дѣла, чтобы имѣть обезпеченное согласіе Адмирала.

Отсутствіе твердыхъ взглядовъ и твердой воли порождаетъ почти-что ненормальную неустойчивость рѣшеній и вѣчное колебаніе общаго курса правительственной дѣятельности, дѣлающагося вслѣдствіе этого рабомъ разныхъ теченій, возникающихъ во властвующемъ надъ волею Адмирала кружкѣ лицъ.

Тяжело смотрѣтъ на Адмирала, когда неожиданно онъ наталкивается на коллизію разныхъ мнѣній и ему надо принять рѣшеніе; видно, что онъ боится не отвѣтственности рѣшенія, а принятія невѣрнаго, вреднаго для всепоглощающей его идеи рѣшенія. Своего анализа, своего твердаго критерія у него нѣтъ и это дѣлаетъ его безпомощной игрушкой въ рукахъ тѣхъ, которые пріобрѣли его довѣріе и овладѣли его волею.

Онъ избалованъ успѣхами и очень чувствителенъ къ неудачамъ и непріятностямъ; особенно болѣзненно реагируетъ на все, что становится на пути осуществленія главной задачи спасенія и возстановленія Россіи, причемъ, какъ и во всемъ, тутъ нѣтъ ничего личнаго, эгоистическаго, честолюбиваго. Мнѣ особенно часто приходилось заваливать его цѣлыми кучами самыхъ непріятныхъ и тревожныхъ докладовъ; сначала онъ вспыхивалъ, но быстро темнѣлъ, горбился, потухалъ и какъ-то сжимался подъ тяжестью неопровержимыхъ фактовъ; иногда гремѣлъ, грозилъ все испепелить и сломать всѣ препоны, просилъ совѣта и помощи, какъ все это сдѣлать, и трогалъ искренностью своего горя и переживаній.

Когда у меня было много непріятныхъ докладовъ, то я съ довольно тяжелымъ чувствомъ входилъ въ адмиральскій кабинетъ, зная, что мнѣ придется надолго вывести изъ душевнаго равновѣсія этого больного идеалиста. Если же приходилось докладывать что-нибудь пріятное, то Адмиралъ радовался, какъ ребенокъ, сверкалъ глазами и готовъ былъ всѣхъ облагодѣтельствовать.

Военнаго дѣла онъ не знаетъ совершенно, даже хуже, ибо схватилъ только общія мѣста и пріобрѣлъ кое-какія теоретическія свѣдѣнія, дающія видимость знанія, но крайне опасныя въ практическомъ примѣненіи. Въ этомъ отношеніи онъ настоящій морякъ того типа, десятки образцовъ котораго я видѣлъ во время своей Владивостокской службы; я зналъ многихъ адмираловъ, которые тѣсно соприкасались съ нашей сухопутной жизнью, и совершенно не знали основъ нашей организаціи; были такіе, которые знали очень хорошо разницу между іерархическими положеніями командира корпуса и начальника дивизіи (ибо это опредѣляло порядокъ отдачи визитовъ и число выстрѣловъ салюта), но имѣли очень смутное представленіе, что такое корпусъ и дивизія. Вообще, морская бѣлая кость смотрѣла на «армію» (огульное для насъ названіе), какъ на нѣчто низшее, и считала, что ей невмѣстно и не къ чему знать нашу организацію и основанія нашей службы и боевой работы.

Попавъ на высшій постъ Военнаго Командованія, Адмиралъ со свойственной ему подвижнической добросовѣстностью пытался получить непріобрѣтенныя раньше знанія, но попалъ на очень скверныхъ и недобросовѣстныхъ учителей, дававшихъ ему то, что нужно было для наставленія Адмирала рѣ желательномъ для нихъ духѣ.

Не думаю, чтобы они дѣлали это сознательно, ибо и сами учителя были очень малограмотны, сами знали только отвлеченныя теоріи и не имѣли должнаго практическаго опыта. Они не знали тѣхъ серьезныхъ практическихъ коэффиціентовъ, кои только и

опредѣляютъ боевое значеніе войскъ, и не смогли передать поэтому этого знанія и Адмиралу. На наше горе эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла, и это сыграло самую роковую роль во всей исторіи перваго года нашего Верховнаго Командованія.

На свой постъ Адмиралъ смотритъ, какъ на тяжелый крестъ и великій подвигъ, посланный ему свыше, и мнѣ думается, что едва ли есть еще на Руси другой человѣкъ, который такъ безкорыстно, искренно, убѣжденно, проникновенно и рыцарски служить идеѣ возстановленія единой, великой и недѣлимой Россіи. Истинный рыцарь подвига, ничего себѣ не ищущій и готовый всѣмъ пожертвовать, безвольный, безсистемный и безпамятливый; дѣтски и благородно довѣрчивый, вѣчно мятущійся въ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ; вѣчно обманывающійся и обманываемый, обуреваемый жаждой личнаго труда, примѣра и самопожертвованія; непонимающій совершенно обстановки и неспособный въ ней разобраться; далекій отъ того, что вокругъ него и его именемъ совершается — вотъ бѣглый перечень отличительныхъ чертъ характера того человѣка, на которомъ скоро уже годъ лежитъ тяжелый крестъ олицетворять и осуществлять временную Верховную Власть Россіи.

Къ этому человѣку нужны были крупныя поправки въ лицѣ его ближайшихъ помощниковъ по командованію арміей и по гражданскому управленію страной; нужно было чтобы на посты Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Предсѣдателя Совѣта Министровъ попали крупные, талантливые дѣловые люди, специалисты своего дѣла, способные справиться съ той великой задачей, которая возлагалась на нихъ ихъ положеніемъ; они должны были прикрыть, сгладить, умѣрить и парализовать всѣ недостатки наличной Верховной Власти и направить всю силу духовнаго и душевнаго величія Адмирала на созидательную практическую работу. Своей системой имъ слѣдовало замѣнить безсистемность Адмирала; своими спеціальными знаніями восполнить его незнанія и непрактичность; своей волей подпереть колеблющуюся волю Верховнаго Правителя. Свою работу, свое творчество великое, спасительное и полезное они должны были провести, какъ работу и творчество самой Верховной Власти, и возвеличиться ея величіемъ.

Одновременно они обязаны были оградить Адмирала отъ нашептыванія и безотвѣтственныхъ вліяній; насколько я узналъ Адмирала, для сильныхъ людей это было вполне возможно, въ особенности, если бы дѣйствительность сразу показала Адмиралу, какіе люди около него стоятъ.

На горе Россіи судьба удвоила Адмирала самыми второстепенными ничтожествами, и это предрѣшило тотъ потокъ разныхъ бѣдъ, что сыпятся на насъ послѣдніе полгода.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ совершенно потухшій, бездѣятельный и ни на что уже негодный человѣкъ. Трудно даже понять, какъ можно было выдвинуть на такой исключительно важный и отвѣтственный постъ это дѣловое ничтожество, безцвѣтное, беззвучное, импотентное, ничѣмъ не интересующееся и только изображающее изъ себя нашего Предсѣдателя.

Омскъ все время кричитъ, что наличіе Вологодскаго является залогомъ демократической власти и довѣрія къ намъ всѣхъ союзныхъ демократій, и что уходъ его будетъ принятъ, какъ переходъ къ правой реакціи. Опять вариантъ сказки о голомъ королѣ; надо быть очень заинтересованнымъ въ сохраненіи этой демократической руины на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ или же быть очень скорбнымъ главой, чтобы вѣрить, что возглавленіе Правительства какимъ-то господиномъ Вологодскимъ можетъ имѣть хоть какое нибудь значеніе для страны и импонировать за границей.

Ясно, что управлявшей Омскомъ и Адмираломъ олигархіи выгодно было посадить на этотъ постъ столь безопаснаго по своей дряблости человѣка; она же и старалась раздуть его демократическое значеніе, пользуясь для этого всѣмъ аппаратомъ комитета по дѣламъ печати и платныхъ Р. Т. А. и газетъ.

Я увѣренъ, что $\frac{4}{5}$ населенія Сибири даже и понятія не имѣютъ, кто такой Вологодскій; та-же $\frac{1}{5}$, которая знаетъ это изъ газетъ и интересуется политикой, была бы очень обрадована любой перемѣной въ составѣ Правительства, такъ какъ это давало бы на-

дежду на лучшія времена (конечно, если бы это не было назначеніемъ министрами Семёнова, Калмыкова, Иванова-Ринова, и т. п.).

Даже армія, которую всячески пытаются освѣдомлять, и на которую часто киваютъ головой, какъ на извѣстный регуляторъ правительственныхъ настроеній, совершенно равнодушна и безразлична къ тому, кто въ Омскѣ предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ Министровъ. Но и она, въ той части, которая интересуется политикой, несомнѣнно возликовала бы удаленію и Вологодскаго и всѣхъ его сотрудниковъ, какъ ликовала удаленію Михайлова.

Что касается союзниковъ и заграницы, то казалось бы, что двухлѣтній періодъ всевозможныхъ переворотовъ и народженія, и смерти разноцвѣтныхъ временныхъ и иныхъ правительствъ долженъ былъ пріучить заграницу къ русскимъ неожиданностямъ. Ноябрьскій переворотъ, выдвинувшій къ власти нынѣшнее правительство, достаточно убѣдительно показалъ, какъ мало считаются союзники съ тѣмъ, кто стоитъ у насъ у власти.

Сверженіе наидемократичнѣйшей директоріи съ ея дѣйствительно извѣстными заграничѣ революціонно-демократичными столпами и появленіе выдвинутого военнымъ возстаніемъ правительства Адмирала должны были вызвать извѣстныя опасенія у тѣхъ союзниковъ, которымъ была нужна демократичность нашего курса, но этого не произошло и земля подъ нами отъ этого не провалилась; не шелохнется она и тогда, когда уйдетъ Вологодскій.

Вѣдь, вся оцѣнка Правительственной дѣятельности основывается не на томъ, кто Предсѣдатель Совѣта Министровъ, а на практическихъ результатахъ работы всего правительственного аппарата. Что толку въ томъ, что почти годъ мы держимъ демократичнаго Вологодскаго, а на насъ всѣхъ собакъ повѣсили, упрекая въ реакціонности.

Для истинной демократичности нужны здоровыя талантливыя головы и умѣнье оцѣнить и удовлетворить разумныя и законныя требованія и насущныя нужды народа, а не старья, выдохшіяся демократическія реликвіи, годныя только для сдачи въ архивъ.

Изъ остальныхъ членовъ кабинета настоящимъ министромъ является только одинъ Уструговъ, знающій свое дѣло, кипучій, энергичный, привыкшій и умѣющій работать въ настоящемъ государственномъ масштабѣ; за это его терпѣть не могутъ въ Совѣтѣ Министровъ, а между тѣмъ, если бы всѣ коллеги обладали бы половиной дѣловитости, энергии и знаній Устругова, то весьма вѣроятно, что мы не сидѣли бы сейчасъ у разбитаго корыта.

Во главѣ остальной компаніи долго и крѣпко стоялъ негласный руководитель и повелитель правительства, финансовый вундеркиндъ и одинъ изъ главныхъ организаторовъ Ноябрьскаго переворота И. А. Михайловъ.

Непонятно, какія политическія махинаціи и внутреннія соображенія не позволили выдвинуть его самого на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, гдѣ онъ былъ бы несравненно болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ роли Министра Финансовъ и подпольнаго руководителя правительственной дѣятельности.

Что онъ ничего не понимаетъ въ финансахъ, онъ показалъ это на идиотской реформѣ изъятія изъ обращенія керенокъ, проведенной очень рѣшительно, но обнаружившей полную безграмотность главы финансоваго вѣдомства — теоретическую, практическую, и по части знанія и пониманія наличной обстановки.

Выброшенный революціонной волной на постъ руководителя финансовой политики разрушеннаго Россійскаго Государства въ тягчайшія минуты его историческаго бытія, онъ принесъ съ собою самонадѣянность, молодую смѣлость, огромное честолюбіе и властолюбіе и минимумъ глубокихъ финансовыхъ знаній, не приобрѣтаемыхъ чтеніемъ университетскихъ книжекъ, а даваемыхъ долгой и обширной практической дѣятельностью.

Полновластный хозяинъ Совѣта Министровъ и Совѣта Верховнаго Правителя, онъ не имѣлъ надъ собой контроля; подъ впечатлѣніемъ минутной и случайной идеи напортить большевикамъ изъятіемъ изъ обращенія керенокъ, онъ, не встрѣтивъ ничего сопротивленія, небывало скоропалительнымъ темпомъ провелъ эту гибельную для насъ реформу и однимъ ударомъ свалилъ все наше денежное обращеніе въ бездну финансовой катастрофы,

нанеся намъ такой ударъ, послѣдствія котораго во всей ихъ совокупности трудно даже предусмотрѣть.

Хлесткая, непродуманная, неprovѣренная мыслишка подкузьмить красныхъ девальвацией керенокъ, на которыхъ, какъ думалъ нашъ финансовый геній, базировалось денежное обращеніе красныхъ армій, была подхвачена льстивой толпой сателитовъ, какъ нѣчто сверхъ-геніальное, и проведена подъ шопоть восторговъ и похвалъ ея творцу (при этомъ, какъ я убѣдился, при утвержденіи счетовъ комитета по дѣламъ печати, на газетную пропаганду и славословіе этого проекта было истрачено сто тысячъ рублей, — тогда еще настоящихъ, не погубленныхъ этимъ самымъ проектомъ).

Протесты дальневосточныхъ биржевыхъ комитетовъ были спрятаны подъ сукно; въ Омскѣ же и въ Совѣтѣ Министровъ не нашлось никого, кто бы заоралъ: «караулъ, что вы дѣлаете и куда идете?»

Капитальнѣйшая реформа денежнаго обращенія въ такихъ размѣрахъ, передъ которыми останавливались Вышнеградскій, Витте и Коковцевъ, была проведена въ нѣсколько дней.

Послѣ этой реформы дѣятельность геніальнаго финансиста свелась къ печатанію денежныхъ сигнатурокъ самаго примитивнаго образца и къ командованію въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя.

Не хватило даже умѣнья наладить печатанье приличныхъ денегъ и возстановить возможность статьи государственныхъ доходовъ помощью введенія подоходнаго налога и сверхналога, печатанія игральныхъ картъ, измѣненія пошлинныхъ ставокъ, всемѣрнаго использованія естественныхъ богатствъ Сибири и пр. и пр.

Для такихъ серьезныхъ, но малохлесткихъ и нерекламныхъ пустяковъ не было ни знаній, ни опыта, да и времени не хватало среди всѣхъ заботъ и тревоженій Омской политической борьбы и личныхъ удовольствій.

Онъ ушелъ, выдвленный изъ Совѣта Министровъ накопившимся постепенно вокругъ его фигуры негодованіемъ, но своей дѣятельностью принесъ столько зла, что результаты его будутъ долго тяготѣть надъ Россіей.

Слѣдующимъ по своей вредоносной дѣятельности идетъ дипломатическій вундеркиндъ И. И. Сукинъ, уцѣлѣвшій въ составѣ совѣта Министровъ совершенно непонятнымъ образомъ, ибо то, что было продѣлано имъ съ протоколомъ желѣзнодорожнаго совѣщанія, исключало всякую возможность оставленія его даже на должности отвѣтственнаго сторожа при Министерствѣ.

Судьба, какъ на зло, забросила въ Омскъ этого маленькаго дипломатическаго чиновника и быстро возвела его на постъ руководителя внѣшнихъ судебъ Россіи.

Онъ природно не глупъ, хорошо говоритъ, искусно распредѣляетъ и умѣло подаетъ имѣющийся у него матерьялъ; честолюбивъ и надменно важенъ, копируя, очевидно, какой-нибудь рѣдкій дипломатическій образецъ. Онъ овладѣлъ довѣріемъ Адмирала, позналъ всѣ его слабости и любимые коньки и на этомъ основалъ свою силу и свое вліяніе; онъ ведетъ довѣрчиваго Адмирала на буксирѣ громкихъ фразъ, ослѣпительныхъ дипломатическихъ побѣдъ, великолѣпныхъ, но неосуществимыхъ проектовъ; онъ безпрепятственно и упорно проводитъ свою программу, являясь типичнымъ саженцемъ нашихъ дипломатическихъ парниковъ съ ихъ провозглыми традиціями, заискиваніемъ передъ иностранцами и забвеніемъ русскихъ интересовъ.

Союзные представители учли его слабыя и смѣшныя стороны, и очень ловко водятъ его за его дипломатическій носъ, кормя разными обѣщаніями, о которыхъ онъ побѣдно сообщается, но изъ которыхъ, кажется, ни одно до сихъ поръ не исполнено.

Онъ импонируетъ Адмиралу своимъ умѣньемъ рядить все въ доспѣхи Великой Россіи. Вообще же въ этомъ министерствѣ (какъ и въ другихъ за исключеніемъ Министерства Путей Сообщенія и нѣкоторыхъ Главныхъ Управленій) идетъ своего рода любительскій спектакль на дипломатическія темы со всей соотвѣтствующей обстановкой, но съ самымъ сквернымъ составомъ любителей.

По внѣшности все очень прилично и дѣловито, а внутри пустота и ничтожные результаты.

Мы пытались гремѣть, играли въ великіе дипломаты, конспирировали, вели дипломатическія мины и контръ-мины, жаждали, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, дипломатическихъ побѣдъ — доказательства гениальности юнаго министрика, вмѣсто того, чтобы честно, открыто и опредѣленно, не скрывая болѣзней и язвъ, сказать, что мы есть, что намъ нужно и безъ чего мы не въ состояніи выполнить принятую на себя задачу. То, что дѣлали съ нами все это время союзники, было верхомъ близорукости, неразсчетливости и результата томъ какого-то сложнаго дипломатическаго тумана.

Намъ нужно было поменьше вихлястой дипломатіи, съ ея лозунгомъ, что языкъ данъ для того, чтобы скрывать правду, но побольше дѣловой работы, способной дать признаніе и опредѣленную помощь на опредѣленныхъ условіяхъ.

Вмѣсто игры въ дипломаты и разныхъ талейрановскихъ фиглей-миглей, недоговорокъ и растушенокъ, Омскій министр иностранныхъ дѣлъ обязанъ былъ сказать союзникамъ: «мы больны и очень больны, но эта болѣзнь угрожаетъ и Вамъ; своихъ средствъ избавиться у насъ нѣтъ; но насъ надо лечить, лечить скоро и рѣшительно; это ваше дѣло и въ этомъ вашъ интересъ; средства нужны такія то, тогда-то, но сами мы ихъ достать не можемъ, а потому, если вы искренно хотите намъ помочь, то не медлите и дайте то, что намъ нужно; скажите, что это будетъ стоить и на какихъ условіяхъ расплаты?»

Вмѣсто дипломатіи нужно было высунуть больной языкъ, обнажить всѣ язвы и выложить карты на столъ. Съ точки зрѣнія дипломатическихъ доктринъ это была бы недопустимая дипломатія, но съ точки зрѣнія практики и здраваго смысла единственная возможная.

Вмѣсто этого, мы важно хохлились, то рядясь во всероссійское званіе, то принимая какія-то невыясненныя подаянія съ видомъ опустившагося интеллигента, дѣлающаго этимъ одолженіе дающему; язвы и болѣзни скрывали, тяжелой правды не говорили. Вмѣсто ясности получился туманъ; вмѣсто признанія — какое-то нелѣпое персидское положеніе; вмѣсто систематической и налаженной помощи — рядъ подачекъ отъ заморскихъ дядюшекъ, даваемыхъ какъ-то обидно, а иногда и со спускомъ намъ всякаго стараго хлама.

Остальные члены кабинета сѣрыя, безцвѣтныя, безобидныя, по своему добросовѣстныя фигурки совершенно негосударственного масштаба; они усердно засѣдали, старались что-то сдѣлать, раздули кадило на всероссійскій размахъ, но не справились съ узкими задачами Омскаго Градоначальничества. Активнаго вреда они не принесли, грязнаго и порочащаго власть сами не дѣлали, но оказались пигмеями передъ грозными требованіями даннаго историческаго часа русской жизни.

Исключительная обстановка требовала исключительныхъ людей, а не добросовѣстныхъ дѣлопроизводителей и усердныхъ просиживателей министерскихъ креселъ; нужны были кипучіе люди, энергичные, нешаблонные реформаторы и организаторы, способные на настоящее творчество, на созданіе новыхъ и разумныхъ формъ и новыхъ здоровыхъ порядковъ; нужны были таланты, способные понять, что произошло на русской землѣ, и какъ надо строить новую жизнь, отвергнувъ старыя и новыя скверны и сохранивъ все здоровое и разумное, что было въ старомъ и чему научило новое.

Что толку въ томъ, что въ многоэтажныхъ и густонаселенныхъ министерствахъ сидѣли ихъ исправные и старательные шефы, подписывали, предписывали, принимали доклады и докладывали; добросовѣстно высиживали долгіе часы во всевозможныхъ комиссіяхъ, совѣтахъ, комитетахъ и засѣданіяхъ, блюли за тѣмъ, чтобы министерскія мельницы не стояли безъ работы и махали своими внушительными по внѣшности крыльями . . . Все это было бы сносно въ нормальной и спокойной обстановкѣ; теперь же привело къ разбитому корыту.

Жизни мы не поймали; ея требованій не поняли и не уловили. Жизнь ушла отъ насъ и стала искать болѣе примитивныхъ, но реальныхъ осуществленій.

Получилось не созданіе государственности, а ея опрошеніе. Старыми прокислыми дрожжами пытались поднять новое тѣсто иной закваски и находимся теперь у порога банкротства.

Мы возстановили всѣ министерства, со всѣми ихъ деталями и вакоулками, но не возстановили власти, не возстановили ея дѣйственности и ея моральнаго и физическаго воздѣйствія на населеніе; хотѣли создать органы высшаго, да еще всероссійскаго масштаба, а получили второсортныя омскія магистратуры, забывшія въ своемъ думомъ величіи о черной землѣ и ея сѣрыхъ нуждахъ.

Если бы съ лѣта 1918 года всѣ наши многочисленныя министерства и управленія выработали себѣ уакія, дѣловыя, чисто мѣстныя программы и начали на мѣстахъ сѣрую и будничную, но видную и полезную для населенія работу, то настроеніе и состояніе тыла навѣрно было бы инымъ, чѣмъ теперь.

Одно изъ важнѣйшихъ для населенія Министерствъ это Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а что оно дало странѣ? Отрыжки стараго режима, отряды особаго назначенія и показательную неспособность поддержать порядокъ и охранить законопослушное населеніе отъ насилій и справа и слѣва.

Другое, важное для арміи и страны, Министерство Продовольствія и Снабженія, по названію и правамъ всеильный продовольственный диктаторъ, а на дѣлѣ хромающее на всѣ ноги бюрократическое учрежденіе, имѣющее цѣлую армію служащихъ, но неспособное даже частично справиться съ возложенными на него задачами. Неудачная его дѣятельность оставила армію безъ снабженій и обозлила населеніе; присосавшіеся къ нему темные дѣльцы вызвали массу обвиненій въ казнокрадствѣ, ввяточничествѣ, пегласныхъ подрядахъ, дутыхъ цѣнахъ и спекуляціи. То, что я видѣлъ во Владивостокѣ весной 19 года и въ Екатеринбургѣ и тѣ мелкіе факты, которые доходили до моего свѣдѣнія не позволяютъ сомнѣваться, что часть обвиненій была вполне справедливой.

Неклютинъ несомнѣнно хотѣлъ ввести въ этомъ Министерствѣ иные порядки, но это было не по плечу этому полному благихъ намѣреній отпрыску модернизованнаго купечества, но министру по недоразумѣнію.

Суетливая, сумбурная, а мѣстами подозрительно грязная дѣятельность многочисленныхъ органовъ этого черепашняго министерства отшатнула отъ него всю крупную торговлю и промышленность.

Неклютинъ пытается это поправить, но сейчасъ уже поздно. Въ результатѣ живемъ запасами текущаго дня и всякая задержка желѣзнодорожнаго транспорта или неисправность мѣстнаго агента создаетъ кризисы. Тогда начинается самая безшабашная реквизиція, отъ которой зеленѣетъ обыватель и шалѣетъ здоровая торговля и промышленность.

Права у этого Министерства диктаторскія и разговаривать не приходится, но потомъ все стонетъ, указывая, что отъ такой дѣятельности страдаютъ преимущественно приличные торговцы и промышленники, у которыхъ отнимаются послѣдніе запасы, да еще и по пониженнымъ цѣнамъ (равнымъ цѣнамъ неисполненной плановой заготовки, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ назадъ).

У Министерства не хватаетъ даже здраваго смысла расплачиваться по современнымъ цѣнамъ и хоть этимъ облегчить бремя реквизицій.

Вообще же, неудачная и гнилая организація этого архицентрализованнаго аппарата военнаго и гражданскаго снабженій принесла много вреда и гибельно отозвалась на странѣ и на арміи. Голодная и раздѣтая армія не выдержала тяжести испытаній Уральскаго отхода и скорѣе развалилась и перешла къ грабежу, а населеніе страны, ничѣмъ не снабжаемое и обираемое реквизиціями и конфискаціями, распухло отъ власти.

Военное Министерство въ отношеніи распуханія не отстало отъ другихъ, но это ему болѣе другихъ простительно, ибо на его долю выпала большая работа, а его дѣятельность имѣла характеръ и размѣры почти что всероссійскаго масштаба. Въ отношеніи личнаго состава положеніе его оказалось болѣе благоприятнымъ, такъ какъ ему посчастливилось собрать довольно порядочный кадръ старыхъ, опытныхъ работниковъ, среди которыхъ было немало лицъ, занимавшихъ отвѣтственныя должности въ дореволюціонныхъ Главныхъ Управленіяхъ Военнаго Министерства. При должномъ руководствѣ и при осуществленіи строгой дѣловой программы этотъ составъ можетъ дать продуктивную и систематизированную работу. Если ея не было до сихъ поръ, то въ

этомъ менѣ всего отвѣтственны чины Министерства; они дѣлали то, что отъ нихъ требовали; работали тѣмъ темпомъ, который былъ установленъ.

Военныхъ Министровъ прошло пока три: Степановъ, я и замѣнявшій временно насъ обоихъ Суринъ. Всѣ мы были слишкомъ добросовѣстны и недостаточно бурны для этого времени. Степановъ имѣлъ возможность сильно и благотворно вліять на адмирала и могъ повліять на всю дѣятельность Ставки, но уѣхалъ не во время въ дальневосточную командировку и далъ себя свалить.

Я тоже не подошелъ къ Омской обстановкѣ; здѣсь надо было больше бурности, больше вмѣшательства въ политику, больше дерзости и наскока съ одной стороны, но больше покладливости и умѣнія ходить и не прямыми путями съ другой.

Я увлекся своей работой, зарылся въ нее съ головой и видѣлъ только ее; за свое я боролся бурно и достигъ довольно сносныхъ результатовъ. Но за остальное, что я видѣлъ и за что болѣлъ и мучился, я боролся докладами, разговорами, напоминаніями и просьбами; это было мало и теперь, отойдя отъ дѣла, я это сознаю.

Надо было сразу начать гремѣть и или заставить себя слушать или сразу же уѣхать изъ Омска; привычная дисциплинированность и отсутствіе привычки мѣшаться активно не въ свое дѣло не позволили, очевидно, этого сдѣлать.

Затѣмъ надо было быть болѣе покладливымъ и проявить больше житейскаго умѣнія проводить то, что считалъ нужнымъ; быть можетъ, если бы я сумѣлъ больше сойтись съ такими кругами и лицами, которые, хотя мнѣ и претили, но были нужны для успѣха дѣла, то практическіе результаты принесли бы больше пользы, чѣмъ прямая, внѣ уступокъ и компромиссовъ, дѣятельность. Этого умѣнья не было у меня никогда, не было и въ Омскѣ. Быть можетъ, если бы я былъ менѣ рѣзокъ и сумѣлъ пожертвовать принципиальнымъ ради удовлетворенія чужихъ слабостей и интересовъ, то этимъ въ концѣ концовъ принесъ бы больше пользы для общаго дѣла.

Жалѣть объ этомъ поздно, но, при подведеніи общихъ итоговъ, подумать слѣдуетъ. Я былъ Военнымъ Министромъ, но я не былъ членомъ Правительства въ активномъ значеніи этого слова; теперь только вижу, что обстановка требовала послѣдняго; три четверти шансовъ за то, что ничего изъ этого не вышло бы, ибо я очень плохъ по части равныхъ приспособляваній и слишкомъ неудержимъ въ проявленіи своихъ симпатій и антипатій (не личныхъ, а служебныхъ).

Надо было быть болѣе честолюбивымъ, болѣе властолюбивымъ, болѣе бурнымъ, болѣе политиканомъ и менѣ увлекаться своей прямой работой. На дѣятельность Военнаго Министерства навѣшали цѣлыя стаи собакъ, но едва ли справедливо; могу свидѣтельствовать объ этомъ, какъ посторонній человекъ, ибо мое пребываніе въ этомъ Министерствѣ совпало съ его разгромомъ и съ періодомъ работы въ полупараличномъ, катастрофическомъ положеніи.

Принятое мною Военное Министерство представляло весьма удовлетворительно налаженный аппаратъ для исполненія любой работы въ предѣлахъ и объемѣ его вѣдѣнія. Помощникъ Военнаго Министра по части снабженій генералъ Суринъ выполнилъ огромную организаціонную и исполнительную работу, и не его вина, что она не дала тѣхъ благихъ результатовъ, какъ то слѣдовало. Главныя Управленія сдѣлали очень много, чтобы разобратся въ общей обстановкѣ и положить начало серьезной восстановительной работѣ.

Несомнѣнно, что было много коряостей и ошибокъ; были тѣ же распухнувшіе штаты, ослабленіе работоспособности, народженіе разныхъ экзотическихъ учрежденій и привѣсковъ, заоблачность, непрактичность и никчemuшность извѣстной части работы, неумѣніе оторваться отъ старой плѣсени и начать думать и дѣйствовать сообразно новой, совершенно оригинальной обстановкѣ.

Но все это возможно поправить, ибо въ личномъ составѣ министерства много работниковъ стараго закала, и ихъ очень легко направить на новый курсъ, которому они принесутъ старую добросовѣстность и исполнительность. Это давало мнѣ право надѣяться на успѣхъ того, что я задумывалъ, но что мнѣ не удалось выполнить.

Если намъ удастся вывернуться, то моему преемнику предстоитъ широкое поле дѣятельности; конечно, только, если ему удастся выправить ненормальное положеніе нашего министерства и спасти его отъ разныхъ экспериментовъ, навѣваемыхъ Ставкой.

Совершенно не знаю, что такое Ханжинъ, какъ администраторъ; но онъ почти полгода былъ командующимъ западной арміей, знаетъ нужды фронта, знаетъ, какія жалобы предъявлялись и предъявляются къ тылу, такъ что ему очень нетрудно направить работу такъ, чтобы устранить всѣ такія жалобы.

Въ общемъ, настоящаго государственнаго строительства въ главныхъ его отдѣлахъ не было и вся огромная по размѣрамъ работа Омскихъ министерствъ не дала почти никакихъ результатовъ. Исписаны поѣзда бумаги, пролиты моря чернилъ и типографской краски, проявлены тысячи благихъ намѣреній, составлены сотни очень благопристойныхъ законовъ, но все это прошло мимо жизни и не разрѣшило тѣхъ будничныхъ сѣрыхъ, но существенно важныхъ вопросовъ, которые были поставлены намъ на разрѣшеніе.

Что же дѣлать сейчасъ? Пока всѣми мѣрами спасать армію; министерствамъ бросить немедленно Омскъ, откатиться подальше въ тылъ и на новомъ мѣстѣ отрѣшиться отъ Омскихъ ошибокъ и Омскаго размаха и начать настоящую работу по мелкому ремонту и воссозданію разрушенныхъ жизненныхъ частей государственнаго управленія, съ минимумомъ работы въ министерствахъ и максимумомъ на мѣстахъ, въ самой странѣ. Исполненіе безумно тяжело, быть можетъ, едва ли осуществимо, ибо пожаръ возстаній, охватившихъ почти всю населенную Сибирь, почти уничтожаетъ возможность работы среди населенія; всѣ возстанія сопровождаются истребленіемъ чиновниковъ, священниковъ, учителей и мелкой интеллигенціи; очевидно, новый красный принципъ «бей непокорнаго интеллигента и щадя по возможности покладливаго буржуя» проводится достаточно послѣдовательно.

По военной части судьба послала Адмиралу помощника въ лицѣ стратегическаго младенца генерала Лебедева. Въ сказкахъ феи приносили къ колыбели новорожденныхъ принцевъ и принцессъ разные подарки — счастливые и скверные. Какая-то злобная къ Адмиралу и къ Россіи фея принесла въ Сибирь этого погубителя (невольнаго, конечно) сибирской вооруженной силы, успѣвшаго за 10 мѣсяцевъ свести на нѣтъ всѣ успѣхи начала сибирскаго благаго движенія и подвести насъ почти что къ военной катастрофѣ.

Рядовой оберъ-офицеръ Генеральнаго Штаба, оказавшійся не къ масти въ арміи Корнилова, не имѣвшій за собой ничего, кромѣ Георгіевскаго Креста, выскочилъ вдругъ въ полномъ власти распорядители той могучей вооруженной силы, которую выставила Сибирь для борьбы за освобожденіе Россіи отъ красныхъ тирановъ.

Безъ всякаго служебнаго стажа, ничѣмъ никогда не командовавшій, отбывшій наиболѣе безцвѣтныхъ въ генеральномъ штабѣ должности для порученій и негодный даже для должности начальника низшаго войскового штаба, онъ взялъ въ свои руки оперативное управленіе арміями и ихъ организацію.

Для обыкновеннаго революціоннаго времени это было бы нормально; тамъ берутъ то, что есть подъ рукой, какъ брали въ началѣ борьбы на должности командующихъ сибирской арміей Гришина-Алмазова, Иванова-Ринова и другихъ.

Но въ концѣ 1918 года борьба на Уральскомъ фронтѣ велась уже тремя арміями; численность вооруженной силы подходила къ сотнямъ тысячъ; само верховное командованіе приняло всероссійскій титулъ. Все это требовало назначенія на должность Наштаверха такого лица, которое было бы способно оказать на уровнѣ столь высокаго положенія.

Если не было подходящаго лица въ Сибири, то ничто не мѣшало снестись съ югомъ Россіи, гдѣ безъ дѣла сидѣли десятки генераловъ съ большимъ служебнымъ опытомъ. Да и въ Сибири былъ подъ рукой генералъ Флугъ, какъ нельзя болѣе подходившій къ такой отвѣтственной роли.

Конечно, переворотчики, родившіе Омскую власть, сами разбирали высокія вакансіи, и Лебедеву, какъ одному изъ участниковъ переворота, ничто не мѣшало взобраться на столь высокій постъ, считая вѣроятно, что если прапорщикъ Абрамъ Крыленко былъ краснымъ главверхомъ, то отчего же подполковнику Лебедеву не сдѣлаться бѣлымъ Наштаверхомъ.

Но, что думали Вологодскій и серьезные Омскіе круги, которые обязаны были понимать, что все будущее поднятой борьбы зависит отъ того, въ чьи руки попадетъ руководство боевымъ фронтомъ и организаціей арміи и Ставки?

Вѣдь, всѣ понимали очень хорошо, что Адмиралъ военнаго дѣла не знаетъ и реальнымъ Верховнымъ Главнокомандующимъ быть не можетъ; должны были понимать, что такому Главнокомандующему нуженъ помощникъ и докладчикъ съ огромными знаніями и опытомъ въ дѣлѣ стратегическаго управленія крупными военными операціями и въ дѣлѣ организаціи всей вооруженной силы.

Что Лебедевъ взобрался на этотъ постъ, то это не удивительно; но то, что его допустили это сдѣлать, можетъ быть объяснено только обстановкой военнаго переворота.

Непонятно отношеніе союзниковъ къ факту пребыванія Лебедева на этомъ посту; ихъ военные представители отлично учитывали его негодность; генералъ Ноксъ отказывался «разговаривать съ этимъ мальчишкой». Зачѣмъ же было тогда помогать, разъ знали что то главное, что только и можетъ привести къ успѣшному концу, т. е. вооруженная сила находится въ рукахъ очень самонадѣяннаго, но военно безграмотнаго мальчишки, который съ наслажденіемъ изображаетъ полномочнаго Наштаверха, но неспособенъ выполнить и самой ничтожной части лежащихъ на этомъ званіи обязанностей.

На фронтѣ тоже сидѣли тогда разные вундеркинды, что особенно настоятельно требовало, чтобы на верхи военнаго управленія были поставлены настоящіе мастера своего дѣла.

Къ зимѣ 1918 года передъ Ставкой стояли грандіозныя задачи и отъ умѣлаго и успѣшнаго исполненія ихъ зависѣлъ весь успѣхъ операцій 1919 года, а съ нимъ и всей начатой борьбы. Надо было провести новую организацію фронта и ввести въ регулярныя рамки тотъ конгломератъ разныхъ войсковыхъ образованій, которые родились въ первый повстанческій и неорганизованный періодъ борьбы.

Нужно было разработать полный планъ кампаніи 1919 года, разработать до послѣднихъ мелочей, какъ по части операцій и снабженій, такъ и самой тщательной подготовки всего тыла. Это требовало огромныхъ знаній, огромнаго опыта и умѣнья дѣлать такую отвѣтственную работу, которая и въ меньшихъ размѣрахъ была по плечу только лучшимъ офицерамъ Генеральнаго Штаба.

Ничего этого сдѣлано не было. Я видѣлъ жалкій докладъ, разбиравшій преимущества сѣвернаго и южнаго наступленій, и былъ пораженъ дѣтскостью его содержанія; въ былыя времена офицеръ Генеральнаго штаба не рискнулъ бы выступить съ такой работой, а если бы рискнулъ, то могъ поплатиться переводомъ изъ Генеральнаго Штаба.

Теперь разбирать и критиковать было некому; надо было только настроичить что-нибудь по внѣшности приличное для того, чтобы убѣдить Адмирала согласиться на выборъ рѣшительнаго наступленія нашимъ правымъ флангомъ на Казань и Вятку, это и сдѣлали съ дерзкимъ самомнѣніемъ молодежи, забравшейся наверхъ и увѣренной, что она все знаетъ и все можетъ.

Это и было все, что сдѣлали для разработки плана кампаніи, долженствовавшей рѣшить судьбы Россіи. Никто не побезпокоился взять въ руки самый элементарный учебникъ стратегіи и, хотя бы по оглавленію, провѣрить равсмотрѣно ли и сдѣлано ли то, что считается *sine qua non* всякой крупной стратегической операціи. Не нашлось никого, кто бы поставилъ вопросъ объ абсурдности выбора сѣвернаго направленія и доказалъ бы всю предвзятость, натянутость и неосновательность защищавшихъ это направленіе доводовъ. Не нашлось никого, кто нашелъ бы пути доложить Адмиралу невозможность вести войну такого размѣра безъ твердаго плана, въ расчетѣ только на какую-то авоську; такъ воевать могли нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, но продолжать такъ было преступно даже для корпуса, не говоря уже объ арміяхъ, въ которыхъ числили тогда до 400 тысячъ человекъ.

Случайный Пермскій успѣхъ безсовѣстно раздутый въ огромную побѣду и залившій его участниковъ дождемъ высокихъ наградъ, раздражилъ ставочныя и фронтовыя самолюбія, и начался шалый полетъ къ Волгѣ, приведшій къ Уральской катастрофѣ и опредѣлившій всѣ остальные неудачи и бѣдствія.

Это была не стратегія, не управленіе арміями, а нѣчто невообразимое по своей легкомысленности.

Красныхъ сбросили со счетовъ; о возможности ихъ новаго появленія на фронтѣ забыли (хотя знали, что у красныхъ въ центрѣ Россіи имѣются готовые резервы) и весь фронтъ, какъ ошалѣлый, понесся къ Волгѣ. Всѣ фронтовые полководцы намѣтили себѣ призы — Вятку, Казань, Симбирскъ и Самару и ни о чемъ больше не думали; еще менѣе думала Ставка и Лебедевъ о томъ, что составляло ихъ священный долгъ, а именно объ обеспеченіи шедшей операціи и о будущемъ.

Въ началѣ своего знакомства съ этимъ періодомъ войны я упрекалъ Гайду, Пепеляева и Ханжина за этотъ малый походъ, и только передъ уходомъ изъ Министерства нашелъ оставленный Степановымъ въ ящикѣ стола копіи директивъ этого періода, даваемыхъ арміямъ Лебедевымъ.

Я остолбенѣлъ тогда, прочитавъ съ какимъ сумасшедшимъ упрямствомъ и повелительной настойчивостью Лебедевъ требовалъ отъ армій быстроты движенія впередъ и какія непосильныя онъ ставилъ задачи.

Для его практической безграмотности это было совершенно понятно; его оберъ-офицерскому горизонту не было дано видѣть, куда и на что онъ тащитъ вымотанныя зимнимъ походомъ арміи; отдавая свои хлесткія директивы, онъ даже не представлялъ себѣ, какъ это все осуществляется на самомъ дѣлѣ и какъ отзывается на войскахъ.

Онъ и его помощники швыряли по картѣ войсками и арміями съ такой же легкостью, какъ переставляли изображавшія ихъ булавки; все остальное было ниже ихъ юпитерскихъ горизонтовъ и должно было осуществляться тѣми, что сидѣли ниже ихъ. А такъ какъ сидѣвшіе были также малограмотны въ большомъ военномъ дѣлѣ, то и понятно къ чему все это привело.

О правильной организаціи арміи совершенно забыли, предоставивъ фронту развиваться и разрастаться совершенно автономно. Полки дѣлались самостоятельно дивизіями, дивизіи корпусами, корпуса — арміями, а Ставка все это принимала къ свѣдѣнію и утверждала. Развитіе организаціи, огромные штабы и тылы требовали людей и на фронтѣ начались мобилизаціи, объявляемыя всѣми, кто хотѣлъ; каша получилась несо свѣтлая, но никакихъ мѣръ по упорядоченію этого организаціоннаго и мобилизаціоннаго кабака принято не было, — Ставка считала, что это не ея дѣло. Все это и привело къ тому, что къ началу 1919 года фронтъ переполнился массами совершенно небоевого элемента и дошелъ до непомерной численности въ 860 тысячъ ртовъ или, какъ ихъ называли, «ложекъ» (въ противопоставленіе штыкамъ). Что это былъ за элементъ, явствуетъ изъ того факта, что Сибирская армія, числившая въ іюнѣ 350 тысячъ ртовъ, отошла къ Тюмени въ составѣ 6 тысячъ штыковъ.

Для ставочныхъ юпитеровъ правильная организація была парой пустяковъ; только полевой инспекторъ артиллеріи понималъ, что такое организація, и выполнилъ колоссальную организаціонную работу, дающую возможность справляться до сихъ поръ со всѣми катастрофами и потерями и поддерживать артиллерію въ весьма сносномъ состояніи. Работа Прибыловича — это работа настоящаго мастера своего дѣла и талантливаго организатора, вполнѣ достойнаго того высокаго поста, который онъ занимаетъ.

Формированіе резервныхъ частей было поручено профанамъ и очковтирателямъ, провалившимся преимущественно на боевомъ фронтѣ; они пытались возстановить свое реноме и широко развили тѣ приемы, которые всегда были у насъ въ такомъ ходу и заключались въ умѣньи обмануть начальство и блеснуть вѣдностью; спрятавъ и замазавъ всѣ внутренніе недостатки. вмѣсто полевого обученія и внутренней дисциплины блистали опереточными формами, оркестрами музыки и натаскиваніемъ частей въ церемоніальномъ маршѣ.

Все било на эффектъ и на быструю отмѣну. Правда была не въ ходу. Когда командиръ одного изъ корпусовъ, генералъ Сукинъ, захотѣлъ заставить обратить вниманіе верховъ на отвратительное снабженіе фронтовыхъ частей и вывелъ почетный караулъ для встрѣчи Адмирала безъ штановъ, т. е. въ томъ видѣ, въ которомъ ходили всѣ солдаты корпуса, то его отрѣшили отъ командованія и все время держали потомъ въ немилости.

Прочтѣтали за то конвой начальствующихъ лицъ, ставочныя и штабныя роты и сотни, разныя техническія команды и тыловыя учрежденія.

Общее безсиліе Омской власти распространялось и на фронтѣ. Зимніе успѣхи распоясали суровую дисциплину перваго періода войны. Распухнувшіе штабы блистали великолѣпными поѣздами; фронтъ сталъ заполняться семьями; строгіе порядки постепенно равсосались; воцарилось штабное засилье, сибаритство.

Въ концѣ концовъ на одного бойца появилось девять тыловиковъ и никто не обращалъ на это вниманія. Ставка величественно это игнорировала. хотя ей, какъ головѣ военнаго управленія, надлежало понимать, что установившіеся на фронтѣ порядки недопустимы и обратятъ армію въ негодные для боя таборы, причемъ въ общей кашѣ исчезнутъ тѣ настоящіе боевые элементы, которые при правильной организаціи будутъ стальной, непреоборимой силой.

Сама Ставка разрослась въ нѣчто чудовищное по своимъ размѣрамъ и совершенно не соотвѣтствовавшее той ничтожной положительной работѣ, которая тамъ производилась. По наружности работали много, по своему, усердно и добросовѣстно, но, по неопытности, съ малыми практическими результатами. Продуктивнѣе другихъ отдѣловъ работалъ отдѣлъ Дежурнаго Генерала, болѣе опредѣленный по своимъ функціямъ и подобранный большіе кадры старыхъ опытныхъ работниковъ.

Оперативная работа сводилась къ составленію сводокъ, къ разнаго рода статистикѣ и къ мелочному вмѣшательству въ дѣйствія армій, состоянія которыхъ Ставка не знала, въ мѣстности, описанія которой въ Ставкѣ не было и при условіяхъ, которыя ставочные младенцы и представить себѣ не могли, сидя въ Омскѣ.

Наиболѣе роскошно развились такіе паразитныя, а при отсутствіи строгаго надзора, гнусныя учрежденія, какъ контръ-развѣдка и разныя освѣдомленія, создавшія громоздкія, дорогія и вредныя для чистоты нашего дѣла организаціи. У нихъ нѣтъ даже того умѣнья и той профессиональной добросовѣстности, которыми отличались наши старыя охранныя учрежденія и ихъ штатные агенты; зато всѣ скверныя стороны прежняго восприняты полностью.

Настоящей контръ-развѣдки и истинной борьбы съ агентами большевизма у насъ нѣтъ; все дѣлается на показъ, чтобы удовлетворить начальство, проявить дѣятельность и оправдать расходы, достигающіе чудовищныхъ размѣровъ; въ Омскѣ у меня не проходило недѣли, чтобы отъ меня не требовали десятки милліоновъ рублей на расходы по контръ-развѣдкѣ (расходы безконтрольныя, повѣряемые и утверждаемые ближайшимъ начальствомъ, что и даетъ просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, и требуетъ особо опытнаго и тщательнаго надзора со стороны старшихъ органовъ).

Реформировать и упорядочить дѣятельность этихъ полупочтенныхъ учреждений будетъ не легко и реформатору надо будетъ проявить исключительную энергію; отрицательные элементы этой клики легко не сдадутъ своихъ вкусныхъ позицій, а они достаточно сильны во вліятельныхъ верхахъ и сумѣли сдѣлаться тамъ очень нужными.

Освѣдомленіе тоже растетъ и пухнетъ; только мѣсяцъ тому назадъ для него проведены новыя огромныя штаты съ очень повышенными сравнительно со всѣми остальными окладами военнослужащихъ. Пользы отъ этой очень модной организаціи почти никакой, ибо главная ея задача оклеивать заборы Омска плакатами и извѣщеніями; только за послѣднее время она стала доставлять весьма цѣнныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи частей и настроеніи населенія разныхъ районовъ тыла; это собственно не ея дѣятельность, но она организовала сборъ этихъ свѣдѣній параллельно съ распространеніемъ своей литературы.

Опредѣленно считаю, что отъ казеннаго освѣдомленія пользы не будетъ; лучшимъ казеннымъ освѣдомленіемъ будутъ хорошіе начальники и офицеры въ арміи и честные и полезные для населенія чиновники въ странѣ; если все это есть, то и не особенно сложное освѣдомленіе о дѣятельности правительства будетъ дѣйствительно; если же этого нѣтъ, то никакія тысячи освѣдомительныхъ дѣятелей и никакіе иврасходованные милліоны уже не помогутъ.

Офицерскій вопросъ разрѣшенъ Ставкой отчаянно плохо; увлеклись непомернымъ развертываніемъ армій и вызваннымъ этимъ спросомъ на офицеровъ; не сумѣли сдержать автономныя формированія и использовать кадры старыхъ унтеръ-офицеровъ для производства и назначенія на офицерскія должности. Остановились на совершенно невѣрной системѣ краткосрочныхъ школъ, не учтя совершенно современнаго состоянія нашей, даже полуинтеллигентной молодежи. На этомъ мы уже обрѣзались въ прошлую войну, но это не помѣшало Ставкѣ повторить ту же ошибку.

Въ нѣсколько недѣль нельзя создать офицера или даже сносный его суррогатъ; его нельзя научить даже азбукѣ военнаго дѣла въ объемѣ, требуемомъ младшимъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ; я знаю это по опыту школъ, организованныхъ на фронтѣ во время большой войны. Еще меньше возможно заложить за это время основы офицерской этики въ ея здоровыхъ и разумныхъ проявленіяхъ.

Офицеръ же, умѣющій только командовать, отдавать честь, дѣлать гимнастику, но не знающій основъ военнаго дѣла и лишенный настоящей офицерской этики, это очень опасный матерьялъ для современныхъ милиціонныхъ войскъ, могущихъ быть сносной вооруженной силой только при наличіи хорошихъ и знающихъ офицеровъ.

Произведенные строевые унтеръ-офицеры имѣютъ то преимущество, что знаютъ основныя приемы своего ремесла, умѣютъ распоряжаться въ бою, на походѣ и на отдыхѣ; наши же штампованные офицеры этимъ умѣньемъ не обладаютъ и это лишаетъ ихъ всякаго практическаго значенія. Таково единогласное заключеніе всѣхъ старыхъ офицеровъ, съ которыми я говорилъ по этому поводу.

На германскомъ фронтѣ еще до революціи наши солдаты подмѣтили слабыя стороны офицеровъ, выпускаемыхъ изъ краткосрочныхъ школъ и звали ихъ шестинедѣльными выкидышами.

Жаль то, что среди этой молодежи много хорошаго матерьяла, но надъ нимъ надо долго и внимательно поработать. По тому, что я слышалъ про постоянный составъ нашихъ офицерскихъ и инструкторскихъ школъ, онъ работаетъ очень добросовѣстно, но не въ состояніи сотворить чудо, т. е. создать въ нѣсколько недѣль подготовленныхъ для фронта офицеровъ.

Будь Ставка дальновиднѣе и спокойнѣе, она сообразила бы, что гораздо цѣлесообразнѣе потерпѣть пока съ недостаткомъ офицеровъ на фронтѣ, но за то дать школамъ по крайней мѣрѣ годичный курсъ для одной части и двухгодичный для другой части юнкеровъ. Это обезпечило бы постепенное пополненіе арміи все болѣе и болѣе подготовленнымъ офицерскимъ составомъ.

То же, что мы дѣлаемъ, это только одна видимость и обманъ самихъ себя, ибо на самомъ дѣлѣ мы посылаемъ на фронтъ совершенно негодныхъ и поэтому даже ненужныхъ ему офицеровъ, и въ то же время безцѣльно расходуемъ кадры той молодежи, изъ которой къ веснѣ могли получиться сносные замѣстители младшихъ офицеровъ.

Отсутствіе плана и нервность даютъ здѣсь тѣ же результаты, какіе получились съ несвоевременнымъ выбросомъ на фронтъ неготовыхъ резервовъ; всѣ они погибли, не принеся никакой пользы; сохраненные же и употребленные во время — они навѣрное гнали бы теперь красныхъ обратно за Уралъ.

Адмиралъ и Россія имѣютъ полное право повторить Лебеву зловѣщій по своему значенію упрекъ: «Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны».

Формированіе резервовъ въ тыловыхъ округахъ было поставлено очень скверно; ихъ считали пасынками, обижали личнымъ составомъ и снабженіемъ; ихъ замаривали караульной службой и не давали заниматься; едва они начинали дѣлаться чѣмъ-то похожимъ на части, ихъ посылали на разныя усмиренія, а при первой возможности вытаскивали на фронтъ.

Здѣсь тоже не было планомѣрности, системы, способности учесть всю важность этихъ формированій и поставить ихъ въ такія условія, чтобы они могли стать войсками и настоящимъ усиленіемъ фронта.

Таковы итоги шестимѣсячнаго пребыванія въ Омскѣ, тяжелыхъ переживаній, печальныхъ выводовъ и мрачныхъ заключеній. Считался въ Омскѣ и уѣхалъ изъ Омска съ ава-

ніемъ брюзги и пессимиста. Въ этомъ отношеніи характерно письмо моего сослуживца, полученное мной въ день отъѣзда изъ Томска; онъ сообщаетъ, что, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Адмиралъ выразилъ сожалѣніе о потерѣ хорошаго работника, но добавилъ: «но у него былъ несносный характеръ и онъ вѣчно со всѣми ссорился». Бѣдный полярный исследователь такъ и не разобралъ, что если я и ссорился, то не ради себя, а ради того же самаго дѣла, о которомъ такъ горѣлъ самъ онъ.

Въ Совѣтъ Министровъ рядомъ съ искренними сожалѣніями о моемъ уходѣ, высказывалось и облегченіе; одинъ изъ моихъ сосѣдей по столу засѣданій сказалъ: «ну, что это за военный министр; сидитъ и критикуетъ; молчитъ, молчитъ, а потомъ все разругаетъ и наговоритъ кучу неприятностей».

Я польщенъ этимъ отзывомъ; по внѣшности онъ вѣренъ; жаль только, что говорившій не сумѣлъ разобратъ въ томъ, что подвигало меня на эту критику, и до сихъ поръ не расчухалъ, насколько она была справедлива и какъ слѣдовало бы къ ней прислушаться.

Но на званіе присяжнаго пессимиста я несогласенъ; я не пессимистъ, я только привыкъ разглядывать жизнь, анализировать событія и дѣлать выводы; началось это еще въ училищѣ, развилось на почвѣ увлеченія высшей математикой, укрѣпилось жизнью и двадцатью годами веденія дневника, ежедневнаго подсчета видѣннаго, слышаннаго и выведеннаго. Я не могу скользить по жизни, слишкомъ уже вѣлась привычка все положить подъ аналитическій микроскопъ.

Сейчасъ, переживая опять послѣдніе мѣсяцы моей жизни, когда передъ моей больной памятью проносятся Омскія событія и воспоминанія, искренно жалѣю, что докторъ Б. отстоялъ меня отъ перехода въ потусторонній міръ. Я всегда боялся «доживанія» жизни, съ потерей вѣры въ будущее, и эта опасность теперь на меня надвинулась во всемъ ея ужасѣ.

До Омска у меня украли все прошлое; Омскій періодъ укралъ у меня будущее, разбилъ послѣднія иллюзіи, лишилъ всякихъ надеждъ, что я доживу до возстановленія Россіи — Россіи, а не своихъ потерянныхъ правъ, которыя я похоронилъ безвозвратно и воспоминаніе о которыхъ меня даже не тревожитъ.

До Омска я надѣялся на осуществленіе завѣтной мечты увидѣть опять Россію сильной и здоровой, въ новыхъ и разумныхъ формахъ управленія честными и идейными людьми, подвижнически трудящимися на благо своей страны и своего народа.

Надежда эта была сильно потрепана тѣмъ, что я видѣлъ въ Харбинѣ и въ Владивостокѣ, но все же еще теплилась; я продолжалъ вѣрить и надѣяться, что все пережитое и переживаемое насъ наконецъ встряхнетъ, вышибетъ много старой дряни и заставитъ думать иначе и лучше и поступать иначе и лучше. Омскъ эту надежду доканалъ, вытравилъ послѣдніе ея остатки каленымъ желѣзомъ всего пережитаго и испытаннаго, ѣдкой кислотой проклятыхъ, но неопровержимыхъ выводовъ беспощадной дѣйствительности, сотнями молотовъ разбившей послѣднія иллюзіи и затмившей мрачными, кровавыми тучами послѣдніе кусочки голубого неба надежды.

Теплилась надежда на Деникина, но и тамъ все какъ-то замерло — грозное и мрачное предзнаменованіе того, что было съ нами у Волги.

Боюсь одного: что проклятое Омское болото засосетъ для своей защиты послѣдніе остатки нашихъ армій, въ спасеніи которыхъ послѣдняя надежда на новое возрожденіе сибирской борьбы за бѣлую идею, уже въ новомъ 1920 году.

1919 годъ будетъ проклятымъ для Россіи годомъ, болѣе проклятымъ, чѣмъ два его предшественника, ибо онъ видѣлъ, какъ невѣроятныя ошибки власти и отчаянно скверное управленіе фронтомъ свели на нѣтъ всю борьбу за спасеніе Россіи отъ краснаго ужаса.

Великіе подвиги страстотерпцевъ и мучениковъ, героевъ-борцовъ за родину, усявшихъ своими костями поля Сибири и обильно залившихъ ихъ своей кровью, погибли подъ напоромъ грязи и гноя, порожденныхъ тѣми изъ ихъ недостойныхъ преемниковъ, которые дерзкими и грязными руками схватили завѣтныя бѣлыя эмблемы и прикрыли ими все свое ничтожество и свои вождѣлнія.

Скромные и безвѣстные герои, партизаны первыхъ офицерскихъ организацій и офицерскихъ возстаній, мученически страдавшіе за Родину, безтрепетно поднявшіеся за нее на смертный бой съ ея насильниками, не нашли достойныхъ преемниковъ; оставшіеся въ живыхъ и одиноко разбросанные продолжаютъ нести свой тяжелый крестъ и исполнять свой великій подвигъ на берегахъ Ишима въ послѣднихъ усиліяхъ остановить красный натискъ и опять увидѣть радость побѣды.

Дай только Богъ, чтобы они не сознавали того, что я сознаю и не понимали того, что я понимаю, ибо это было бы хуже смерти.

Я эту смерть уже пережилъ и смертельный ядъ безысходнаго отчаянія уже выпилъ въ безсонныя ночи подведенія Омскихъ итоговъ.

Съ такимъ багажемъ кончаю Омскій періодъ своей жизни и качусь къ временному Харбинскому гнѣзду, въ печальное бытіе печальнаго доживанія безъ прошлаго и безъ будущаго.

Замѣченныя опечатки въ „Дневникъ“ барона А. Будберга.

„Архивъ Русской Революціи“ т. XIII.

Стр. 287, строка 21 снизу. Напечатано: „Николаевъ“, слѣдуетъ читать: „Никляевъ“.

„ 291, „ 27 сверху: Напечатано: „Фарева“, слѣдуетъ читать: „Агарева“.

„Архивъ Русской Революціи“ т. XIV.

Стр. 325, строка 6 сверху. Напечатано: „Хоротхинъ“, слѣдуетъ читать: „Хорошхинъ“.